

ФИ-
ЛОСО-
ФИЯ

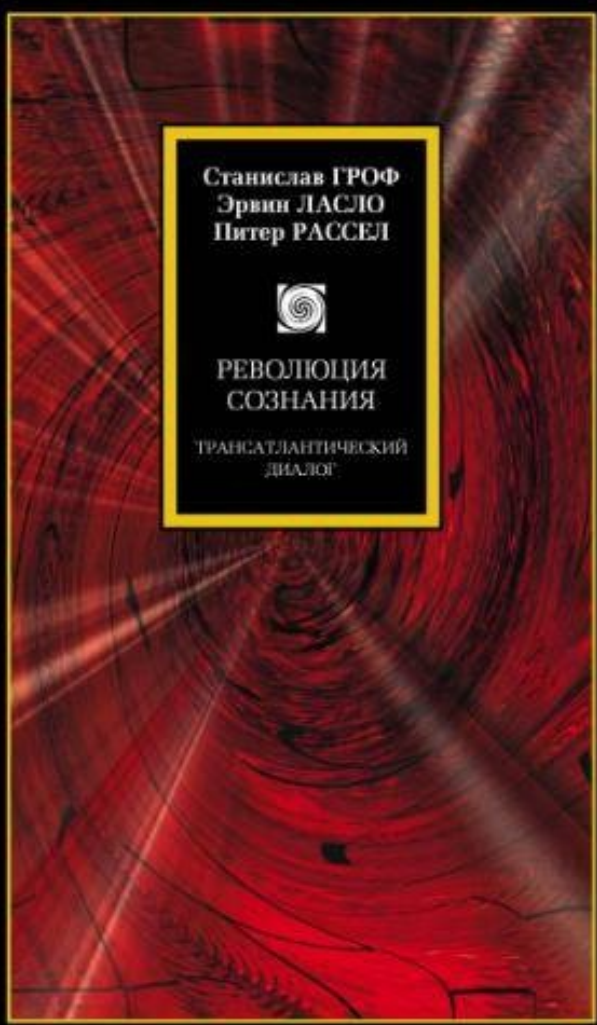

РЕВО-
ЛЮЦИЯ
СОЗНА-
НИЯ

ISBN 5-17-022717-5

9 783170 227174

Станислав ГРОФ
Эрвин ЛАСЛО
Питер РАССЕЛ

РЕВОЛЮЦИЯ
СОЗНАНИЯ

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ

Насколько велика вероятность осуществления сценария «конца света»? Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? Трое крупнейших ученых размышляют в этой книге о шансах на установление мира во всем мире. Как выясняется в ходе их бесед, даже если речь идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности, ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, является состояние нашего сознания.

Революция сознания

Трансатлантический диалог

Два дня со Станиславом Грофом, Эрвином Ласло и Питером Расселом

Под редакций Эрвина Ласло
Предисловие Кена Уилбера
Послесловие Иегуди Менухина

Издательство Института трансперсональной психологии
Издательство К. Кравчука
Издательство АСТ

Редакционный совет:
Бронислав Виноградский (Россия)
Станислав Гроф (США)
Павел Гуревич (Россия)
Двайт Джуди (США)
Владимир Козлов (Россия)
Стенли Криппнер (США)
Леонид Кроль (Россия)
Владимир Майков (Россия)
Яков Маршак (Россия)
Арнольд Минделл (США)
Эми Минделл (США)
Валерий Подорога (Россия)
Джон Ровен (Великобритания)
Аркадий Ровнер (Россия — США)
Михаил Рыклин (Россия)
Тыну Сойдла (Россия)
Дмитрий Спивак (Россия)
Чарлз Тарт (США)
Евгений Файдыш (Россия)
Вячеслав Цапкин (Россия)

Ervin Laszlo Stanislav Grof Peter Russell

The Consciousness Revolution
A Transatlantic dialogue

Element
Shaftesbury, Dorset Boston, Massachusetts
Melbourne, Victoria

Перевод с английского: Марка Драчинского
Научная редакция к. филос.н. Владимира Майкова

Предисловие

«Революция сознания» — это необычная дискуссия между тремя великолепными умами нашего времени, живыми в своем взаимообмене, сострадательными в своем охвате, блистательными в своем громком призыве к пробуждению нашей совести и сознания.

Станислав Гроф — один из величайших психологов нашего и любого времени, каким его, несомненно, признает история. Его многочисленные книги — «Области человеческого бессознательного», «За пределами мозга», «Космическая игра» и другие — уже снискали ему заслуженную славу. В своих многочисленных друзьях и коллегах он вызывает не только глубочайшее уважение, но и подлинное восхищение. Это настоящий первооткрыватель в современном освоении обширных и, по-видимому, безграничных областей сознания; начертанные им карты этого невероятного ландшафта освещают его с точностью и страстью, равных которым в наши дни нет.

Питер Рассел — блистательный теоретик, вносящий поразительный творческий импульс в любую затрагиваемую им тему. В своих книгах, таких как «Пробуждающаяся земля», «Глобальный мозг» и «Белая дыра во времени», Питер снова и снова возвращается к вопросу, который может оказаться для грядущего тысячелетия судьбоносным: как именно изменения в сознании воздействуют на трансформацию мира в целом?

Если наш завтрашний день может быть приятнее, чем сегодняшней, то что для этого мы — в том числе, и вы, и я — должны изменить в себе прямо сейчас? Или, быть может, время уже упущено? Что же тогда делать? Питер бьется над этими взыскующими вопросами, проявляя не только пронизательный интеллект, но и подлинно сострадательное сердце, что сказывается на каждой написанной им странице.

Эрвина Ласло можно назвать гением системного мышления. В его книгах, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить, — мои любимые это «Системный взгляд на мир», «Эволюция: великий синтез», «Выбор», «Шепчущий водоем» и «Третье тысячелетие» — Эрвин Ласло, возможно, яснее, чем кто-либо еще из ныне живущих, выразил тот ошеломляющий и в то же время столь часто незамечаемый факт, что мы живем в безнадежно взаимозависимой вселенной, где каждое отдельное явление почти чудесным образом связано с любым другим. Делом его жизни, которому он отдается уже четыре десятилетия, является четкий и последовательный призыв признать эту невероятно переплетенную вязь, представляющую собой наш мир, нашу жизнь, наши надежды и сны. Поднимаясь к целостному видению, он помог бесчисленному числу людей вырваться из узких тенет удручающей фрагментарности, вот уже три столетия преследующих современный мир. Именно Эрвин Ласло, следуя предложению Уве Моравеца из Университета международного мира в Берлине, стал составителем книги, которую вы сейчас держите в руках. Эти три человека встречались в течение нескольких дней, чтобы, как рассказывает Эрвин, «поразмьшлять о шансах на установление мира во всем мире». В результате же оказалось, — продолжает он, — что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания».

Так началась их беседа. Читая последующие страницы, вы сможете следить за развитием этого захватывающего разговора по мере того, как он разворачивается, тема за темой: разумеется, трансформация сознания важна, но важны и многие другие факторы — от методов

воспитания детей до экономики и политических институтов. Каким же оказался итог этой встречи? Возможно, Питер скажет об этом лучше: «Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой, наполнить ее большей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению. Если бы мы полагали, что наша задача — менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы — части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?»

По моему мнению, Станислав Гроф, Питер Рассел и Эрвин Ласло проделали в настоящей книге, как и во многих других своих книгах, работу нескольких жизней по ускорению этого экстраординарного сдвига.

Кен Уилбер

Вступление

Летом 1996 года Стэн Гроф, Пит Рассел и я провели совместно два очень интенсивных дня. Первый — на террасе дома Стэна в роще возле Милл-Вэлли в Калифорнии, второй — на плавучем домике Пита в гавани Сосалито. Перед нами были — магнитофон и широкий ассортимент тем, на которые мы стремились пролить свет, как ради самих себя, так и ради других. Уве Моравец из берлинского Университета международного мира обратился к нам с просьбой поразмышлять о шансах на установление мира во всем мире. В результате же оказалось, что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания. Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри»? После того, как вопрос был сформулирован таким образом, нам пришлось перейти к дискуссии о взаимосвязанности внешнего и внутреннего. Это, в свою очередь, породило вопросы о природе ума и мира и о том, что мы начинаем узнавать о них. Затем, вернувшись к вопросу об окружающем нас мире, мы задались вопросом, каким образом мы можем на деле с эффективностью использовать то, что уже начало возникать и стало называться нашей новой картой реальности.

Моя собственная роль в диалоге была двойной: будучи участником дискуссии, я в то же время был назначен на роль ее модератора, поэтому моей задачей было следить за тем, чтобы разговор оставался в предписанной ему колее, фокусируясь на проблемах, имеющих отношение к достижению мира во всем мире. Поначалу я полагал, что для того, чтобы не давать разговору уходить от этих тем, мне придется формулировать конкретные вопросы, но вскоре обнаружилось, что никакой необходимости в этом нет. Диалог, будучи начат, далее развивался сам по себе, напоминая самовозгорающееся пламя.

Моей главной заботой оказалось нечто противоположное — мы слишком часто соглашались друг с другом, в то время как диалог, по идее, должен быть взаимной игрой контрастирующих взглядов. По счастью, контраст все-таки имел место, но не столько в горизонтальной плоскости разнящихся концепций и точек зрения, сколько в вертикальной, где самые серьезные вопросы освещаются под разными углами зрения, что позволило нам пробиться ближе к их корням и истокам.

Затем, когда я уже редактировал запись нашей беседы, моя задача состояла в том, чтобы он принял удобочитаемую форму. Это было нетрудно. Каждый из нас самостоятельно поработал над дословной записью своего собственного вклада в дискуссию и скопировал на диск отредактированную им версию. Таким образом, читатель может быть уверен, что то, что предлагается ему в печатной форме, совпадает с тем, что каждый из нас на самом деле хотел высказать. Собрав выправленные материалы, я просто позаботился о связности и последовательности изложения, указав на основные обсуждавшиеся нами темы.

Мы надеемся, что читатель, следуя развитию нашей дискуссии в ходе этих двух незабываемых дней в Калифорнии, хотя бы в какой-то мере сможет ощутить владевшие нами возбуждение и страсть и, размышляя о сказанном нами, обретет собственные прозрения.

Мне остается поблагодарить Уве Моравца и его коллег по Университету мира в Берлине за то, что они свели нас троих вместе. Все мы благодарны Кристине Гроф за гостеприимство, с

которым она приняла нас в их со Стэном доме. Обстановка в эти два дня была идеальной, и, если высказанные за это время идеи имеют хоть какую-то ценность, то этому, безусловно, в первую очередь способствовали замечательные условия, в которых мы могли ими обмениваться.

Эрвин Ласло

Первый день

Утро

Мир в трансформации

Приступая к теме: шансы на трансформацию

Ласло: Весьма актуален следующий вопрос: можно ли продолжать сегодняшний образ жизни, не провоцируя при этом аварийных ситуаций и кризисов и не ставя под угрозу благополучие всего мира? Озабоченность этим вопросом находит свое выражение хотя бы в том, как часто используется в наши дни слово «жизнеспособность».

Все говорят о жизнеспособности, но не все понимают, что именно поставлено на карту. Это нечто новое и неожиданное в истории человеческого рода — вести такой образ жизни, который не позволяет нам продолжать жить. Напрашивается неизбежный вывод: мы должны измениться. Боюсь, что вопрос уже идет не о том, *следует ли нам меняться*, а том, *как быстро и как качественно* мы изменимся. Поэтому вместо того чтобы обсуждать темы, которые обычно обсуждают все умные люди, — как много следует срубить или не срубить деревьев, и т. п. — мы должны честно обратиться к этому фундаментальному вопросу. Полагаю, что в первую очередь нам надо спросить себя, *где мы находимся, кто мы такие и как мы смотрим на мир и на себя*.

Возможно, мы приближаемся к величайшему водоразделу в истории. До сих пор человечество анализировало смысл великих водоразделов лишь после того, как они оставались позади. Но поступать так сегодня слишком рискованно. Необходимо тщательно разобраться в том, что нам уготовано, и осознанно стремиться к улучшению своих шансов. Для решения этой грандиозной задачи требуется пролить какой-то свет на ряд факторов, определяющих нынешние эпохальные перемены.

Позвольте начать со следующего высказывания: для того чтобы выжить и продолжить свое развитие, не обрекая себя на вымирание, мы должны пересмотреть свои представления о вселенной, о человеке и об идеях прогресса и развития.

Рассел: Вы говорите о вымирании, но что же именно стоит перед такой угрозой? Я не думаю, что на этой планете погибнет вся жизнь. Жизнь очень вынослива. Несмотря на то, что в прошлом вымирали ведущие биологические виды, жизни в целом всегда удавалось сохраниться. Возможно, если бы не глобальный катаклизм, стерший с лица земли шестьдесят пять миллионов лет назад динозавров и восемьдесят пять процентов других видов, эволюция не привела бы к возникновению человечества. Не исключено, что деятельность людей приведет к вымиранию других крупных видов. Если это действительно так, то это будет первый случай, когда причиной подобного вымирания оказывается образ жизни одного из собственных видов планеты. Разумеется, это будет беспрецедентным событием, однако и в этом случае жизнь сумеет сохраниться. При таком сценарии тем видом, к исчезновению которого приведут наши действия, будем, скорее всего, мы сами, однако мы не уничтожим всю жизнь на планете.

При самом наихудшем сценарии мы уничтожим озоновый слой. Тогда жизнь на суше станет невозможной. Ультрафиолетовая радиация так же опасна для насекомых, цветущих растений и

микроорганизмов, как и для человека. Но в море жизнь сохранится; она существовала там за миллиарды лет до формирования озонового слоя. А впоследствии, когда озоновый слой восстановится, не исключено, что живые существа вновь заселят и сушу.

Впрочем, я не думаю, что это самый вероятный из сценариев. Гораздо более вероятно, что серия крупных экономических и экологических катастроф приведет к падению западной цивилизации. Но это не будет концом человечества. Некоторые изолированные туземные народы смогут выжить и в конечном счете создать новую цивилизацию — будем надеяться, более мудрую, чем наша. Впрочем, и падение западной цивилизации не означает физического конца для всех нас. Ведь крушение советской системы не привело к гибели жителей этих стран. Разумеется, там произошли далеко идущие перемены и для многих наступили трудные времена. Однако люди в большинстве своем все еще живы.

Все это, возможно, звучит довольно пессимистично, и тем не менее в отношении человеческих способностей и того, чего мы можем добиться в качестве индивидуумов перед лицом бедствия, я настроен оптимистически. Возможно, нам предстоят трудные в материальном отношении времена, но в то же время я верю, что мы стоим на пороге великих изменений в сфере сознания.

Ласло: К сожалению, возможность исчезновения целых видов всегда существует. Западная цивилизация в своей недальновидности может привести к всеобщему катаклизму. У нас столько оружия и столько разрушительной силы, что мы вполне способны уничтожить если не всю жизнь на Земле, то все *высшие* формы жизни. Для ее восстановления могут потребоваться тысячи, а при наихудшем сценарии — даже миллионы лет. Но, конечно, жизнь на Земле все равно будет продолжаться — если не произойдет космическая катастрофа, — и Земля просуществует еще миллиарды лет.

Однако давайте обратимся к более конкретному примеру. В настоящее время избытков продовольствия в США хватает примерно на сорок дней, не больше. Если в отсталых странах случится крупный неурожай, импорт продовольствия станет невозможен ни за какие деньги. В случае серьезного сбоя с продуктами в Африке или Азии этого избытка хватит ненадолго.

И что же тогда произойдет? Что будет, если возможностей планеты Земля хватит лишь на то, чтобы прокормить пять или четыре миллиарда человек, а не шесть миллиардов? Что случится после того, когда «лишние» люди окажутся ниже уровня выживаемости? В подобной ситуации могут разразиться разрушительные конфликты, вспыхнуть опустошительные эпидемии, произойти массовые переселения. Содрогнется вся мировая система. Не очень-то хочется долго обсуждать вариант Страшного Суда, однако необходимо осознавать, что мы стоим перед угрозой весьма серьезных потрясений. Отсюда следует необходимость изменения западного способа смотреть на вещи.

Я недавно вернулся из Азии, где в очередной раз убедился в том, сколь мизерны там шансы у нуждающихся людей на какие-либо изменения в их жизни. Они с трудом умудряются сводить концы с концами. Большая часть человечества живет слишком близко к уровню выживания, и этот факт тоже подтачивает системы жизнеобеспечения.

Куда ни глянь, везде та или иная проблема, куда ни посмотри, везде необходимо как-то адаптироваться. Все это означает необходимость изменения ведущего модуса сознания. Это корень проблемы. Мы должны начать думать иначе, чувствовать иначе и по-другому относиться друг к другу и к природе. В противном случае нам не справиться с угрожающей нам опасностью. В наше время мы все находимся в одной лодке. Думаете ли вы, что у нас есть способность измениться? Есть ли реальный шанс на радикальное изменение в сознании?

Гроф: Я уже более сорока лет занимаюсь исследованием необычных состояний сознания, вызванных психоделическими препаратами или мощными экспериментальными формами психотерапии, а также теми, которые возникают самопроизвольно. За это время я был свидетелем огромного множества примеров глубокой трансформации индивидуального сознания. Среди наблюдаемых при этом изменений — значительное снижение агрессивности и общее повышение сострадания и терпимости. По мере того, как растет способность наслаждаться жизнью, наблюдается значительное снижение ненасытного стремления к преследованию линейных целей — стремления, оказывающего, судя по всему, магическое воздействие на людей в западном индустриальном мире и во всем нашем обществе. Я говорю об убежденности в том, что «больше» означает «лучше», что неограниченный рост, удвоение или утроение валового национального продукта способно осчастливить всех нас. Другим важным аспектом этой трансформации является духовный кризис универсальной и несектантской природы, характеризующийся осознанием единства всего мироздания и глубокой связи с другими людьми, другими видами, природой и целым космосом.

Поэтому у меня нет никаких сомнений в возможности глубокой трансформации на личном уровне, а также в том, что она увеличит наши шансы на выживание, если будет происходить в крупных масштабах. Естественно, остается открытым вопрос, произойдет ли трансформация такого рода в достаточно крупном сегменте населения за достаточно короткое время, чтобы привести к существенным переменам. Перефразирую этот вопрос в практической плоскости: можно ли ускорить подобное изменение, и если да, то с помощью какой стратегии и какие побочные явления будут с ней сопряжены? Так или иначе, но в самой по себе человеческой личности уже имеются встроенные механизмы, способные стать промежуточным звеном на пути к глубокой и благотворной трансформации.

Ласло: В настоящее время мы видим, что в мышлении людей происходят изменения, предвещающие подлинную революцию в сознании. Что вы по этому поводу думаете? Связано ли это с тем фактом, что нам угрожает опасность, или же это случайность, простое совпадение?

Рассел: Я считаю, что связь есть. Но, скорее, не угроза является причиной трансформации, а обе они проистекают из одного и того же источника — свойственного нашей культуре материалистического сознания. Это коренная причина глобального кризиса. Наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный стиль жизни — все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру.

Нас приучили верить, что чем больше у нас вещей, чем больше мы производим, чем больше у нас контроля над природой — тем мы счастливее. Именно это и приводит к тому, что мы так склонны всё эксплуатировать, так много потреблять, не заботясь о других частях планеты и даже о других представителях своего собственного вида. Нежизнеспособна сама эта разновидность сознания.

Сегодня лишь десять процентов населения мира принадлежит к обеспеченному классу, у представителей которого после приобретения еды, одежды, крыши над головой и других материально необходимых вещей еще остается достаточно денег на различные излишества. Однако эти десять процентов потребляют более трех четвертей всех ресурсов планеты. До массового сознания постепенно доходит факт нежизнеспособности такого порядка вещей. Невозможно обеспечить подобный стиль жизни всему человеческому роду, тем более что численность его постоянно растет.

Положительная же сторона состоит в том, что целесообразность этой материальной культуры и лежащего в ее основе материалистического сознания все чаще вызывает серьезные сомнения. Всё больше людей здесь, на Западе, где люди ведут самый расточительный образ жизни, начинают признавать, что такой подход несостоятелен, что он не дает нам того, к чему мы на самом деле стремимся. Наша система может быть очень хороша для удовлетворении наших физических потребностей. Мы можем покупать еду в супермаркете, путешествовать куда захочется, носить модную одежду, жить в роскошных домах. Однако она не отвечает нашим более глубоким, внутренним, духовным потребностям. Несмотря на все свои материальные возможности, люди чувствуют себя такими же подавленными, незащищенными и нелюбимыми, как и прежде.

Гроф: В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере базовых материальных потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время мы находились в плену иллюзии и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье. Богатство западных индустриальных стран на сегодняшний день невероятно, особенно в определенных слоях общества. Многие семьи наслаждаются подлинным изобилием — большой дом, два набитых едой холодильника, три или четыре машины в гараже, возможность поехать в отпуск в любое место в мире. Но ничего из этого не принесло людям удовлетворения — налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками и алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске.

Ласло: Такое впечатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению.

Рассел: Нечто подобное пережил Будда до того, как стал Буддой. Он родился в очень богатой семье, был принцем, у него было все, в чем он только мог нуждаться, — замечательная еда, всевозможная роскошь, украшения, танцующие девушки. Но он осознал, что обладание всеми этими богатствами неспособно положить конец страданию. Он видел, что страдание присутствует в его собственной семье, среди его придворных, в городе за пределами дворца. Поэтому он решил посвятить свою жизнь поиску способа прекращения страдания.

Сегодня мы переживаем похожий процесс. С учетом современных удобств, которыми мы пользуемся, большинство из нас еще состоятельнее, чем Будда, когда он был принцем. И так же, как и он, мы начинаем осознавать, что все это благополучие не только не прекращает страдания, но иногда даже усугубляет его. В обществе широко распространена озабоченность смыслом жизни. Кто мы? Почему мы существуем? Чего именно мы на самом деле хотим? Речь идет не об отдельных людях — миллионы пытаются найти за пределами материальной цивилизации более глубокий смысл, внутренний мир и способ удовлетворения духовного голода.

Ласло: Есть признаки надежды. Если бы все люди верили, что их счастье обусловлено только существующими материальными стандартами и улучшением качества жизни по линии обычного прогресса, предусматривающего обладание все большим и большим числом вещей, то в конце этого туннеля не было бы никакого света. Но это не так. Если характер мышления людей

претерпевает подлинные перемены, значит, можно рассчитывать на то, что постепенно формируется новая, более адаптированная к природе культура.

Гроф: В своей работе мне приходилось иметь дело с людьми, которые в течение многих десятилетий интенсивных и непрекращающихся усилий преследовали свою цель, а затем, наконец достигнув ее, впадали в глубочайшую депрессию, поскольку все это время ожидали получить от своей цели нечто такое, чего она дать никак не могла. Джозеф Кэмпбелл говорил об этой ситуации: «это все равно, что добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она приставлена не к той стене».

Такая одержимость всевозможными линейными устремлениями весьма характерна для нас — как на индивидуальном уровне, так и для всей западной цивилизации в целом. Это погоня за миражом счастья, которое всегда мыслится как нечто, находящееся где-то в будущем. Ничто не удовлетворяет нас таким, как оно есть. Мы чувствуем, что что-то должно измениться: хотим иначе выглядеть, иметь больше денег, власти, положения или славы, хотим найти другого партнера. Мы не живем полностью в настоящем и воспринимаем свою жизнь как некую подготовку к лучшему будущему. Это модель постоянной ненасытности, никак не зависящей от наших конкретных достижений. Видя вокруг себя примеры людей, достигших всего того, что, как нам кажется, может нас осчастливить, — таких, как Аристотель Онассис, Говард Хьюз и многие другие, — мы начинаем понимать, что для них это не сработало, но так и не учимся на их примере, продолжая верить, что в нашем случае все было бы по-другому.

С другой стороны, я неоднократно встречал людей, которые оказались способны обнаружить психологические корни этой модели и сумели либо избавиться от нее, либо уменьшить ее влияние на ход их жизни. Как правило, они осознавали, что такое отношение к жизни тесно связано с присутствием в их бессознательном незавершенного гештальта травмы биологического рождения. Хоть мы и сумели родиться на этот свет, мы так по-настоящему и не усвоили и не интегрировали тот факт, что нам удалось избавиться от мертвой хватки сжимающего родового канала. Память об этом все еще живет в нашем бессознательном. Это впечатанное в нас знание впоследствии играет роль трафарета, через который мы видим мир и свое место в нем. Подобно младенцу, борющемуся с тисками родового канала, мы не можем наслаждаться существующей ситуацией и ищем решение в будущем. Нам всегда кажется, что оно где-то впереди.

Экзистенциалисты называют такую жизненную стратегию автопроекцией: мы воображаем себя в некой, лучшей, чем сейчас, ситуации в будущем, и начинаем преследовать этот мираж. Такая стратегия проигрышна, независимо от того, достигаем мы конкретной цели или нет, поскольку она никогда не приносит нам того, чего мы от нее ожидаем. Она ведет к неподлинному способу существования, неспособному дать истинное удовлетворение, к существованию, которое иногда называют «крысиными гонками» или «конвейером». Единственный выход — обратиться внутрь себя и завершить эту модель с помощью экспериментальной работы в процессе психодуховного возрождения. Полное удовлетворение в конечном счете наступает благодаря переживанию духовного измерения существования и своей собственной божественности, а не преследованию материальных целей какого бы то ни было масштаба. Когда люди правильно распознают психодуховные корни этой модели ненасытной жадности, они начинают понимать необходимость обращения внутрь себя и переживания внутреннего преображения.

Ласло: Находится ли такое осознание на подъеме?

Гроф: Впечатление, несомненно, именно такое. Я чувствую, что это как-то связано с тем фактом, что все больше и больше людей приходят к выводу, что автопроекция представляет собой обанкротившуюся, неработающую стратегию, поскольку они лично убедились в том, что материальный успех не приносит удовлетворения, либо, наоборот, из-за того, что непрерывное преследование ими внешних целей породило непреодолимые трудности. Так или иначе, ситуация отбрасывает их внутрь, в их собственный внутренний мир, и у них начинается процесс трансформации. Свою долю в этот процесс может внести и крах стратегии неограниченного роста в мировом масштабе.

К сожалению, психиатры часто диагностируют многих из тех, кто переживает такого рода радикальную трансформацию, как людей, страдающих психозом, и сажают их на седативные медикаменты. Мы с моей женой Кристиной верим, что среди людей, в настоящее время находящихся на излечении от психозов, есть весьма многочисленная группа тех, кто в действительности проходит сложную психодуховную трансформацию, нуждаясь в том, что мы называем «духовной скорой помощью».

Рассел: В определенном смысле вся наша культура нуждается в духовной скорой помощи. Во многих отношениях корни этой ситуации уходят к шестидесятым годам, когда многочисленные представители общества бросили вызов главенствующему мировоззрению, разглядев новый способ поведения и общения с людьми и миром, не основанный на старой материалистической парадигме.

Сегодня многое из того, что происходило тогда, может показаться проявлением наивности, однако прозрения тех лет глубоко затронули всю нашу культуру. К примеру, медитация считалась раньше чем-то чужеродным. В наши дни те или иные виды медитации практикуются повсеместно, ей обучают даже в некоторых корпорациях. Она стала общепризнанной и уважаемой формой деятельности. То же самое произошло и с йогой. В шестидесятые годы йогу изучал только авангард; сейчас ее практикуют миллионы людей.

Другой пример — психотерапия. В прошлом посещение психотерапевта автоматически воспринималось как признак того, что у вас серьезные психологические нарушения, что у вас далеко не всё в порядке. В сегодняшней Калифорнии считается, что у вас не всё в порядке, если вы *не* ходите к психотерапевту. Даже те, кого мы считаем психологически здоровыми, осознают, что они не реализуют весь свой потенциал, признавая, что без посторонней помощи им, вероятно, не удастся обнаружить ограничивающие их скрытые психологические комплексы и мыслительные модели.

Тридцать лет назад мало кто интересовался саморазвитием. В наши дни интерес к нему стал достоянием мейнстрима. В шестидесятые годы, когда я был студентом в Кембридже, в самом большом книжном магазине в Британии была лишь одна полка с книгами по эзотерическим темам и духовным учениям. Сегодня в любом городе вы найдете как минимум один магазин, а чаще — с полдюжины магазинов, полностью посвященных книгам по исследованию сознания и метафизическим вопросам.

Рост интереса к этим вопросам отражается и в списке бестселлеров. В последние годы книги по саморазвитию, по вопросам духовности и исследования сознания составляют около 50 процентов, а порой и больше, из числа наиболее продаваемых книг. Это то, что люди читают, то, что их интересует. Сходные тенденции наблюдаются в кино, телевидении, в журналах, даже в Интернете.

Ласло: Из сказанного следует вывод, который всегда занимал мое воображение и продолжает занимать его все больше и больше. Речь идет о том, что мы, как индивиды,

возможно, не являемся пленниками своего черепа, запертыми в собственной коже. Что все мы какими-то интимными узами связаны друг с другом, а быть может, и со всеми другими проявлениями жизни на планете. Поэтому в ситуации, когда всем нам угрожает реальная опасность — а сейчас сложилась именно такая ситуация, — что-то проникает в умы людей, пусть даже большинство этого и не осознаёт, и включает предупреждающие сигналы, порождая стремление к изменениям. Полагаю, не будет преувеличением предположение о существовании всеобщего разума человечества, чего-то вроде ноосферы, коллективного бессознательного, действующего внутри и вокруг нас. В эти дни оно начинает проявляться в сознании отдельных людей. Возможно, существуют силы, действие которых простирается за пределы обычных экономических, политических и общественных факторов. Это важно для нашего выживания; если бы действовали одни лишь обычные факторы, ситуация выглядела бы практически безнадежной: их никак не хватит для того, чтобы мы изменились вовремя.

Мы уже и так значительно отстаем. Для предупреждения завтрашнего кризиса нам необходимо было бы измениться еще вчера. Однако если в нашем коллективном бессознательном есть нечто способное проникать в сознание индивидов, то ситуация выглядит более обнадеживающей.

Гроф: Не могу не согласиться с этим. События в мире не всегда развиваются по линейной логической схеме. Мы с вами оба, Эрвин, родом из Восточной Европы, и политическое развитие там живо интересует нас. Думаю, вы согласны с тем, что если бы кто-то за неделю до падения Берлинской стены сказал нам, что это произойдет, мы бы со смехом отмахнулись от такого прогноза, как от нелепой фантазии. Столь же неправдоподобно прозвучало бы заявление, что после сорока лет советского тоталитаризма и политического деспотизма Горбачев просто потеряет интерес к Венгрии, Чехословакии, Польше и другим союзным странам и предоставит им свободу. И уж тем более нелегко было предвидеть, что сам Советский Союз буквально в одночасье распадется и прекратит свое существование в качестве мировой державы. О предсказании подобных событий на основе обычной экстраполяции прошлого опыта не могло быть и речи. Тут должны были сработать какие-то иные факторы.

Ласло: О том, что такие процессы происходят нелинейно, скачкообразно, могло подсказать нам знание того, как трансформируются сложные системы. Отдельные детали великих трансформаций непредсказуемы. Можно лишь ожидать от них неких радикальных новшеств. Но возможны ли такие же революционные перемены в процессах, проистекающих в нашем уме? Произойдет ли в ближайшие годы столь же далеко идущая и бесспорная трансформация и в нашем сознании, несмотря на то, что на сегодняшний день можно наблюдать лишь едва заметные ее симптомы? Возможно ли, что мы находимся на пороге великой революции в сознании?

Рассел: Безусловно, возможно. Если интерес к личностному развитию будет продолжать расти такими же темпами, и если этот интерес найдет свое выражение в изменении сознания, то мы станем свидетелями процесса позитивной обратной связи, ведущей к экспоненциальному ускорению внутренней осознанности. Чем больше пробуждается людей, чем шире распространяется знание о факторах, культивирующих внутреннюю осознанность, — тем благоприятнее становится социальная среда для дальнейшего пробуждения, поощряя к пробуждению все большее число людей. В результате вероятность изменения в сознании растет, и само изменение становится более легким. Такое развитие может спровоцировать коллективный скачок в сознании.

Рассел: Однако, помимо возможной революции в сознании, есть и много других возможных сценариев. Мы только что говорили о том, что живем в непредсказуемые времена. Темп перемен столь высок, а мир настолько сложен, что никто не возьмется предсказать, каким он будет через десять или даже через пять лет. Несомненно лишь одно — нас ожидает много внезапных перемен. Некоторые из них могут оказаться катаклизмами, некоторые — крупными политическими переворотами, иные — значительными сдвигами в сознании. Не думаю, что в наших силах точно прогнозировать, *что именно и как* будет происходить. Мы должны быть готовы к любым, самым неожиданным событиям. Может произойти все, что угодно.

Ласло: Или не произойти ничего. Это было бы хуже.

Рассел: Такого не будет.

Ласло: Я имею в виду, что, когда перемена произойдет, нас уже не будет.

Рассел: Нас, возможно, не будет. И страх, вызываемый такой возможностью, весьма реален. Он сам по себе требует пристального внимания, поскольку очевидным образом связан со страхом смерти.

Наша личная смерть — единственное, в чем мы можем быть уверены в своей жизни. Понимание этого и есть та цена, которую мы платим за способность осознавать свою индивидуальность и смотреть в будущее. Смерть является единственной неизбежностью; тем не менее большинство из нас проживает свою жизнь так, словно этого никогда не случится. Мы стараемся не думать о смерти, живя в отрицании того единственного, что невозможно отрицать.

Это происходит и на коллективном уровне. Мы боимся конца своего мира, конца своей цивилизации. Но и смерть цивилизации, по-видимому, тоже неизбежна. Ведь ни одна из цивилизаций прошлого не длилась вечно. Почему наша должна отличаться от них? И врачи, и духовные учителя говорят нам, что принять свою личную смертность и даже приветствовать ее — один из самых здоровых шагов, которые мы способны предпринять. Возможно, нам необходимо сделать то же самое и на коллективном уровне — принять и даже приветствовать конец мира в том виде, в каком мы его знаем.

Обычно мы поступаем прямо противоположным образом, отрицая это, пытаясь с этим бороться. Мы не желаем, чтобы это произошло, вероятно, потому что не хотим лишиться своего удобного стиля жизни, к которому мы так привязаны. Но в конце концов, нам, возможно, все-таки придется это принять. И тогда такое принятие может стать пусковым механизмом, открывающим новые возможности, новый, более богатый, более духовный способ видеть жизнь.

Ласло: Я все-таки верю, что человечество, как вид, способно трансформироваться и возродиться.

Рассел: В принципе, это так. Но мне представляется, что мы должны допустить и такую возможность, что уже слишком поздно, что время упущено.

Ласло: Во мне тоже все время растет такое ощущение. Возможно, мы действительно упускаем время.

Рассел: Необходимо допустить такую возможность. В ее вытеснении таится великая опасность.

Гроф: На основании опыта и наблюдений в своей работе я склонен рассматривать смерть в более широком контексте, в духовной перспективе. В необычных состояниях сознания психологическая встреча со смертью представляет собой ключевой элемент психодуховной трансформации. Когда смерть переживается символически во внутреннем самоисследовании, она способствует духовному открытию, мистическому опыту. Встреча с актуальной биологической смертью может использоваться для этой же цели. Например, в тантрической традиции Тибета и Индии человек должен проводить какое-то время в присутствии умирающих людей и на кладбищах для переживания контакта с мертвецами.

Для опыта смерти во внутреннем переживании характерно то, что на самом деле биологической кончины индивида не происходит. Скорее это можно называть смертью эго. Мы открываем для себя, что наше существо не сводится к тому, что Алан Уоттс назвал «эго, заключенное в кожу». Наша новая идентичность становится гораздо шире — мы отождествляемся с другими людьми, с животными, с природой, с космосом в целом. Иными словами, в нас развивается духовная или надличностная самость. Это естественным образом ведет к более широкой расовой, культурной, политической и религиозной терпимости и повышенной экологической осознанности. Такие изменения могут приобрести огромное значение в нынешнем глобальном кризисе.

Нечто подобное происходит и с людьми, переживающими околосмертный опыт (ОСО). Как правило, они выходят из него глубоко преображенными, с новым набором ценностей и новой жизненной стратегией. Теперь жизнь представляется им чем-то драгоценным, и они не хотят терять ни единой ее минуты. Они больше не желают тратить время на автопроекцию. Это означает, что они действительно живут в настоящем — здесь и сейчас.

Размышляя о прошлом, мы понимаем, что все то время, которое мы потратили на преследование иллюзорного удовлетворения в будущем, было потрачено впустую. Перед лицом близкой смерти лишь то время нашей жизни, которое нам удалось прожить, полностью пребывая в настоящем, оказывается не растроченным зря. Это великий урок, который преподает людям встреча со смертью — как с реальным, биологическим концом, так и с символическим ее переживанием в ходе медитаций, психоделических сессий, холотропного дыхания или самопроизвольных психодуховных кризисов.

Рассел: У меня недавно было переживание, связанное со смертью близкой подруги. Она скончалась несколько недель назад. Я узнал о том, что у нее рак, более чем за год до этого, и был подготовлен к ее смерти. Тем не менее, когда она ушла, первой моей реакцией было ощущение, что мне и самому необходимо умереть. Сначала я никак не мог понять природу этого чувства, однако, позволив ему развернуться в себе, я постепенно осознал, что испытываю потребность в смерти на уровне эго для того, чтобы моя жизнь стала полнее.

Несколько недель спустя я разговаривал с ее возлюбленным, и оказалось, что он пережил сходный опыт, но намного глубже, чем я. Он сказал, что когда она умерла, он тоже умер. Осознание неизбежности смерти и ее значимости оказало на него столь глубокое воздействие, что после этого он заново ожил. «Я не собираюсь больше терять не единого мгновения своей

жизни, — сказал он. — Я не буду больше отказывать себе в возможности прожить жизнь по-настоящему». В каком-то смысле, некая его часть умерла, а другая возродилась через опыт потери любимой. Это было очень мощное и трогательное переживание.

Ласло: Недавно, когда я был в Индии, в Ауровилле, у меня тоже было глубокое личное переживание. Как-то раз мне никак не удавалось заснуть на протяжении всей ночи, и я не понимал, что мне мешает. Наутро я получил известие о смерти своей матери. День спустя я поехал в Дхарамсалу, чтобы повидаться с Далай-ламой. Я провел там три дня, включая тот, который тибетцы считают особенно важным днем после смерти человека. Именно в этот день сознание покойного начинает свой переход. Находясь в обществе тибетских лам, я осознал, что это не конец. Есть непрерывность существования. Это было очень глубокое переживание, и, если бы оно посетило меня в западной обстановке, я пережил бы его совершенно иначе. Оно навсегда осталось со мной, проявляясь самыми разными способами. Чувство потери все еще есть, но есть и ощущение, что это не абсолютная потеря, не конец, а трансформация.

Гроф: Это очень похоже на тот вид осознанности, который люди выносят из мощного трансформирующего переживания: смерть — не финал и не абсолютный конец существования, это важный переход в иную форму бытия.

Ласло: На Востоке знание о жизни, смерти и возрождении передавалось в течение тысячелетий. Теперь и мы на Западе заново открываем его.

Гроф: Действительно, многое из этого было известно веками или даже тысячелетиями в самых разных частях света. Около сорока лет назад я приступил к психоделическим исследованиям, будучи вооружен фрейдистским психоанализом, представляющим собой весьма узкую и поверхностную модель психики. В сериях ЛСД-сеансов все, с кем я работал, рано или поздно выходило за фрейдистские рамки, ограниченные постнатальной биографией и личным бессознательным. Они испытывали широкий спектр переживаний, не значащихся в картах теорий Фрейда и западной психиатрии. Я три года терпеливо записывал эти переживания, полагая, что создаю новую картографию человеческой психики. Согласно моему тогдашнему пониманию, это оказалось возможным благодаря открытию такого мощного исследовательского инструмента, как ЛСД. Однако, доведя карту до такого состояния, когда она уже включала в себя самые важные области опыта, наблюдаемого мною в психоделических сеансах, я понял, что эта новая карта отнюдь не нова, что она представляет собой лишь заново открытую, очень древнюю карту.

Многие переживания, включенные в мою картографию, описаны в антропологической литературе о шаманизме, самом древнем целительском искусстве и религии человечества. В шаманизме неординарные состояния сознания играют критически важную роль — как в кризисе посвящения, через который проходят в начале своей деятельности многие шаманы-новички, так и в целительских обрядах. Похожие переживания известны также из «ритуалов перехода» — важных обрядов, впервые описанных в книге голландского антрополога Арнольда ван Геннепа.

Ритуалы перехода проводятся в туземных культурах в периоды критических биологических и общественных переходов, таких как рождение ребенка, обрезание, половое созревание, брак, менопауза, старение и умирание. В этих переходах туземцы использовали методы индуцирования неординарных состояний («технологии сакрального»), сходные с шаманскими, — барабанный бой, звук трещоток, танец, пение, социальную и сенсорную изоляцию, пост, лишение сна, физическую боль и психоделические растения. Как правило, у

проходящих обряд посвящения бывали глубокие переживания психодуховной смерти и возрождения.

Многие переживания, попавшие в мою расширенную картографию психики, можно найти и в литературе о древних мистериях смерти и возрождения, широко распространенных в древнем мире — от Средиземноморья до американского континента. Все они основаны на мифологиях, описывающих смерть и возрождение богов, полубогов и легендарных героев, как истории об Инанне и Таммузе, Изиде и Осирисе, Дионисе, Аттисе, Адонисе, Кецалькоатле и героях-близнецах майя. Во время мистерий у посвященных, проходивших различные процедуры по изменению состояния сознания, бывали мощные переживания смерти и возрождения.

Наиболее известными из этих ритуалов были элевсинские мистерии, проводившиеся каждые пять лет на протяжении почти двух тысячелетий в Элевсине, близ Афин. Захватывающе интересные исследования Гордона Уоссона (который привез в Европу мексиканские волшебные грибы), Альберта Хоффмана (открывателя ЛСД) и Карла Рука (греческого ученого) показали, что важную роль в элевсинских мистериях играло священное зелье *кикеон*, сакральное психоделическое средство, приготавливавшееся из спорыньи и сходное по своему воздействию с ЛСД. Посетив с Кристиной Элевсин, мы узнали там, что число людей, каждые пять лет проходивших посвящение в главном зале (*телестрион*), превышало три тысячи. Очевидно, контакт с этими переживаниями оказал экстраординарное влияние на древнегреческую культуру, а через нее — и на европейскую культуру в целом. Однако этот факт до сих пор не признан историками.

Список участников древнегреческих мистерий читается как своего рода сборник «Кто есть кто в античном мире». Он включает в себя имена философов Платона, Аристотеля и Эпиктета, поэта Пиндара, драматургов Еврипида и Эсхила, военачальника Алкивиада и римского оратора Цицерона. Зная все это, я считаю очевидным, что данные, полученные нами в ходе исследования измененных состояний сознания, на самом деле представляют собой заново открытые древнее знание и мудрость. Мы лишь сформулировали их в современных терминах.

Рассел: Да, мы вновь открываем мудрость, которая уже многократно открывалась в разных культурах. Ведь мы исследуем природу человеческого ума, а по сути своей на протяжении человеческой истории она не претерпела значительных изменений. Сильно изменились лишь наши осознанные представления, наше понимание мира, убеждения, ценности. Пожалуй, в этой области действительно произошли значимые перемены. Но способы, которыми наш ум попадает в ловушку страхов, привязанностей и желаний, изменились очень мало. Суть динамики ума сегодня такая же, какой она была и два с половиной тысячелетия назад. Поэтому для нас все еще так ценно чтение Платона или Упанишад.

В ходе человеческой истории всегда находились люди, признававшие существование огромных, непознанных возможностей человеческого сознания. Многие из них открывали для себя новое измерение осознанности, ведущее к большему ощущению внутреннего мира и к более богатым и гармоничным взаимоотношениям с окружающим миром. Такими были святые, мудрецы и шаманы, которых знает любая культура. Многие из них старались помочь и другим пробудиться для этого более свободного измерения сознания и разработали различные техники и практики, направленные на освобождение ума от многочисленных ограничений. Все они так или иначе искали способы помочь людям перешагнуть через эгоистичный способ осознания.

Ласло: Может ли распространение этих новых прозрений и техник в западном мире оказать заметное воздействие на то, что мы делаем, на то, как мы относимся друг к другу и к природе?

Гроф: Я, несомненно, верю в то, что это способно произвести самое глубокое воздействие на наше мировоззрение и привести к изменению нашего отношения к жизни. Если мы сравним мировоззрения западной индустриальной цивилизации с теми, которые существуют в древних и туземных культурах, мы обнаружим значительное различие. Некоторые аспекты этого различия касаются отношения к смерти и к нашему познанию материального мира. В частности, западная наука совершила множество открытий в самом широком спектре областей — от астрофизики до мира квантов. Древние и туземные культуры ничего об этом не знали. Однако это нечто вполне естественное, связанное с течением времени и с прогрессом. Этого вполне следует ожидать.

Но есть и другой аспект отличия — экстраординарный и удивительный — и касается он фундаментального расхождения, касающегося вопроса о присутствии или отсутствии духовного измерения во вселенной. Для западной науки мир представляет собой по сути своей материальную систему, которая сотворила себя сама. Этот мир постигаем, по крайней мере — принципиально, его можно полностью понять на основе естественных законов. Жизнь, сознание и разум рассматриваются наукой как более или менее случайные, побочные продукты материи. Полностью отлична от этого характерная для древних и туземных культур концепция одушевленной вселенной, обладающей многими различными измерениями, в том числе и духовным. Все эти измерения являются разными аспектами реальности.

Обычно различие между двумя мировоззрениями объяснялось тем, что западная наука стоит гораздо выше примитивных суеверий. Любое представление о духовности материалистические ученые считают проявлением недостаточного знания, предрассудка, фантазий, стремления принять желаемое за действительное, примитивного магического мышления, проецированием инфантильных образов на небо мироздания, а то и просто симптомом тяжелого душевного недуга. Однако более пристальное изучение вопроса приводит нас к выводу, что дело отнюдь не в этом. В результате сорокалетних исследований сферы сознания я убежден, что подлинной причиной различия являются наивность и невежество западной индустриальной цивилизации в отношении неординарных состояний сознания. Все древние и туземные культуры относились к измененным состояниям сознания с величайшим почтением. Они тщательно разрабатывали безопасные и эффективные способы их индуцирования и применения в самых разных целях — и в качестве основного связующего звена в ритуальной и духовной жизни, и для диагностирования и исцеления заболеваний, и для развития интуиции и сверхчувственного восприятия, и для артистического вдохновения.

Рассел: Ранее я уже говорил, что корни нынешнего интереса к сфере сознания прослеживаются уже в шестидесятые годы. Любопытно отметить, что в значительной степени эта смена интересов была вызвана именно необычными состояниями сознания. В тот период впервые в нашей истории психоделики использовались в самых широких масштабах, в результате чего многие люди пережили особые состояния, о которых мы говорим. Воздействие их было чрезвычайно глубоким. Многие после таких переживаний стали совсем другими людьми. И это влияние никуда не ушло.

Помню, однажды, в начале восьмидесятых, Тимоти Лири спросили, куда делись дети цветов. Он ответил, что они ушли в семена. А ведь так оно и есть. На сегодняшний день этим людям за сорок и за пятьдесят. Лишь немногие полностью выпали из общества, в большинстве же своем они вновь интегрировались в нем, создали семьи, родили детей, сделали карьеру. Некоторые занимают сегодня весьма уважаемые и влиятельные позиции. Я лично знаю таких, кто руководит крупными корпорациями, некоторые стали ведущими фигурами в шоу-бизнесе, другие занимают важные посты в сферах образования, управления и здравоохранении. И для многих видения и прозрения, которые они обрели в шестидесятые годы, все еще

сохраняют свою ценность. Некоторые ненавязчиво используют свое нынешнее влияние для того, чтобы их видение постепенно просачивалось в общество.

Еще одна интересная особенность последних лет — растущий интерес к сознанию среди ученых. В прошлом наука оставляла вопросы сознания без внимания, имея на это вполне веские основания. Сознание невозможно измерить, как другие явления и объекты; его нельзя документировать, его не так-то просто даже определить. Да и физический мир, как кажется, прекрасно продолжает функционировать в сознании без необходимости. Поэтому особого стимула изучать этот предмет не было. Но сегодня все меняется — в какой-то мере благодаря растущему знанию о работе мозга, и вопрос о сознании постепенно снова оказывается в фокусе внимания. Ученые и философы начинают интересоваться: а что же такое сознание? Как оно соотносится с деятельностью мозга? Как оно эволюционировало? И откуда оно берется? В последние несколько лет этой теме был посвящен целый ряд международных научных конференций. Ею занимается новое научное издание «Журнал исследования сознания».

Итак, отчасти такая открытость к вопросу изучения сознания вызвана развитием науки, однако я полагаю, что в значительной степени она явилась и результатом того, что уже у очень многих людей есть опыт измененных состояний сознания. Каким бы ни было воздействие этих переживаний, одно несомненно — они производят революцию в отношении человека к сознанию. Как вы сказали, Стэн, человек, пройдя через глубокое переживание такого рода, не может не прийти к выводу о том, что в наших представлениях о разуме имеются и серьезные провалы.

Думаю, вокруг нас распространяется глубокая революция в человеческом видении реальности. Хватка старых материалистических моделей ослабевает, и каждый из нас постепенно вносит свой вклад в новое понимание. Судя по направлению развития, в котором мы движемся, новая модель будет признавать разум и сознание в качестве фундаментального аспекта реальности.

Ласло: Это изменение происходит, несмотря на незнание или даже нежелание ученых мейнстрима. Порой человек меняется помимо своей воли, не ведая причины перемен. В этой связи мне вспоминается переживание, которое было у меня лет шесть-семь назад. Мне пришла в голову некая мысль, которая показалась мне всего лишь мимолетной, хотя, быть может, и интересной для исследования идей. В результате я написал небольшое эссе, которое было опубликовано только на итальянском языке под названием «Гипотеза пси-поля». Затем я о ней было забыл, однако другие люди не дали мне это сделать. Даже спустя несколько лет после выхода книги мне продолжали звонить из-за нее, ссылаться на нее, исследовать ее. В конце концов я задумался над тем, не имеет ли то мое давнее исследование значения, которое сам я проглядел. Заметьте, я до сих пор так и не сумел избавиться от мыслей на эту тему... Напротив, эта идея неожиданно захватила меня вновь, и в настоящее время я над ней работаю, все больше склоняясь к тому, что в космосе действительно есть что-то похожее на мое гипотетическое пси-поле — некое тонкое информационное поле взаимных связей.

Такие интуитивные догадки осознаются не до конца. Я сам точно не знаю, почему вдруг увлекся этой концепцией: прежде в моем уме не было ничего такого, что подготовило бы меня к этому.

У меня такое впечатление, что подобного рода события в сегодняшнем мире случаются все чаще и чаще, словно людей что-то толкает в сторону определенных исследований. Может быть, это также и знак времени, результат того, что мы живем в особенно нестабильную и переменчивую историческую эпоху. Но являются ли эти изменения достаточно быстрыми? Могут ли они произвести достаточно мощное воздействие? Разумеется, они не в полной мере

предсказуемы. Но есть ли у нас основания для разумного оптимизма относительно возможных последствий этих перемен?

Революция в сознании?

Рассел: Позвольте мне рассказать об одном происшествии, которое случилось со мной около четырех лет назад и сильнейшим образом повлияло как на меня самого, так и на мою работу. Я совершал лекционное турне по Соединенным Штатам, посвященное презентации моей книги «Белая дыра во времени». В целом речь на моих лекциях шла о тех же вопросах, которые мы обсуждаем здесь. Я выдвинул предположение, что переживаемый человечеством глобальный кризис в основе своей является кризисом сознания, и если мы желаем уберечь мир, от нас требуется нечто большее, чем спасение дождевых лесов, борьба с загрязнением окружающей среды, с выделением вредных углеводородных газов и уничтожением озонового слоя. Нам необходимо освободиться от эгоцентрического, материалистического модуса сознания, порождающего все эти проблемы. В противном случае окажется, что мы противостоям внешним симптомам недомогания, а не ее первопричине, и замечаем более существенную проблему под ковер.

В какой-то момент я почувствовал, что в том, что я говорю, есть какой-то изъян, некий диссонанс между моими словами и тем, что я на самом деле думаю. Я понял, что говорю не то, во что в действительности верю, а то, во что верил в прошлом. Однако мои взгляды успели постепенно измениться, и я осознал, что на сегодняшний день чувствую иначе, чем прежде. Я обращался к людям, исходя из собственных убеждений, и понимание этого было для меня комфортно.

Это пришло мне в голову однажды в Далласе, где я вел радиопрограмму, куда люди звонили со своими вопросами и комментариями. К своему удивлению, я неожиданно заметил, что большинство звонящих отрицают сам факт существования какого-то кризиса окружающей среды. Некоторые признавали, что кризис есть, но не считали, что он как-то касается их самих, и что они должны нести ответственность за него. У них было твердое убеждение, что все эти разговоры о парниковом эффекте и заботе об озоновом слое являются всего лишь разновидностью левацкого заговора. Если и есть какие-то экологические проблемы, то они не здесь, не в США. Не было и речи о том, что эти люди согласятся как-либо изменить свою жизнь. Они не были готовы выслушивать тех, кто ставит под сомнение целесообразность американского стиля жизни.

Это заставило меня понять, что те немногие, с кем у меня есть подлинная коммуникация, и без того уже являются моими единомышленниками, что я обращаюсь с проповедями к уже обращенным. Конечно, в этом тоже есть своя ценность: все мы нуждаемся в том, чтобы время от времени кто-то вдохновлял нас и подкреплял наши глубокие убеждения. Тем не менее это не могло произвести значительного влияния на подавляющее большинство, которое в настоящее время несколько не заинтересовано в изменении своего сознания.

Моей первой реакцией на такое понимание были ощущение безнадежности и депрессия, и это заставило меня понять еще целый ряд моментов, которые прежде не привлекали моего внимания. Предположим, нам удастся заинтересовать бóльшую часть людей, и они захотят измениться. Как быстро, спросил я себя, может меняться сознание? Возьмем, к примеру, меня самого. Я — человек, который уже около тридцати лет практикует медитацию и различными

способами исследует сознание. Разумеется, я лично извлек из этого немалую пользу и во многих отношениях изменился; и тем не менее я все еще далеко не просветлен, все еще нахожусь в плену своих старых привычек мышления, мой эго-разум бóльшую часть времени все еще находится у руля, и я до сих пор далеко не образец для подражания. После всех этих лет мне предстоит еще очень длинный путь, а ведь я осознанно работал над своим внутренним ростом. Если это столь медленный процесс, то каковы же шансы у тех, кто даже сознательно не пытается двигаться в этом направлении? Есть ли хоть какие-то основания для надежды, что человечество вовремя пробудится?

Тогда я подумал: допустим, по какому-то волшебству все пробудились бы прямо сейчас. Стало бы это концом наших проблем? Предположим, на Землю сегодня высадились инопланетяне и изменили наше сознание, или новый Будда выступил по телевидению, и все мы тут же прониклись его словами. Так вот, даже если мы все вдруг пробудимся и станем просветленными существами, кризис не исчезнет в одночасье. Для того чтобы остановить запущенные нами процессы — истощение ресурсов, демографический взрыв, уничтожение дождевых лесов, парниковый эффект, — потребуется много времени.

Нетрудно понять, что эта мысль лишь усугубила мою подавленность. И тут я вспомнил, как разрабатывал для нефтяной компании «Шелл» возможные будущие сценарии мирового развития. В «Шелл» работает группа футурологов, занимающаяся разработкой прогнозов на тридцать лет вперед и картографированием возможных сценариев. Цель этих исследователей не предсказание будущего — они знают, что это невозможно, — а создание диапазона сценариев, которые необходимо принимать во внимание при принятии важнейших решений. Если, к примеру, вы намерены основать в Венесуэле новый нефтеочистительный комбинат, вы понимаете, что это весьма долгосрочное решение, поэтому вам интересно прикинуть, как оно может сказаться в контексте различных экономических, политических, социальных и экологических сценариев. Вы хотите быть уверены, что прикрыли все тылы.

Я понял, что все мое внимание отдано лишь одному из этих сценариев: «мы можем спасти мир, если изменим свое сознание». Назовем это сценарием А. Я полностью вытеснял из сферы своего рассмотрения сценарий Б, согласно которому уже слишком поздно, сдвиг в мыслительных парадигмах уже ничего не спасет, и ничего с этим поделать нельзя. Это весьма неприятный вариант, и, разумеется, именно поэтому я не допускал его до своего осознания. Однако, каким бы он ни был дискомфортным, очевидно, что он очень важен и достоин изучения.

И я решил: ну ладно, давайте посмотрим на эту возможность. Итак, каким будет мир в сценарии Б? Очевидно, что в нем есть масса всевозможных вариантов, но все их объединяет одно: будет много боли и страдания. Боль бывает психологическая — жизнь может стать по-настоящему трудной, когда людям приходится отказываться от того, к чему они привыкли, когда они лишаются привычного комфорта. Бывает также физическая боль. Как знать, что произойдет, если истощатся запасы продовольствия, а ведь вы, Эрвин, говорили нам, что считаете это вполне возможным.

Что же сможет помочь в этих обстоятельствах, спросил я себя. Мне представлялось совершенно очевидным, что по крайней мере одно будет очень важным — забота, сострадание, сообщество. Я вспомнил свою югославскую знакомую из Загреба, которая пережила там войну, общественный хаос, опустошительные бомбежки. Я спросил, как ей удалось пройти через все это, и она объяснила, что жизнь в таких условиях была терпимой только благодаря тому, что она имела возможность встретиться с друзьями, выпить с ними чаю и получить какое-то человеческое участие.

Как развить участие и сострадание? Этот вопрос снова привел меня к самой сути буддизма.

Как отпустить свои привязанности, желания, страхи и весь остальной «материал», который держит нас взаперти в наших личных мирах, заставляет заботиться только о собственном благополучии? И тут меня неожиданно осенило. К своему изумлению я понял, что это по сути тот же самый путь, который я отстаивал в случае со сценарием А. Если мы стремимся исцелить планету и спасти самих себя через изменение собственного сознания, мы должны избавиться от своего эгоцентризма, от своей привязанности к вещам. Оказывается, сценарий Б предугадывает то же самое направление. Для того чтобы выжить в трудные времена, нам необходимо освободиться от привязанностей и сосредоточения на собственных интересах, стать более любящими, более участливыми существами. По какому бы сценарию ни стали разворачиваться события, путь один и тот же — необходимо внутреннее пробуждение.

Это озарение освободило меня. Если при любом сценарии мы должны проделать одну и ту же работу, то уже не так критически важно, какой именно осуществится сценарий. Теперь для меня это уже не вопрос повышения осознанности ради некоей конкретной цели — спасения мира или продолжения существования в ситуации крушения. Повышение осознанности оказалось важно само по себе, в любом случае. Теперь я был свободен продолжать следовать своему пути, но уже без привязанности к определенному исходу. Для меня это было значительным сдвигом.

Ласло: В худшем из сценариев, несомненно, потребуется очень значительное изменение в сознание и гораздо больше сострадательности — просто для того, чтобы выжить. Считаете ли вы, что такая «революция в сознании» произойдет в мире сама по себе?

Рассел: Обретение подлинного сострадания требует большой внутренней работы. Иногда развитию сострадательности могут способствовать лишения, но это не всегда так. Все зависит от степени открытости и готовности каждого конкретного человека. Поэтому мы все еще должны фокусироваться на внутренней работе, на освобождении своего ума от страха и отживших убеждений, от мертвой хватки своего эго-разума. Нам все еще необходимо развивать больше внутренней устойчивости и освобождаться от своих материальных привязанностей. Чем больше мы занимаемся этим сейчас, тем более гибкими и сострадательными мы, вероятнее всего, будем, когда возникнет необходимость.

Поворотным пунктом для меня стало понимание того, что при любом развитии событий потребуется та же самая внутренняя работа, что я должен заниматься ею в первую очередь для самого себя. Изменение сознания ценно само по себе. Возможно, благодаря этому мы избежим каких-то катаклизмов, возможно — нет. Но это все равно абсолютно необходимо.

Гроф: В древних и традиционных культурах люди регулярно проходили через измененные, необычные сознания в различных социально санкционированных ритуалах. Они переживали отождествление и глубокую связь с другими людьми, с животными, с природой и целым космосом. У них были мощные по своему воздействию встречи с архетипическими существами и посещение различных мифологических областей. Неудивительно, что им приходилось интегрировать эти переживания и наблюдения в своем видении мира. Мировоззрение традиционных культур представляет собой синтез того, что люди переживали в повседневной жизни через свои обычные органы чувств, и того, с чем они сталкивались в визионерских состояниях.

В сущности, с нашими современниками, имеющими возможность переживать необычные состояния сознания, происходит то же самое. Я не встречал ни единого человека, неважно, с каким уровнем образования, коэффициентом интеллекта и профессией, который, пройдя через мощные надличностные переживания, все еще подписывался бы под материалистическим

монизмом западной науки. Я являюсь президентом-учредителем Международной трансперсональной ассоциации. До сих пор мы уже провели пятнадцать международных конференций со звездным списком участников, ученых с впечатляющими заслугами. Все они, пройдя через опыт измененных состояний или изучая его у других, приходили к выводу о серьезной недостаточности ньютоновско-картезианского мировоззрения. Рано или поздно все они подошли к более широкой альтернативе видения космоса, объединяющего современную науку с перспективами, сходными с теми, которые характерны для мистических традиций, восточных духовных философских учений и даже для туземных культур. Их новое мировоззрение предусматривает одушевленную вселенную, пронизанную абсолютным сознанием и высшим космическим разумом. Я верю, что нечто такое же произойдет со всей нашей культурой, если необычные состояния сознания станут широко доступны.

Первый день

Полдень

Измерения трансформации

Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке

Ласло: Как с очевидностью вытекает из всего, сказанного нами этим утром, все мы единомысленны в том, что необходимы фундаментальные перемены в сознании и что, по некоторым признакам, такие перемены уже происходят. Не следует ли нам, в свете определенных аспектов этого процесса, задаться вопросом о том, каково главное различие между тем видом сознания, которое необходимо, и тем, что все еще главенствует на сегодняшний день?

Гроф: В нынешнем кризисе я вижу два элемента, требующих радикального изменения в сознании. Один из них свойственен человеческой природе с незапамятных времен, второй является продуктом современной эпохи.

В человеческой истории всегда доминировали необузданное насилие, «злая агрессия» — по определению Эрика Фромма — и ненасытная жадность и стяжательство, постоянное желание иметь все больше и больше. На протяжении столетий мы наблюдаем расовую, культурную, политическую и религиозную нетерпимость, время от времени взрывающуюся в войнах и кровавых революциях, нашествиях, завоеваниях и господстве.

В наши дни эта ситуация усугубляется вкладом материалистической науки и ее глубокого идеологического воздействия. Господствующее научное мировоззрение в некотором смысле поддерживает жизненную стратегию, основанную на индивидуализме и соревновательности, а не на синергии и сотрудничестве. В контексте дарвинистского и фрейдистского мышления вполне естественно, законно и приемлемо преследование эгоистических целей за чужой счет. Это отражает нашу истинную природу, основанную на примитивных инстинктах, и полностью согласуется с дарвинистским принципом: «выживает сильнейший».

Налицо также далеко идущие экологические последствия действия старой парадигмы, то отношение к природе, о котором говорил Пит и которое впервые сформулировал Френсис Бэкон. Это беспощадная эксплуатация природы, расхищение невозобновляемых ресурсов, глобальное загрязнение среды. Поэтому нам необходимы новые стратегии, которые сделают возможной трансформацию таких деструктивных человеческих тенденций, как злобная агрессия и ненасытная жадность, а также всесторонний пересмотр существующей системы ценностей и научного мировоззрения. В нашей культуре, для которой характерно непомерное, зачастую необоснованное и нереалистичное почитание науки, нельзя переоценивать значение смены парадигмы.

Ласло: Стэн, вы говорите о нынешнем почитании науки, упомянув в то же время господство картезианского, бэконского и ньютоновского взглядов. Мне кажется, что мы питаем пиетет к полностью отжившей науке.

Гроф: Да, проблема именно в этом.

Ласло: Одна из трудностей в развитии и распространении нового сознания заключается в его неизбежном противостоянии доминирующему мировоззрению, поскольку речь идет о воззрении научно-технического истеблишмента. Поэтому необходимо также обновление наших представлений о том, что на самом деле сообщают нам науки. Ведь по сути общество в целом отстает от ведущего края научной мысли.

Гроф: Именно это я и хотел сказать. Престиж науки необычайно высок, но то, что большинство людей подразумевают под наукой, является ньютоновско-картезианской парадигмой, центральное место в которой занимает монистический материализм. Такой способ мышления порождает для нас ужасные последствия — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Поэтому так важно, чтобы глубокая внутренняя трансформация сочеталась с пересмотром устаревшего научного мировоззрения. В связи с этим, Эрвин, я считаю, что работа, которую вы ведете, чрезвычайно важна для нашего будущего. Помимо того, что она предлагает блистательный синтез таких уже существующих общих концептуальных теорий, как концепции Дэвида Бома, Руперта Шелдрейка и Ильи Пригожина, она делает возможным преодоление разрыва между наукой и духовностью. Наука с отчетливо антидуховной установкой в обществе, где она пользуется громадным уважением и авторитетом, заметно сдерживает интерес людей к духовному поиску.

Ласло: Мы исходим из того, что наука является открытым мероприятием, что она всегда готова измениться с учетом новых данных. Но многие исследователи проявляют невероятный консерватизм, по сути они столь же консервативны, как остальные их коллеги в академическом мире. Поэтому это непростая задача — убедить ученых взять на себя ответственность за передачу знаний, имеющих для людей подлинный смысл и в то же время открывающих новые перспективы. В традиционной, консервативной и жесткой науке нет ничего осмысленного, есть лишь математика и считывание показаний приборов. Людей не беспокоит смысл этих показаний, коль скоро уравнения работают и регулярно сверяются с показаниями и результатами наблюдений. Такой подход не только устарел, он опасен. К счастью, консерватизм не сказывается на творческом и новаторском крае науки, где и происходит большинство прорывов. Там мы видим открытость по отношению к новым идеям, новым мировоззрениям и даже новой духовности.

Гроф: Мне представляется крайне увлекательным сравнение состояния современной психологии и психиатрии с тем, что произошло на ведущем крае физики в первые десятилетия этого века. Как мало времени потребовалось физикам, чтобы совершить радикальнейший концептуальный скачок от ньютоновской физики к эйнштейновской теории относительности, а затем — к квантовой механике! Для сравнения: на сегодняшний день уже накопилось огромное количество данных, иллюстрирующих неадекватность и непригодность нынешнего научного понимания сознания и человеческого разума. Такие свидетельства поступают из сравнительного религиоведения, антропологии, экспериментальной психиатрии, экспериментальной психотерапии, парапсихологии, танатологии и других областей науки. И тем не менее, наука мейнстрима полностью игнорирует все эти данные.

Очень наглядно можно убедиться в этом на примере танатологии. Мы многократно проводили наблюдения, предполагающие, что люди в околосмертных ситуациях часто обладают

способностью воспринимать окружающий мир без посредничества органов чувств — они сверху наблюдают за процедурой реанимации своего тела, оказываются свидетелями происходящего в других помещениях здания или даже путешествуют в бестелесном состоянии в различные удаленные места. Это — так называемые «повторимые внетелесные переживания». Широкая публика тоже знает об этом явлении, благодаря популярным книгам, ток-шоу и даже голливудским фильмам. Кен Ринг в своем недавно опубликованном исследовании продемонстрировал, что такие переживания бывают даже у людей с врожденной слепотой. Казалось бы, одного лишь этого наблюдения должно было хватить для того, чтобы развенчать миф о том, что сознание является продуктом нейрофизиологических процессов в мозге, и привести к радикальному пересмотру существующей парадигмы. Многочисленные похожие наблюдения имеются также в трансперсональной психологии и в современном исследовании сознания.

Рассел: Когда к таким фактам начнут относиться более серьезно, мы несомненно станем свидетелями грандиозной смены парадигм в науке. Она может оказаться самым значительным сдвигом, когда-либо имевшим место в западном мышлении. Не исключено, что мы уже находимся на его ранней стадии. Томас Кун, который около тридцати лет назад впервые ввел идею парадигмы, показал, что смена парадигм происходит несколькими стадиями. Сначала идет стадия открытия аномальных данных, не укладывающихся в существующие модели реальности. Поскольку сама модель еще никем не подвергается сомнению, аномалии игнорируются или даже отрицаются. Затем, поскольку число таких данных становится настолько велико, что игнорировать их уже нелегко, существующая модель модифицируется в попытке приспособить к ней необычные наблюдения. В классическом примере коперниковской эволюции такой аномалией было движение планет, не соответствующее представлению, согласно которому они должны двигаться вокруг Земли по круговым орбитам. Средневековые астрономы пытались объяснить эти несоответствия, добавив к круговым орбитам так называемые эпициклы, то есть кривые, которые описывают окружности, вращающиеся вокруг других окружностей. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы объяснить результаты наблюдений, и тогда ученые добавили эпициклы к эпициклам — окружности, вращающиеся вокруг окружностей, которые, в свою очередь, тоже вращаются вокруг окружностей. В результате сложилась весьма громоздкая модель. Тем не менее, достоверность базового мировоззрения все еще не вызвала сомнений.

В том, что касается явлений сознания, мы находимся сейчас на такой же стадии. Для западной науки сознание является великой аномалией. В научной модели реальности человеческое сознание невозможно вывести из чего-то другого, и ничего ее не может объяснить. Однако сознание — единственное, в существовании чего мы можем быть полностью уверены. Именно о нем сделал Декарт свое знаменитое высказывание: *cogito ergo sum*:^[1] я могу усомниться в точности своего восприятия, могу усомниться в своих мыслях, в своих чувствах, однако есть нечто, в чем я не могу усомниться, — это сам факт, что я воспринимаю, мыслю и чувствую, что у меня есть сознание. Таким образом, ученые находятся сегодня в странной ситуации. Постоянно получая подтверждения факта своего сознания, они, тем не менее, не имеют никакой возможности его объяснить.

В прошлом наука просто закрывала глаза на этот вопрос. Казалось, нет необходимости принимать в расчет сознание, ведь они изучали не разум, а физический мир. Сегодняшняя наука столкнулась с ситуацией, в которой она уже не может продолжать просто игнорировать вопрос о сознании. Теперь, что типично для второй стадии смены парадигм, предпринимаются усилия как-то растянуть общепринятую схему, чтобы эта аномалия могла уложиться в ней. Некоторые

ученые с надеждой смотрят на квантовую физику, другие — на теорию информации, третьи — на нейропсихологию. Все они всё еще пытаются объяснить сознание, оставаясь внутри существующей парадигмы пространства—времени-материи. То обстоятельство, что они никак не могут добиться какого-либо значимого продвижения, подсказывает мне, что, скорее всего, они находятся на ложном пути. Необходима принципиально новая модель реальности, в которой сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть — еще более фундаментальным.

Это третья стадия куновского процесса — создание радикально новой модели, объясняющей аномальные явления. Мы туда еще не пришли. Нам уже ясно, что старая парадигма не работает. Для нас очевидны ее трещины и слабые места. Однако лишь очень немногие дерзают выходить в своем мышлении за пределы той клетки, которой является модель пространства-времени-материи. Но для появления новой модели потребуется именно это. На сегодняшний день наука все еще находится в цепком плену у старой схемы.

Ласло: Мы держимся за устаревшую парадигму, относясь к ней как к реальности, а не модели. Мы — то есть большинство ученых, а также людей, взирающих на науку как на источник истины, — свято верим в то, что наши представления о реальности и есть сама реальность.

Рассел: Да. Так всегда происходит с парадигмами. Люди верят, что их модель является реальностью, а не ее описанием.

Гроф: Грегори Бейтсон писал и говорил о том, что люди путают карту территории с самой территорией. По его словам, это все равно что прийти в ресторан и съесть вместо обеда меню.

Ласло: По счастью, даже в августейшем мире науки происходят тонкие изменения, последствия которых значительны и в целом непредсказуемы. Даже карта, которую принимали за реальность в течение трехсот лет, может в конце концов оказаться выброшенной на обочину. Именно это произошло в первом десятилетии нынешнего века, когда эйнштейновская теория относительности пришла на смену классической ньютоновской механике. Но почему произошло именно это? Ведь физики всегда могли объяснить определенные теории на основе совершенно иных теорий. Все на свете имеет всегда больше, чем только одно объяснение.

Гроф: Действительно, почему была принята именно эйнштейновская интерпретация результатов исследования перигелия Меркурия во время солнечного затмения? Ведь и она не давала абсолютно точных прогнозов, она всего лишь была ближе к реальным результатам опыта, чем то, что можно было вывести из ньютоновской модели.

Ласло: Даже на основе ньютоновской физики можно было предсказать практически те же данные, если бы взяли на вооружение баллистическую теорию света. Предположим, что свет, будучи потоком фотонов, имеет массу. В таком случае, в силу закона гравитации фотоны должны притягиваться к массе Солнца и других небесных тел. Получилась бы такая же искривленная траектория, как та, которую выводят на основании предположения об искривлении пространства или пространства-времени.

Гроф: Так почему же была принята теория Эйнштейна, а не Ньютона?

Ласло: В конечном счете, представляется, что это произошло благодаря чему-то, что является для науки почти эстетическим фактором, а именно — простоте и стройности. Здесь речь идет о простоте и стройности математического аппарата физической теории. В пространственной теории относительности, впервые выдвинутой Эйнштейном, уравнения движения остаются инвариантными даже в случае ускорения движения. Благодаря знаменитым «релятивистским инвариантам», уравнения выводятся с неизменным постоянством и стройностью. Когда на стыке столетий наука столкнулась со странными явлениями, в том числе с излучением черного тела, физикам для спасения достоверности своих теорий не пришлось добавлять допущений с натяжками и изобретать новые постулаты.

За несколько столетий до этого похожий подвиг совершил Коперник своей гелиоцентрической теорией. Он отказался от эпициклов, добавленных к эпициклам, которые нужны были астрономам, чтобы сохранить достоверность старой геоцентрической астрономии. Коперник был убежден, что природа любит простоту. Разумеется, ученые и сами любят ее в своих теориях, которые и без того слишком сложны, чтобы усложнять их сверх необходимости. Это одно из самых важных соображений, играющих роль при принятии новых теорий в современной науке.

Рассел: Меня всегда очаровывали аспекты простоты и инвариантности устройства вселенной. Я начинал свою научную деятельность математиком. К этой дисциплине меня привлекла ее простота и красота. Для меня явилось настоящим откровением то, что существует одно-единственное базовое уравнение, лежащее в основе механики всего физического мира. Все сводится к той или иной форме эйлеровского уравнения, или к тому, что на более доступном языке называется волновым уравнением. Это очень простая, но чрезвычайно мощная формула. Она применима и к колебанию маятника, и к динамике внутриатомных процессов, и к распространению света, и к движению планет. Она поразительно проста и поразительно красива. Если бы в тот период меня спросили, есть ли бог, я бы ответил, что бог — в математике.

Но еще удивительнее тот факт, что математика, представляющая собой порождение человеческого разума, имеет какую-то связь с физической реальностью.

Гроф: Эту способность математики моделировать явления в материальном мире можно было использовать в качестве главного аргумента против картезианского раскола между *res cogitans* и *res extensa* — между разумом и материей. Как, при наличии такого раскола, система, являющаяся продуктом психики, может точно и аккуратно предсказывать явления в совершенно иной сфере?

Ласло: Ученые склонны рассматривать единое множество явлений, пытаясь объяснить его с помощью наиболее простого и красивого математического аппарата. Однако простота и красота математики меняется по мере того, как меняется изучаемый диапазон явлений. Для одновременного описания явлений и физического, и биологического мира будет использовано не то же самое множество концепций, как в случае изучения только одного из этих миров. Если добавить к этому еще и мир человеческой психики с учетом самых эзотерических сфер опыта — таких, как, например, надличностные и околосмертные переживания, о которых мы говорили ранее, то наша концептуальная система снова изменится, поскольку нам придется искать еще более общее объяснение. Возможно, в ближайшем будущем появится красивая и точная базовая математика, охватывающая более широкий пласт действительности — пласт, который включит, наряду с миром живой природы и с физической вселенной, и человеческое сознание.

Рассел: Да, я думаю, что именно в этом направлении мы и движемся — новая парадигма может сложиться в самое ближайшее время. Для этого нужно лишь, чтобы кто-то собрал все части мозаики каким-то совершенно новым образом и создал теоретическую модель, способную привлечь во внимание как мир мысли, так и мир материи. Я нахожу эту тему чрезвычайно захватывающей; именно она находится в фокусе моей работы в последние несколько лет. В настоящее время сознание представляется нам чем-то, возникающим из пространства, времени и материи, чем-то, являющимся результатом физической деятельности нервной системы. Но то, к чему мы идем, буквально противоположно этому представлению. Я уверен, что рано или поздно нам придется принять, что сознание абсолютно фундаментально для вселенной, что оно не возникает из материи.

В каком-то смысле такой подход отнюдь не нов. Ведь именно это утверждают многие направления древней традиционной мудрости. К примеру, почти вся индийская философия исходит из постулата, согласно которому сознание является чем-то фундаментальным. Наука пока отмахивается от таких идей, но в конце концов ей придется согласиться с тем, что такая возможность все-таки допустима.

Ласло: Мы движемся к новой культуре, частями которой могут быть и наука, и древняя мудрость, интегрировавшись в ней новым образом. А в идеале это будет не заново открытое прошлое, а новый синтез.

Гроф: Да, то, к чему мы движемся, это не просто регрессия и возврат к старым идеям; это движение вперед по спирали, когда старые элементы возникают вновь на более высоком уровне как часть творческого синтеза древней мудрости и современной науки.

Рассел: Мне импонирует эта идея спирали; она содержит в себе и идею возвращения туда, где мы уже были, и в то же время предполагает добавление чего-то иного. Я не думаю, что мы станем свидетелями простого возвращения к древним традициям. Они соответствовали своим временам, но мы живем в ином мире, в ином общественном климате и с иным пониманием космоса. Нам сейчас необходима современная мудрость, соответствующая нашему времени. Суть та же самая — то, что Олдос Хаксли назвал Вечной Философией, та же основополагающая мудрость, вновь и вновь открываемая в разных культурах и разные времена. Однако ее конкретное выражение значительно варьируется в зависимости от культуры. Нам нужна сегодня ее формулировка в современных терминах, доступная пониманию обычных людей и актуальная для сегодняшней жизни.

Думаю, что именно это и является содержанием революции в сознании. Мы заново открываем вечную мудрость для самих себя, в современных терминах, и превращаем ее в актуальную для того мира, в котором господствуют наука и здравый смысл.

Роль духовности

Гроф: Давайте опять вернемся к вопросу о задаче синтеза мистического и научного мировоззрений. В академических кругах распространено ощущение, что наука со своим материалистическим монизмом раз и навсегда развенчала и дискредитировала всю духовность и

религиозность — от примитивных племенных верований до великих мистических традиций. Я полагаю, что такой подход отражает не только фундаментальное непонимание природы и функции науки, но и неумение отличить духовность от религии. Мне это представляется весьма серьезной проблемой. Не думаю, что примирение между наукой и духовностью возможно без внесения ясности в этот вопрос.

Ласло: В таком случае как бы вы определили духовность — чем именно она отличается от религии?

Гроф: Духовность — личное дело каждого, касающееся его взаимоотношений с космосом. Религия же представляет собой организованную деятельность, требующую специальных мест и особой иерархической системы назначенных посредников. В идеале религия должна обеспечивать верующих необходимыми средствами и поддержкой для духовных переживаний. Однако на деле это очень часто отнюдь не так! Именно личные духовные переживания представляют серьезную угрозу для организованных религий, поскольку они освобождают людей от зависимости от организации и системы верований. Мистики не нуждаются в посредничестве, у них есть прямой путь к божественному, поскольку духовность зиждется на непосредственных переживаниях радикально иного взгляда на реальность консенсуса или иных, обычно сокрытых, измерений реальности. Эти переживания происходят в измененных состояниях сознания. Изучение таких переживаний составляет предмет трансперсональной психологии. Эта сфера явлений требует самого серьезного исследования, результаты которого должны быть включены во всеобъемлющее научное мировоззрение будущего.

Все великие религии начинались с визионерских состояний и надличностных переживаний их создателей — с переживания просветления Будды под деревом Бодхи, чудесного путешествия Мухаммеда или явления Иеговы Моисею в горящем и негорающем кусте. Библия полна описаний таких переживаний — огненная колесница, явившаяся Иезекиилу, искушение Христа дьяволом, ослепительная встреча Савла с Иисусом на пути в Дамаск или апокалиптическое откровение святого Иоанна в его пещере на острове Патмос.

Однако, когда возникают организованные религии, верующие узнают об этих переживаниях из проповедей и священных писаний. Непосредственный доступ к божественному уже недоступен и зачастую неприемлем. Если у кого-то в любой из сегодняшних церквей возникают подлинные мистические переживания, обычный священник скорее всего направит такого человека к психиатру. Когда религия организована, непосредственные надличностные переживания происходят большей частью лишь в ее мистических ответвлениях или монашеских орденах, где все еще практикуется подлинная духовная практика — медитация, пост, молитвы и т. д.

Есть основополагающее различие между религией и мистицизмом. Бывает религия без духовности и духовность без религии. Организованной религии необходимо убеждать людей в том, что они ради правильных взаимоотношений с божественным обязаны регулярно приходить в конкретное место и взаимодействовать с системой. А для мистиков роль храма играют природа и их собственное тело. У них прямая связь с божественным, которая не нуждается ни в каких посредниках, особенно в таких, которые не имеют личного опыта переживаний и являются не чем иным, как назначенными чиновниками. Пользу мистикам могут принести не они, а сообщества искателей и учителей, еще более продвинутых на пути, чем они сами.

Аутентичные духовные системы основаны на столетиях систематического исследования психики с использованием тщательно разработанных технологий изменения сознания. Они представляют собой результат процесса, во многих отношениях напоминающего научный метод.

Ласло: Философу Альфреду Норту Уайтхеду принадлежит одно примечательное наблюдение. По его словам, наука, как и культура, развивается благодаря великому уму, который по-новому и в более широком контексте высвечивает некую конкретную область опыта и исследования. Идеи такого человека в целом адекватны, но зачастую непоследовательны в деталях. Затем приходят продолжатели, которые вносят в эти идеи последовательность, но сами в процессе этой работы упускают из виду первоначальное прозрение. Оно становится стерильным, превращаясь в обычную догму. Догма, в свою очередь, со временем претерпевает крах, после чего является новый первооткрыватель с другим творческим прозрением, и процесс начинается заново. То же самое происходит и с религиями.

Рассел: Это неизбежно должно происходить. Религии, как мы сказали, всегда начинали с индивидов или небольших групп, имевших глубокое личное переживание освобождения. Тем или иным образом они пробудились к истине, после чего стремились передать свое понимание другим. Как правило, именно так первоначально возникали духовные учения.

К сожалению, однако, те, кто получает учение, никогда не находятся в том же состоянии сознания, в котором оно передается. Учитель говорит, находясь в просветленном состоянии, в то время как ученик старается понять его из своего, менее просветленного состояния сознания, и при такой передаче неизбежно что-то теряется. Пока учитель еще жив, он, возможно, старается исправлять ошибки учеников, заботясь о правильном его понимании. Но после смерти учителя в учениях, по мере их передачи от одного человека к другому, каждый раз что-то теряется, недопонимается, или добавляется что-то, чего в нем не было первоначально. Это немного напоминает игру в испорченный телефон, когда сообщение передается по кругу, каждый раз немного искажаясь, и, возвращаясь к исходной точке, оно может полностью отличаться от оригинала.

То же самое происходит с духовными учениями, но в гораздо более крупном масштабе. Сообщение передается не просто от одного человека к другому, но от одного поколения к другому, от одной культуры к другой, и часто переводится с одного языка на другой. Всякий раз какие-то частицы теряются, какие-то добавляются, и доходящая до нас версия может иметь уже лишь самое отдаленное сходство с оригинальным учением. Я называю этот процесс «разложением истины». Именно по этой причине великие духовные традиции так сильно отличаются друг от друга, несмотря на то, что начинались они с очень сходных переживаний. Мы должны вновь искать эту их общую сердцевину и не беспокоиться о различиях.

Поэтому важно не просто пытаться воскрешать древние духовные традиции. В этом случае мы неизбежно воскресим искаженную версию оригинала. Наша задача — вновь добраться до самих истоков, до живого источника, проистекающего из личного опыта, а не из доктрины или догмы, и пережить этот опыт в своей собственной жизни.

Ласло: Мистические традиции присутствовали уже в досократовских греческих школах, хотя их прозрения еще не были сформулированы на языке, подходящем для общественного распространения. К тому времени, когда появились формулировки, они уже представляли собой компромисс, который общество было способно потреблять. Сущность учений узнают не из книг и не от других людей, ее проживают. Неудивительно, что в дошедших до нас традициях мы получаем не живой дух, а одни сухие кости.

Гроф: Сегодня нам нужно больше духовности, а не больше религии. Организованные религии в их нынешней форме являются частью проблемы, а не ее решения. Во многих частях

света основным источником насилия служат религиозные конфликты.

Рассел: Мы должны помнить, что организованная религия не отражает просветленного состояния сознания. Ее цели могут быть похвальны, но люди, которые ее проповедают или защищают, обычно так же непросветленны, как и все остальные. Как ни печально, но они зачастую представляют собой еще одно проявление болезни общества.

Все это вновь приводит нас к вопросу об автоцентризме. Как таковой, на биологическом уровне он вполне оправдан, мы должны быть автоцентричны, чтобы заботиться о своем питании и уберечься от вреда. Для нашего физического выживания некий базовый уровень автоцентризма необходим. Но мы придерживаемся того же ориентированного на самих себя модуса мышления и в тех сферах, в которых он совершенно несостоятелен. Можно сказать, что мы забываем при этом, в чем же на самом деле состоят наши интересы.

В конечном счете все хотят быть в ладу с собой, чувствовать себя хорошо. Общество говорит нам, что мы получаем это внутреннее переживание благодаря своим действиям и своим переживаниям во внешнем мире. Такая установка ведет к внутреннему автоцентризму. Мы думаем: что я могу взять себе, что я могу сделать, чтобы быть счастливым, каким видят меня другие, какую систему убеждений мне взять на вооружение?

Такая установка не только во многом определяет наш материализм. Он же служит причиной того, что мы попадаем в плен религии. Каждый вправе верить, что то или иное учение спасет его, что если он будет следовать тому или иному пути, ему будет хорошо. А затем мы очень привязываемся к своему конкретному верованию и делаем все, чтобы защитить выбранный нами путь. Так религия очень легко в конечном счете становится автоцентричной. И в этом есть некая ирония, поскольку первоначально религия ставила целью именно освобождение людей от их автоцентризма.

Ласло: Религия — также общественное явление, связанное с коллективной самоидентификацией. Мы нуждаемся в принадлежности к сообществу, к социальной, культурной или религиозной группе или конгрегации. Эта потребность удовлетворяется в наши дни иначе, чем в средние века, когда религиозная конгрегация была основным сообществом, к которому мог принадлежать человек, по крайней мере в Европе. Теперь у нас есть национальные и региональные сообщества, а внутри них — самые разные уровни, вплоть до квартальных этнических обществ. Принадлежность к религиозной группе или конгрегации обеспечивает ощущение идентичности только ограниченному количеству людей. И уж совсем мало общего такая принадлежность имеет с обретением доступа к некой конечной истине. Как правило, пропагандируемые в этих сообществах доктрины лишь проводят границу между членами группы и всеми остальными — обычными верующими и «еретиками».

Гроф: Как правило, роль организованной религии сводится к тому, что она объединяет людей в группу, фокусируясь на конкретных архетипических фигурах и темах и декларируя их уникальность. Это обычно ставит группу в ситуацию конфликта с другими группами, избравшими иные формы представления божественного и общения с ним — христиане против евреев, индусы против мусульман, сикхи против индусов и т. д. Зачастую организованная религия не очень успешно справляется даже с задачей сплочения своих собственных последователей, в своем собственном шатре. Ярким примером этому явилось христианство, внутри которого вспыхнула ожесточенная борьба между католиками и протестантами, приведшая ко многим кровопролитиям и страданиям.

Совсем иная ситуация с духовными переживаниями. Они обеспечивают непосредственный

доступ к священным измерениям существования, открывают единство, лежащее в основе кажущегося столь разделенным мира, божественную природу мироздания и нашу собственную божественность. Они уводят нас за пределы сектантского шовинизма организованной религии и ведут к универсальному, всеобъемлющему и объединяющему видению реальности и человечества. Организованные религии в их нынешней форме зачастую порождают раздоры и способствуют усугублению глобального кризиса. Но религия, основанная на подлинной мистической перспективе, могла бы по-настоящему изменить мир.

Ласло: Несколько дней назад, во время симпозиума, проводившегося в Берлине Университетом международного мира, Далай-лама сказал мне: «Никогда не пытайтесь обращать людей в какую бы то ни было религию». Сам он не пытается склонить кого-либо к тибетскому буддизму. Подлинной целью является не обращение в свою веру, подлинная цель — это дух, лежащий в основе религии и выражающийся в любви, солидарности, сострадании. Он дал мне совет никогда не питать ожиданий, что какая-то одна религия даст ответы на все вопросы. Главное — это дух религии, а не слово доктрины.

Бывает, что прозрение воплощается в жизнь. Например, основатели Ауровилля, экспериментальной духовной общины в Индии, приняли решение, что в общине не должно быть никакой религии. Вам говорят там прямым текстом, что религиозных доктрин, так же как и религиозных обрядов, следует избегать. Община существует лишь для глубокой духовности в повседневной жизни, для усиленной индивидуальной и коллективной медитации. По словам Шри Ауробиндо, когда религия становится институализированной, она разделяет в большей степени, нежели объединяет.

Рассел: Об этом говорили многие духовные наставники, предостерегая последователей от превращения их учений в религию. Будда учил своих учеников не принимать его слова на веру только потому, что он их произнес. Они должны были принимать его слова лишь тогда, когда те соответствовали их личному переживанию. В более недавние времена Рудольф Штейнер утверждал, что, если бы он мог вернуться через столетие, он, вероятно, пришел бы в ужас от того, что сделали люди с его учениями. Духовная мудрость универсальна; однако, по мере передачи от человека к человеку, прозрение любого учителя постепенно обрастает доктринами и догмами, порождая нечто весьма отличное от первоначального учения. Я уверен, что если бы вы, Эрвин, снова посетили Ауровилль, через двести или триста лет, вы бы обнаружили возникшую там новую религию.

Сегодня мы являемся свидетелями зарождения новой духовности. У нее нет пока названия и конкретной формы, у нее нет лидеров. Но налицо возникающая новая перспектива, очень хорошо согласующаяся к Вечной Философией, на которую указывал Олдос Хаксли. Многие заново открывают вечную мудрость человеческого сознания и осуществляют ее в своей собственной жизни.

Это чем-то похоже на то, что происходило с Буддой и его поисками внутреннего освобождения. Уйдя в лес, Будда провел шесть лет, посещая различных учителей, упражняясь во множестве различных практик и техник, пока не пережил окончательное пробуждение к истине о том, как можно освободить разум от страдания. Сегодня мы переживаем сходный процесс. Но теперь в поиске находится не один-единственный человек: нас миллионы, мы все вместе в этом путешествии, и все мы чему-то учимся друг у друга. Чем больше мы узнаем, тем больше мы приближаемся к той же самой истине, оттачивая свое понимание духовного развития. Я наблюдаю это в книгах, написанных разным людьми, в их выступлениях. Мы всё чаще говорим об одном и том же. Возможно, со временем это возрождение тоже превратится в очередную

окаменевшую религию, но сегодня, в конце двадцатого столетия, оно, живое и вибрирующее, допытывается этой универсальной истины, являющейся сердцевинной всех религий. Поэтому я считаю наше время таким захватывающе интересным. Мы переживаем новый духовный ренессанс, но в отличие от предшествующих движений возрождения, у этого нет лидера; впервые мы заново открываем истину коллективно.

Гроф: Мне хотелось бы упомянуть в этой связи одно, на мой взгляд поразительное, наблюдение, связанное с изучением измененных состояний сознания. Как в работе с психоделиками, так и в холотропной дыхательной технике, использующей ускоренное дыхание и специально подобранную музыку, мы неоднократно убеждались в том, что переживания обеспечивают доступ к целому спектру мировой мифологии, к архетипическим фигурам и областям всех человеческих культур. Эти переживания трансцендировали расовые, культурные, географические и исторические границы. Похоже, что для того чтобы оказаться в этих переживаниях в мире некой конкретной мифологии, совершенно не обязательно иметь предварительное интеллектуальное знание о ней. Складывается впечатление, что у современных людей есть доступ к любой области коллективного бессознательного. Это, по сути, подтверждает наблюдения, которые много десятилетий назад вдохновили К.Г. Юнга на его формулировку концепции коллективного бессознательного.

У людей, с которыми мы работали в Европе, Северной и Южной Америке и Австралии, часто бывали переживания, связанные с индийской, японской, китайской, тибетской или египетской мифологией. И наоборот, мы видели во время наших поездок в Индию и Японию, что люди с индуистским, буддистским или синтоистским воспитанием зачастую сталкиваются в своих переживаниях с явно христианскими мотивами. В течение этих поездок у меня самого в моих собственных видениях возникал индуистский, буддистский, христианский, мусульманский, синтоистский и зороастрийский религиозный символизм, так же как и темы из культур туземной Африки, Америки и Австралии.

Это весьма примечательно. Многие человеческие группы использовали в прошлом мощные процедуры изменения сознания, в том числе и те, которые применяем мы сами, — психоделические вещества, музыку и различные дыхательные упражнения. Тем не менее, их доступ к коллективному бессознательному был, судя по всему, гораздо более конкретным, ограниченным их собственными культурными архетипами. В «Тибетской Книге Мертвых» не найти упоминаний о Духе Оленя, играющем очень важную роль в мифологии и религии индейцев уичолли из Мексики, а в Библии или «Книге мормонов» не упоминаются дхьянибудды. Похоже, что наблюдаемая нами проницаемость коллективного бессознательного представляет собой новое явление, характерное именно для наших дней. Если бы коллективное бессознательное было в такой же степени доступно и в прошлом, мы не имели бы сейчас дело с различными мифологиями, связанными с разными человеческими сообществами и их религиями. По-видимому, в прошлые времена доступ к архетипам был в значительной степени культурно-ориентированным.

Следует отметить, что подобные процессы происходят сегодня и во внешнем мире. В прошлом человечество было гораздо более раздробленным, а его различные сообщества — существенно более удаленными и изолированными друг от друга. К примеру, до пятнадцатого века у европейцев не было ни малейшего представления о существовании Нового Света, а до середины этого столетия контакты Тибета со всем остальным миром были крайне ограниченными. Сегодня же мы способны всего за несколько часов добраться самолетом практически до любого места в мире, идет обильный взаимообмен книгами и фильмами. И самое главное, что все части планеты соединяются друг с другом коротковолновыми

радиопрограммами, спутниковым телевидением, телефонной сетью и Интернетом.

Мы быстро движемся от разделенного и раздробленного мира к единой мировой деревне. И важной частью этого процесса является неограниченный доступ к архетипической территории коллективного бессознательного. Я надеюсь и верю, что это обеспечит основу для становления универсальной религии будущего. Согласно моему представлению об этой религии, она создаст поддерживающий контекст для духовных переживаний и выработает средства их наведения — «технологии священного», — однако при этом она не будет стремиться диктовать людям конкретные архетипические рамки, которые тем следует избрать для входа в область трансцендентного божественного.

Я верю, что если организованным религиям суждено стать конструктивной силой в нашем глобальном будущем, им придется сделать свои специфические архетипы проницаемыми и признать их *относительность*. Это породит атмосферу терпимости к иным системам, избравшим иную символическую форму поклонения божественному, и вновь соединит религии с их мистическими корнями и с их общим знаменателем — благоговением перед божественным Абсолютом, трансцендирующим все формы.

Джозеф Кэмпбелл часто цитировал высказывание графа Дуркхейма о функции конкретных архетипических форм или «божеств». Для того чтобы быть полезным в подлинном духовном поиске, божество должно быть прозрачным по отношению к трансцендентному. Оно должно служить вратами к Высшему, а не выдавать себя за него, быть посредником в доступе к Абсолюту, одним из ведущих к нему путей, а не превращаться в объект поклонения. Жесткость и непроницаемость конкретных архетипов ведет к идолопоклонничеству — разделяющей, разрушительной и опасной силе.

Рассел: Это еще один аспект перехода от представления о божествах и богах как о существах, находящихся «где-то там», вовне, отдельных от нас, к видению их в качестве аспектов нашей собственной психики. Мы всё больше убеждаемся в том, что внутреннее пробуждение направлено не на выполнение ритуалов для служения какому-то внешнему существу, а на работу с нашим собственным умом, и задаемся вопросом: как мне освободить свой ум от тенет, которыми он оплетен, как открыться переживаниям, о которых идет речь?

Гроф: В связи со всем тем, что я говорил об обнаружении коллективного бессознательного, у меня есть настойчивое ощущение, что религия будущего будет носить эмпирический характер, что она будет почитать духовный поиск и уважать специфические формы, которые этот поиск обретает для каждого отдельного человека. Хочется надеяться, что эта религия не превратится в организацию, проповедующую конкретные догмы и объекты поклонения, что она будет сообществом искателей, поддерживающих друг друга в духовном поиске и осознающих, что каждый из них исследует конкретный участок великой ткани вселенской мистерии. Осознание единства, лежащего в основе всего существования, и ощущение глубокой связи с другими людьми, природой и космосом будет самой важной характеристикой этой конфессии.

Рассел: Да, и любые учения, способные ассоциироваться в этой новой духовности, будут, подобно буддизму, посвящены нашей собственной психике. Это будет современное учение, работающее с такими вопросами, как исследование становления эго, возникновение нашего чувства интенсивности, зарождение бессознательных страхов, наша интерпретация — верная или неверная — своих переживаний и способы освобождения ума от этих пут. Это будут психологические учения, а не догмы о божествах и иных подобных им сущностях.

Гроф: У нас были очень интересные переживания на конференции, которую проводила в 1985 году в Киото Международная трансперсональная ассоциация (МТА). МТА является организацией, стремящейся к интеграции духовности с наукой и растворению расовых, культурных, политических и религиозных границ в мире. Во время конференции мы узнали о серьезном конфликте, происшедшем между американскими и японскими бизнесменами. По телевидению показывали переговоры по его разрешению.

Среди участников конференции был японский юнгианский психолог Хаяо Каваи, который провел несколько лет в Цюрихе и хорошо был знаком с западным менталитетом, так же, разумеется, как и с японским. При просмотре телевизионной программы он, посмеиваясь, заявил: «Им кажется, что если у них есть переводчик, то они на самом деле общаются и понимают друг друга. Но это отнюдь не так. У них совершенно разные ракурсы». Мы попросили его разъяснить свои слова, и он сделал это, используя юнгианский подход.

Эти люди происходят из совершенно разных архетипических территорий, поэтому их метафизические предпосылки очень отличны друг от друга. Восток опирается на модель космоса с пустым центром. Мироздание возникло из Пустоты как тотальный гештальт, в котором все взаимосвязано, все имеет свое место и все является одинаково важной частью целого. На Западе вы держитесь за совершенно иную, космогенетическую модель, в центре которой пребывает источник власти. Это Бог, «большой босс», сотворивший вселенную. Из этой центральной электростанции исходит иерархическая система с постепенно уменьшающейся значимостью. В мире архетипов у вас имеются разные уровни небожителей — самые высокие серафимы и херувимы, затем — персонификации власти, престолов, добродетелей и т. д., затем архангелы и, наконец, обычные ангелы. В природе тоже есть иерархия — низшие организмы, высшие организмы и, наконец, человек, как венец творения.

Хаяо Каваи объяснил далее, что в диалоге между Востоком и Западом это различие в базовых метафизических допущениях окрашивает любую высказанную мысль. Это все равно, что дискуссия между ньютоновским и эйнштейновским физиками. Оба используют одни и те же понятия — «материя», «энергия», «время» и «пространство», — однако значения у этих слов совершенно иные для обеих групп. Мы сочли эту идею очень интересной. Вслед за Каваи другие участники тоже внесли свою лепту в иллюстрирование культурных сравнений. Андре Патсалидес, психолог из Бельгии, урожденный сириец, выступил с лекцией о различиях между арабским и западным умом. Каран Сингх, индийский ученый и бывший регент штата Джамму и Кашмир, провел сравнение индийского и западного способов мышления. Кредо Мутва, антрополог-зулус и знахарь, рассказал о мировосприятии африканцев в сравнении с англо-американским.

Было очень увлекательно наблюдать за тем, как эта дискуссия порождает совершенно новую перспективу. Мы чувствовали, что нас объединяет принадлежность к человечеству, все то, что у нас различное и общее, мы увидели расовые, культурные и религиозные различия как проявления и вариации нашей общей человечности. Они выглядели разнообразными проявлениями невероятного творческого потенциала космического разума, возникающего из лежащей в его основе недифференцированной матрицы. В то же время, в этих различиях было для нас что-то возбуждающее и интересное, чему можно поучиться, чем можно обогатиться. Мы смогли освободиться от своих идиосинкразических культурных программ и заблуждений, согласно которым наш собственный взгляд на реальность и наш способ поведения — лучшие или единственно верные. Их произвольность и относительность стали для нас слишком очевидными.

Ласло: Тейяр де Шарден говорил о процессе растущей интенсификации или конкретизации

в связи с увеличением численности людей и порождаемой ими информации. Может быть, как вы предсказываете, Пит, шесть миллиардов человек создадут что-то вроде глобального мозга. Я верю, что в основе этого мозга лежит и духовное измерение. Мы не осознаём нити, которыми оно нас связывает, но можем достучаться до этого измерения на более глубоких уровнях. Возможно, где-то ниже видимой поверхности наращивается коллективное поле сознания, становящееся доступным для людей в измененном состоянии сознания — в том состоянии, которое исследует Стэн и потенциальные возможности которого мы обсуждаем.

Первый день

Вечер

От прозрения к действию

Исцелить себя и исцелить мир

Ласло: Темы, которые мы обсуждали сегодня днем, указывают на то, что основной предпосылкой мирного и сотрудничающего сознания является лучшее взаимопонимание людей и культур. Хотим ли мы этим сказать, что новая духовность представляет собой также и способ установления межкультурного взаимопонимания? Научатся ли люди, благодаря духовности, сосуществовать и даже более того — исцелять раны общества и мира?

Гроф: Потенциальная возможность этого, безусловно, существует. Надличностные переживания, в которых мы переживаем отождествление с другими, могут способствовать расширению восприятия. Я неоднократно был свидетелем этого. Вопрос лишь в том, может ли это произойти вовремя и в достаточно широком масштабе, чтобы произвести существенные перемены.

Ласло: Обитатели Ауровилля, экспериментальной духовно-ориентированной общины в Индии, убеждены в том, что если группа людей интенсивно концентрируется на каком-то определенном виде сознания, то это воздействует и на других. Верите ли вы, что взаимопроникновение надличностного сознания является реально действующим и многообещающим фактором? Что это проникновение в большей степени, нежели последовательное приобщение людей к новому сознанию, способно значительно изменить нынешний мир?

Гроф: Я думаю, это возможно! В Индии верят, что йогины, медитирующие в гималайских пещерах, могут производить позитивное влияние на положение в мире в целом. Об этом же говорит и более современная идея Шелдрейка о морфическом резонансе. К сожалению, концепция сотой обезьяны, служившая столь вдохновляющей и неотразимой иллюстрацией этого механизма, оказалась вымыслом, а не научным фактом. Когда о ней услышали впервые, она породила немало воодушевления, но в конечном счете Лайелл Уотсон признался, что придумал ее.

Рассел: В действительности не все было его вымыслом. Эксперименты на самом деле проводились, однако результаты были не такими впечатляющими, как он их представил; ничего особо примечательного в них не происходило.

В этой истории с сотой обезьяной я нахожу гораздо более интересным то, как все на нее набросились. Людям так сильно хотелось в это поверить, что лишь очень немногие усомнились в ней или потребовали проведения дополнительной проверки результатов первоначальных исследований. И это особенно удивительно, учитывая, что речь шла о весьма необычном

явлении. То же самое происходит и с идеями Шелдрейка о «заразительности» научения, о том, что чем больше людей овладевают каким-то навыком, тем легче другим научиться ему, даже если эти другие живут на другой стороне планеты. Это тоже весьма необычное утверждение, и тем не менее, как я вижу, очень многие принимают эту теорию, не задавая никаких вопросов.

Интересно, почему это так. Ведь не всякая неконвенциональная мысль вызывает такое же массовое доверие. Я полагаю, в глубине души люди чувствуют, что подобные процессы действительно имеют место. Есть некое потайное, внутреннее знание о том, что каким-то неизвестным образом сознание одного человека воздействует на сознание другого. Мы ощущаем, что какая-то трансперсональная диффузия действительно происходит, и когда кто-то выступает с теориями или экспериментами, которые, как кажется, поддерживают такую возможность, у нас сразу возникает впечатление, что наконец появилось доказательство, которого мы ждали.

Гроф: Я хотел бы упомянуть о наблюдении, которое можно считать косвенным доказательством. В нашей работе мы снова и снова сталкиваемся с тем, что людям, заново переживающим свое биологическое рождение, открывается доступ в коллективном бессознательном к образам и опыту невообразимого насилия, жестокости и кровопролития. Люди переживают зверства, совершавшиеся на протяжении веков, эпизоды из войн, революций, пыточные камеры инквизиции и концентрационные лагеря. Когда процесс самоисследования достигает этого уровня, переживание становится надличностным: история индивида сливается с историей рода. Люди, начинавшие этот процесс в качестве личной терапии, на этом этапе зачастую чувствуют, что они исцеляют не только самих себя, но и все поле видового сознания. Словно в коллективном бессознательном содержалась вся грязь, весь неусвоенный материал минувших столетий, и полное выведение его для проработки на поверхность индивидуального осознания в действительности привело к коллективному очищению и исцелению.

Глубина и интенсивность таких переживаний выходит далеко за пределы того, что можно считать личным и индивидуальным, — люди чувствуют, что они стали едины со страдающим человечеством. Некоторые усматривают связь с соответствующими архетипами в духовной литературе, такими, как Иисус, страдающий за грехи всего человечества, или буддхисаттва, отказывающийся от личного освобождения и добровольно берущий на себя задачу освобождения страдающих существ.

В свете сказанного мне кажется уместным задать вопрос о взаимосвязи между внутренней работой и целенаправленной деятельностью во внешнем мире. Какова оптимальная стратегия по достижению перемен во внешней ситуации? Я уже упоминал йогоинов, которые, предположительно, способствуют разрешению мировых проблем, не выходя из своих пещер. Много лет назад на ежегодной конференции Ассоциации трансперсональной психологии (АТП) в Асиломаре, штат Калифорния, состоялась очень интересная дискуссия по этому вопросу между Рамом Дассом и Дэниэлом Элсбергом. Рам Дасс систематически занимался духовной практикой, у него был ряд мощных надличностных переживаний, на основании которых он пришел к выводу, что важнейшее, что можно сделать для изменения мировой ситуации к лучшему, это последовательная внутренняя работа, ведущая к глубинной психодуховной трансформации. Если бы каждый занимался ею, мир бы изменился, и прекратились бы многие виды деятельности, ухудшающие ситуацию.

Дэниэл Элсберг, активист и пацифист, некогда предавший гласности документы Пентагона с секретными планами американских военных кругов, придерживался иного мнения. Он с самого начала был убежден, что мир могут изменить лишь решительные внешние виды деятельности — политический протест, демонстрация, бойкот и другие подобные стратегии. Он

был уверен, что участие в демонстрациях, из-за которого можно оказаться за решеткой, поступки, которым на следующее утро посвящены газетные заголовки, и т. п. — это лучшее, что он может делать ради ускорения позитивных перемен.

Таким образом, они приступили к дискуссии с диаметрально противоположных позиций. Однако по мере углубления и вникания в обсуждаемый вопрос, каждый из них постепенно проявлял все большую открытость к видению своего собеседника. Рам Дасс признал, что проработав собственные предубеждения и определив свою позицию через внутреннюю работу, мы должны осуществить свои прозрения во внешнем мире. На сегодняшний день он ведет активную деятельность, посвящая значительную часть своего времени и энергии экологическим и иным проектам.

Со своей стороны, Дениэл Элсберг понял, что для активистов, стремящихся к эффективной деятельности, важна регулярная внутренняя работа, в которой они могут добиться ясного осознания своих мотивов, четкой фокусировки своих намерений и освобождения от проекций собственных неразрешенных подсознательных желаний.

Рассел: Определенно существует возможность, что человек, выполняющий внутреннюю работу, способен непосредственно влиять на сознание других. Я из собственного опыта знаю, что, когда я медитирую вместе с группой людей в одной комнате, что-то происходит. Меняется качество моей собственной медитации, она становится заметно глубже и яснее. Я это точно знаю и не могу объяснить это иначе, чем предположив, что существует какое-то взаимное воздействие участников медитации.

Есть свидетельства того, что этот эффект выходит далеко за рамки помещения, в котором люди занимаются медитацией. Исследователи, изучающие воздействие трансцендентальной медитации, обнаружили, что крупные группы совместно медитирующих людей очевидным образом воздействуют на жителей района, где они практикуют медитацию. В этом опыте группы, насчитывающие каждая по пять тысяч человек, занимались в городе совместной медитацией в течение нескольких недель. При изучении разнообразной городской статистики за период эксперимента было зафиксировано резкое уменьшение уровня преступности, количества несчастных случаев и госпитализаций. Звучит это поразительно, но я не думаю, что результаты были «состряпаны». Критики указывали на то, что в ходе проведения эксперимента исследователи не контролировали тот или иной параметр. Тогда эксперимент с трансцендентальной медитацией был повторен, на сей раз с лучшим уровнем контроля, однако результаты оказались такими же. Все это более чем примечательно.

Ласло: Связь между внутренним и внешним миром представляется очень обнадеживающей перспективой. Подобного рода эксперименты проводились на моих глазах в Милане. Там к голове каждого добровольного испытуемого подключали электроды, чтобы следить за волновой активностью его мозга. Оказалось, что когда испытуемые входят в медитативное состояние, волновые характеристики двух полушарий их мозга синхронизируются сами собой.

Еще более любопытно, что такой же эффект наблюдается у двух и более совместно медитирующих людей. Практически у всех мозговые характеристики синхронизируются, образуя почти идентичный паттерн, несмотря на то, что участники группы лишены возможности сенсорного контакта друг с другом. Мне доводилось видеть 98-процентную синхронизацию уже через пяти-шести минут после начала совместной медитации двенадцати опытных участников.

Гроф: Синхронизация возбуждает мое воображение не так сильно, как синхронистичность — явление, целиком относящееся к психологической сфере. В наших дыхательных сессиях у людей очень часто бывают совершенно одинаковые или идеально дополняющие друг друга переживания, несмотря на отсутствие между ними общения через обычные каналы. Нередко люди видят друг друга в своих переживаниях, а после сессии рисуют практически идентичные мандалы.

Рассел: Я не думаю, что эти синхронизмы происходят совершенно случайно. Я замечал, что синхронистичность проявляется чаще в тех случаях, когда я пребываю в чистом, уравновешенном состоянии сознания. К примеру, сразу после многодневных занятий уединенной медитацией синхронизмы происходят со мной буквально один за другим. Ощущение при этом такое, словно весь космос на моей стороне — все ладится, все идет самым замечательным образом, намного лучше, чем я сам планировал или ожидал. И наоборот, когда я в стрессе, когда утомлен и нахожусь в напряженном, озабоченном состоянии ума, синхронистичность в моей жизни случается очень редко. Напрашивается предположение о том, что взаимосвязанность разнородных событий отражает мое собственное состояние сознания. Если это так, то отсюда следует очень интересный вывод о том, что, действуя в направлении собственного внутреннего благополучия, я каким-то образом могу влиять на частоту проявлений синхронистичности.

Признание и понимание этой взаимосвязанности — непростая задача для господствующей научной парадигмы. Однако я слишком часто переживал ее, чтобы убедиться в том, что явление на самом деле существует, а значит — что-то не в порядке с самой парадигмой.

Ласло: Мы должны понять, во-первых, что синхронистичные явления и переживания действительно происходят, а во-вторых, что это случается независимо от каких-либо классических причинно-следственных связей. Впрочем, я все же задаюсь вопросом, а не существует ли какая-то разновидность связи, которую мы не обнаруживаем потому, что ищем ее в рамках старой парадигмы? Может быть, мы должны рассматривать отдельного человека как часть более обширной целостности? И трансформацию, возможно, претерпевает именно эта целостность, в то время как отдельные личности ищут на ощупь какого-то понимания происходящего с ними самими, их сообществами и цивилизациями. Поэтому, покуда поиск объяснений ведется в индивидуальных умах, мы и получаем все эти парадоксальные, кажущиеся эзотерическими данные, между тем как объяснение может лежать на совершенно ином уровне целостности.

Важно, однако, внести ясность, о каких именно проявлениях синхронистичности — или совпадениях — мы говорим: о тех, которые происходят с сознанием разных людей, или же о тех, которые касаются сознания в той же степени, что и материальной действительности?

Гроф: Интересующие меня необычные совпадения делятся на две разновидности. К первой относятся очень маловероятные события или их сочетания. Эта разновидность впервые была описана австрийским ученым Каммерером, который был выведен Артуром Кестлером в его книге «Случай с акушерской жабой». Явления синхронистичности неоднократно происходили с Каммерером, поражая его воображение. К примеру, в один и тот же день он дважды столкнулся

с одним и тем же номером — на трамвайном билете и на билете на вечернее представление в театре. К тому же он получил этот билет от знакомого в тот же день, что и интересовавший его телефонный номер.

К.Г. Юнг ссылается на наблюдения Каммерера в своей статье «Синхронистичность, или непричинный связующий принцип», где он приводит пример еще более поразительной истории о некоем мсье Дешане и редком виде пудинга с изюмом. В первый раз мсье Дешану этот пудинг преподнес в качестве подарка на день рождения его друг, мсье де Фонжибу. Во второй раз Дешан увидел название этого пудинга в парижском ресторане и, заказав его, узнал, что последний кусок пудинга только что был заказан в другой части ресторана не кем иным, как все тем же мсье де Фонжибу. Тот совершенно случайно зашел именно в этот ресторан во время своей незапланированной поездки в Париж.

Спустя много лет состоялась третья встреча мсье Дешана с тем же самым пудингом. Его подавали на вечеринке, где Дешан был среди гостей. Ему тут же пришло в голову, что для полноты картины недостает только его приятеля де Фонжибу. В этот момент неожиданно зазвонил дверной колокольчик. На пороге оказался смущенный и сконфуженный де Фонжибу. Оказалось, что он попал в этот дом по ошибке: кто-то случайно дал ему неверный адрес.

Мне трудно считать экстраординарные совпадения такого рода обычным течением событий — они астрономически невероятны. Я гораздо больше склонен усматривать в них деятельность некоего космического насмешника, пишущего сценарий реальности.

Вторая разновидность синхронистичности еще более примечательна. К ней относятся ситуации, одна часть которых является внутренним психическим переживанием, а другая — событием в реальности консенсуса, то есть в материальном мире. Знаменитый пример таких совпадений — история Юнга с золотым майским жуком, ударившимся об окно его кабинета в тот самый момент, когда он анализировал сон своего пациента, в котором фигурировал очень похожий на этого жука египетский скарабей. Джозеф Кэмпбелл описывает похожий случай из собственной жизни, происшедший в тот период, когда он писал книгу «Путь животных сил». Кэмпбелл жил тогда в Манхеттене, на четырнадцатом этаже высотного дома. В его рабочем кабинете было два ряда окон, один выходил на Шестую авеню, другой — на реку Гудзон. Поскольку вид на Шестую авеню не казался ему интересным, он почти никогда не открывал окна первого ряда. Кэмпбелл писал главу о мифологии африканских бушменов в Калахари, важную роль в которой играет образ богомола. На столе перед ним лежали посвященные богомолам статьи и изображения. Неожиданно, посреди работы, Кэмпбелл почувствовал беспричинное желание открыть одно из тех окон, которые обычно держал закрытыми. Поступив таким образом, он увидел там, на четырнадцатом этаже манхеттенского небоскреба, карабкающегося по стене богомола. Какова вероятность того, что подобное совпадение произойдет случайно?

По моим наблюдениям, частота проявлений синхронистичности резко возрастает в жизни людей, переживших психодуховную трансформацию через смерть и возрождение эго. Обычно такое переживание приводит к глубоким переменам в системе ценностей и общей жизненной стратегии человека. Люди в большей степени с наслаждением живут в настоящем моменте и меньше интересуются неотступным преследованием конкретных целей. Их жизнь перестает напоминать матч по борьбе или боксу, становясь скорее похожей на боевые искусства. Впрочем, еще более подходящей метафорой является серфинг. В этом виде спорта вы не принимаете самостоятельного решения, куда вам двигаться. Вам необходимо оседлать волну. Люди, о которых я говорю, вместо того чтобы пробивать себе дорогу к будущей цели, борясь с врагами и устраняя препятствия, чувствуют, куда ведет энергия и как они могут наилучшим образом ей соответствовать. Они просто идут с потоком. Это очень похоже на *зுவей* в даосизме — принцип

творческого покоя, или действия посредством пребывания.

Жизнь таких людей становится все более свободной от усилий и вместе с тем, странным образом, все более творческой, продуктивной и вознаграждающей. И с ними происходят синхронистичные события, поддерживающие и ускоряющие все, что они предпринимают. В то же время, что бы они ни делали, это служит не только их собственным индивидуальным интересам, но и благу более широкого сообщества. Возникает ощущение глубокой связи с другими людьми, потребность в служении, сотрудничестве и синергии. Вы все более начинаете ценить различия, у вас возрастает терпимость и чувство принадлежности к человеческому роду, природе, космосу, а также значительно возрастает экологическая осознанность и чувствительность.

Ласло: Когда происходят одновременные, внешне никак не связанные друг с другом события в нашем собственном сознании или даже в сознаниях знакомых нам людей, мы всегда можем попытаться объяснить их ссылками на свойства памяти и причудливый характер ассоциаций нашего мышления. Но все эти объяснения разом отпадают, когда речь идет о событиях такого рода, происходящих вне человеческого черепа, в физическом мире. Вот где лежит необъятная и захватывающе увлекательная сфера для современного исследования способностей разума и сознания.

Второй день

Утро

Личный контекст

Изменение в ценностях

Ласло: Вчера мы говорили о том, что, судя по всему, кризис в мире неминуем, однако есть и признаки трансформации в сознании, способствующей возможностям преодоления кризиса. Такая трансформация уже происходит и в «объективном» мире вне нас, и в нашем «субъективном» мире, для которого очень важную роль играют ценности. Каковы же природа и направление происходящей в обществе смены ценностей? Мне представляется, что этот вопрос имеет критически важное значение, поскольку он затрагивает всех нас и индивидуально, и коллективно.

Рассел: Я интерпретирую нынешний ценностный сдвиг в терминах ослабления привязанностей эго. В основном ценностями для нас является все то, что мы считаем важным в своей жизни. В западном обществе многие ценности носят автоцентрический характер, характер заботы о самих себе. Что думают обо мне другие люди? Получаю ли я то, что мне необходимо? Насколько я защищен? Есть ли у меня деньги, вещи и переживания, которые могут меня осчастливить? В достаточной ли степени мой мир находится под моим контролем? Это примеры вопросов, которые для нас важны, которые имеют для нас ценность и в столь значительной степени обуславливают наше поведение.

Когда автоцентризм ослабляет свою хватку — а это может произойти в результате глубокой духовной трансформации, о которой вчера говорил Стэн, или же просто потому, что мы становимся более зрелыми и мудрыми, — изменяется как раз то, что мы считаем важным, то есть происходит сдвиг в системе ценностей. Более глубокие уровни нашей самости в своей идентичности в меньшей степени зависят от внешних объектов, поэтому когда значительное число людей войдут в контакт с этими своими уровнями, то произойдет, по всей видимости, и общая переориентация общественных ценностей.

Ласло: Достаточно ли сильны изменения в системе ценностей отдельных людей, чтобы привести к модификации наших социальных институтов и общепринятых поведенческих кодов? Это очень важный вопрос, поскольку в своих социальных и профессиональных ролях мы ведем себя в соответствии с чужими ожиданиями. Что же происходит в этом отношении, если у вас было преобразующее переживание, ведущее к новым прозрениям и революции в вашем сознании? Продолжаете ли вы играть те же социальные роли, что и прежде? Ведете ли вы себя, как прежде? Или, быть может, в большинстве случаев люди, прошедшие такие переживания, и вести себя начинают иначе?

Гроф: За прошедшие годы я многократно был свидетелем того, как переживания не только меняли людей, но и оказывали глубочайшее воздействие на ход их повседневной жизни.

Зачастую при этом они не оставляли свою работу и не отказывались от своей жизненной ситуации в целом. Ведь люди определенных профессий — врачи, юристы, учителя и т. д. — легко могут продолжать заниматься тем же, чем они занимались и раньше, но делать это с позиций иного модуса сознания, по-другому, с измененным фокусом. Однако бывают и такие виды занятости, которые очевидно несовместимы с новым способом видения реальности, и в этом случае продолжать вести старый образ жизни невозможно.

Наглядный пример тому — один мой знакомый физик, написавший диссертацию о воздействии магнитного поля Земли на траекторию снарядов. Его диссертация была засекречена, после чего ему предложили работу в Пентагоне. Как он впоследствии рассказывал мне, он и его коллеги работали над очень конкретной задачей: как оптимальным образом распределить элементы ракеты с большим числом боеголовок, чтобы полностью «вычистить» территорию в сто квадратных миль. В ходе работы над математической стороной этой задачи он внезапно осознал, что имеет дело не просто с абстрактной задачей, что на самом деле речь идет не о ста квадратных милях, а о человеческих жизнях, о детях, семьях, школах, больницах... Он понял, что до этого момента на самом деле не отдавал себе отчета в том, к чему может привести его деятельность. Он поднялся сам не свой и покинул рабочее место, куда больше так и не вернулся. Позже он занялся телесно-ориентированной терапией, стал целителем, сильно заинтересовался вопросами духовности.

Ласло: Мне тоже известны примеры откровений, полностью менявших жизнь людей. Недавно я познакомился с одним человеком, имя которого в прошлые годы было хорошо известно в Германии. В весьма молодом возрасте, будучи мясником, он подписал контракт со штабом американских оккупационных сил в Германии. По этому контракту он поставлял сосиски для войсковых кухонь и вскоре очень разбогател. В последующие годы он основал крупный мясоперерабатывающий комбинат, специализирующийся на производстве разных видов сосисок. Он стал очень богатым человеком, ему принадлежали огромные бойни, на него работали тысячи людей.

Однажды он поехал в отпуск в Сахару, где провел две недели в пустыне, ведя почти бедуинский образ жизни. Там, совершенно неожиданно для него, ему пришло в голову, что то, чем он занимается, ужасно для животных и совсем не так уж хорошо для людей. Его пронзило острое ощущение зря проживаемой жизни. Он осознал, что должен прекратить забивать животных. Вернувшись домой, он продал все принадлежащие ему фирмы и создал организацию, занимающуюся экологическими проектами. Можно предположить, что его «просветление» каким-то образом было вызвано измененным состоянием сознания во время пребывания в пустыне.

Такое может происходить на индивидуальном уровне, но для того чтобы изменилось общество в целом, необходимо, чтобы это происходило со многими индивидами. Как может большое количество людей получить столь значительные по своему смыслу переживания, чтобы полностью изменилась их жизнь? Возможно ли это вообще?... И что мы можем сделать, чтобы способствовать этому?

Гроф: На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется множество древних и современных методов, могущих ускорить такую трансформацию. Судя по всему, неуклонно растет интерес в обществе к следованию по такому пути. Нередко такая трансформация происходит самопроизвольно. Кен Ринг описывает случай с мафиози, который радикально переменялся после ОСП — околосмертного переживания. Кен говорил о «переживаниях омеги», имея в виду идею Тейяра де Шардена о точке омега, к которой человечество следует в

своей эволюции. В разряд этих переживаний он включил, помимо ОСП, спонтанные мистические состояния, психоделические переживания, переживания людей, побывавших в контакте с НЛО, а также такие самопроизвольные психодуховные кризисы, или ситуации «духовной скорой помощи», как пробуждение кундалини.

Рассел: Примером, наглядно иллюстрирующим изменение в сознании многих людей, является отношение нашего общества к потреблению в пищу мяса. Всего двадцать лет назад вегетарианство воспринималась как необычная и весьма эксцентричная причуда. Сегодня оно стало настолько распространенным явлением, что большинство ресторанов предлагает клиентам в своих меню качественные вегетарианские варианты. Эта перемена в общественном сознании была вызвана целым рядом факторов. Некоторые стали вегетарианцами по соображениям здорового питания; другие — из-за заботы об экологических последствиях мясообрабатывающей индустрии; третьих приводит в ужас массовое убийство живых существ, и они не хотят принимать участие в этой жестокости; четвертые просто неспособны заставить себя взять в рот нечто, что сами неспособны убить. Общий результат — массовый сдвиг в сторону той или иной степени воздержания от употребления мясного — заметьте, не полное вегетарианство, а скорее предпочтение более сбалансированной диеты. Такая смена ценностей стала возможна потому, что размышления многих людей о мире и их понимание его стали глубже.

Гроф: Эрвин, вы спросили меня, как мы можем способствовать значительной трансформации большого числа людей. В некотором роде это уже происходит в самых разных аспектах. Множество различных переживаний способны ускорить трансформацию и эволюцию сознания. Например, уже упоминавшиеся мною переживания омеги, по терминологии Кена Ринга. Все они оказывают глубокое воздействие на структуру личности, на ее мировоззрение, иерархию ценностей и жизненную стратегию. Все они как-то связаны с постижением разрушительного и саморазрушительного характера курса, которому следует наше общество. Бывает, что в переживаниях буквально возникают видения общественных и природных катаклизмов и катастроф, которые произойдут с нами, если мы не изменимся. Естественным результатом переживаний омеги являются чувство всепланетного гражданства, глубокая экологическая осознанность в отношении универсальной духовности всеобъемлющей природы, идущей на смену сектантству и нетерпимости нынешних религий мейнстрима. Мне представляется очень важным для нашего будущего, чтобы знания о «технологиях священного» стали доступны людям в самом широком масштабе через средства массовой информации. Очень важно также позаботиться о создании систем поддержки для лиц, переживающих спонтанные преобразующие кризисы.

Ласло: Разрешите мне, однако, вернуться к вопросу, который не прекращает занимать меня: откуда все-таки берутся эти необычные переживания? Являются ли они исключительно индивидуальными, свойственны ли они всему человечеству или, быть может, волна переживаний, характерная для нашего времени, спровоцирована чем-то, что находится за пределами человечества?

Гроф: В духовных переживаниях у людей обычно возникает чувство, что они подсоединяются к некоему внеличному источнику — высшей силе или высшему сознанию. Оно может принимать форму архетипического существа или вообще полностью выходить за пределы формы. Когда происходит последнее, оно воспринимается как Космическое Сознание,

Универсальный Разум, Дао — тут можно использовать и любое другое имя, которым вы пожелаете назвать недифференцированную божественность. В переживаниях контактов с НЛО этот источник представляется вземным разумом, существом или существами из другой части вселенной.

Разумеется, всегда остается открытым вопрос о том, что означает внутриспсихическое и что находится вне психики. С точки зрения более широкой трансперсональной перспективы, то, что воспринимается как божественное, по сути является более высоким аспектом нас самих, а вземные переживания происходят, вероятно, из коллективного бессознательного. Так же, как в индуистской концепции Атмана-Брахмана индивидуальная психика в конечном счете соизмерима со всем сущим.

Рассел: Я порой задумываюсь над тем, насколько вообще важен вопрос о разнице между тем, что происходит внутри нас, и тем, что зарождается «там», снаружи. Может быть, любое различие между «там, вовне» и «здесь, внутри» — иллюзорно, а важна лишь ценность самого переживания. Духовные переживания практически всегда являются очень сильными и волнующими, и во многих случаях они меняют жизнь людей к лучшему.

Гроф: С уверенностью можно лишь констатировать, что все эти переживания воспринимаются как возникающие из источника, за пределами тому, что люди обычно считают своей личной идентичностью, своим «заключенным в кожу эго». Кроме того, они обладают способностью самым радикальным образом выводить ограниченное человеческое самовосприятие далеко за пределы привычных границ.

Ласло: Не исключено, что противопоставление того, кем являюсь я, и того, что не является мной, вообще не представляет собой наиболее удачную постановку вопроса. Возможно, в каждом из нас есть частица того, что пребывает за нашими пределами.

Гроф: Безусловно, именно в этом состоит базовый принцип многих эзотерических систем: человек это микрокосм, отражающий макрокосм, это микрокосм, имеющий доступ к информации о целом. Внизу то же, что и наверху. Внутри то же, что и вовне.

Этот принцип мы обнаруживаем в самых разных системах — в древней джайнской концепции *джив*, в Хва Йень, в буддизме Аватамсаки, в Тантре, в Каббале, в герметической традиции. В новые времена сходная идея присутствует в монадологии Лейбница, в голографической модели вселенной, в процессуальном мышлении Уайтхеда и, разумеется, Эрвин, в вашей собственной концептуальной системе. Все эти модели, древние и современные, предлагают радикально отличную альтернативу жесткой и ригидной дихотомии между внутренним и внешним, между индивидом и космосом.

Ласло: Да, согласно моей точке зрения, человек является не отдельным существом, а интегральной частью окружающего его мира. Для Запада эта мысль нова, ведь само открытие ценности индивидуума принадлежит западному Ренессансу. С тех пор индивидуальность отдельного человека ценится именно за ее уникальность, за то, что, благодаря ей, он — отличие от всех остальных людей и всего остального мира. В сегодняшней культуре мы все еще склонны ставить уникального индивида на более высокую ступень развития, чем коллективно-ориентированную личность.

Однако в последнее время наблюдается постепенный возврат к пониманию того, что индивид не полностью отделен, что он является частью более крупной, более всеобъемлющей

общности людей с ее экологией и антуражем. Разумеется, такое понимание сопряжено со страхом, что индивид является всего лишь болтиком в механизме, нейроном в глобальном мозге.

Рассел: Совсем необязательно рассматривать растущее чувство индивидуальности как нечто негативное. Это важная часть процесса нашего эволюционного развития; без этого наша цивилизация выглядела бы совершенно иначе. На сегодняшний день важно уравновесить это чувство осознанием того, что мы являемся также частью более крупного целого. Так мы сможем развивать степень своего взаимного сотрудничества и согласованности в направлении более обширной и всеобъемлющей осознанности, не пытаясь при этом свести на нет одно из величайших достижений эволюции.

В действительности нам необходимо не сдерживать свою индивидуальность, а, напротив, лелеять ее, доводя до полного роста. Та самоидентификация, которая господствует в нашей культуре, проистекает скорее из ограниченного чувства самости. Многие выводят свою идентичность из того, чем они обладают и чем занимаются, из того, какими видят их другие, из своего социального статуса, из выполняемых ими ролей, из своей работы, из убеждений, которых они придерживаются, даже из машины, которую они водят. В таком положении есть множество изъянов. Идентичности, зависящей от того, чем мы владеем и что делаем в мире, постоянно грозит опасность. Если что-то из этого меняется, или даже нам только кажется, что что-то меняется, наше самоотождествление оказывается под угрозой, и мы зачастую совершаем определенные поступки и произносим определенные слова не потому, что это действительно то, что уместно совершать и говорить, а потому что испытываем потребность в подкреплении своей самости.

Парадоксальным образом, именно эта ситуация заставляет нас подавлять свою подлинную идентичность. Мы делаем это, чтобы соответствовать общественным нормам и получать признание и оправдание, необходимые нам для хорошего самочувствия. Вместо того чтобы хранить верность собственной самости, люди слишком часто конструируют абсолютно искусственный образ себя и совершают в результате множество поступков, ни в малейшей степени не отдавая себе отчета в том, правильные они или нет.

Ласло: Полностью согласен с вами. Проблемой является не индивидуальность как таковая, а изолированная индивидуальность, воспринимаемая как отдельная, даже отрезанная от общества и природы.

Рассел: Именно эта разновидность слепой индивидуальности и представляет собой проблему. Необходимо искать способы помочь людям внутренне раскрепоститься, свободно думать о самих себе, входить в контакт со своей собственной глубокой мудростью и давать ей свободное выражение в своей жизни.

Такой вид индивидуальности, находясь на более высоком витке эволюции, не вступает в конфликт с сотрудничеством с обществом. Напротив, он способен лишь усилить его. Преодолев границы искусственно выстроенного чувства самости, вы в значительной степени преодолеваете ту разновидность заботы о себе, которая препятствует подлинному состраданию, вы лучше видите и чувствуете чужие потребности.

Гроф: Мировоззрение, господствующее в западной индустриальной цивилизации, не служит хорошей службы ни коллективу, ни индивидуальности. Его кредо — заблуждение. Оно проповедует способ бытия и жизненную стратегию, которые в конечном счете неэффективны, разрушительны и не приносят удовлетворения. Оно внушает нам, что для счастья достаточно

победы в соревновании за деньги, за материальные приобретения, за социальное положение, власть и славу. Как мы уже увидели в ходе этого разговора, все это совершенно неверно. В этом отношении западная цивилизация находится в плену величайшего заблуждения. Люди, следующие этой стратегии, гонятся за миражом. Она обречена на поражение, независимо от того, достигается ли поставленная цель, поскольку она совершенно неспособна принести удовлетворение и чувство свершения.

Кен Уилбер в своей книге «Проект Атман» высказывает интересные мысли на этот счет. Он подробно описывает конкретные результаты основополагающей идеи Вечной Философии, согласно которой наша истинная природа божественна и в конечном счете мы идентичны с космическим творческим принципом. Несмотря на то, что процесс творения отделяет и отчуждает нас от нашей божественной идентичности, само осознание нашей связи с ним, утверждает Уилбер, никогда полностью не теряется. Глубочайшей мотивирующей силой в человеческой психике на всех уровнях нашего развития является тоска по возврату к переживанию своей божественности. Разумеется, эта цель недостижима до тех пор, пока мы продолжаем верить, что являемся действующим в материальном мире телом-эго. Для ее достижения мы должны стать всем тем, что мы есть.

Ласло: Вы можете поподробнее раскрыть эту мысль, Стэн?

Гроф: Этот момент хорошо иллюстрирует известная история об Александре Великом. Это, безусловно, пример человека, чьи мирские достижения трудно поставить под сомнение. О его успехах в достижении божественного статуса в материальном мире мог бы мечтать каждый, зачастую его так и называли — Александр Божественный. А история такова: после целой серии блистательных военных побед, сделавших его правителем обширнейших территорий от его родной Македонии до границ Индии, Александр вторгся и в Индию. Там он узнал о некоем йогине, обладающем необычными способностями, или *сиддхи*, в том числе — способностью предвидеть будущее.

Александр отправился в пещеру к этому йогину, чтобы спросить его о том, что уготовано ему самому. Тот был глубоко погружен в свою духовную практику, однако Александр нетерпеливо прервал его медитацию, спросив, действительно ли он умеет видеть будущее. Йогин молча кивнул головой и возобновил медитацию. Александр вновь прервал его, задав ему еще один безотлагательный вопрос: «Можешь ли ты сказать мне, удастся ли мне завоевать Индию?». Йогин немного поразмышлял, затем медленно открыл глаза, окинул Александра долгим сострадательным взглядом и мягко сказал: «В конечном счете тебе понадобится лишь кусок земли длиной в шесть локтей».

Трудно найти более пронзительный пример человеческой дилеммы между отчаянным усилием обрести реализацию собственной божественности материальными средствами и ограничениями, которые накладывает на нас наше отождествление с телом-эго. Достичь полного осуществления своего потенциала в качестве божественных существ можно лишь посредством внутреннего переживания. Это требует смерти и преодоления нашей отдельной самости, кончины нашей идентификации в качестве «эго, заключенного в кожу». По причине своего страха перед исчезновением эго, мы вынуждены предлагать Атману всевозможные подмены и суррогаты. Их содержание всегда зависит от конкретной жизненной стадии и меняется по мере их прохождения.

Для эмбриона и для новорожденного заменителем Атмана является блаженное переживание хорошей матки или хорошей груди. Для ребенка это — удовлетворение элементарных физиологических потребностей и чувство безопасности. К тому времени, когда

мы достигаем взрослости, проект Атман разрастается, достигая огромной сложности. Теперь уже есть широчайший спектр суррогатов Атмана, они включают, помимо пищи и секса, деньги, славу, власть, внешность, знания и многое другое. Но в то же время мы не перестаем чувствовать, что в самом глубочайшем смысле мы идентичны с творческим принципом, с всецелостью творения. Поэтому суррогаты любой сложности и любого масштаба всегда остаются неудовлетворительными. Конечное удовлетворение нашей неутолимой жажды лежит во внутреннем мире, а не в преследовании каких бы то ни было мирских достижений. Лишь переживание собственной божественности в необычном состоянии сознания способно удовлетворить наши глубочайшие нужды.

О жизненных целях

Ласло: Предлагаю перейти к обсуждению более земного, но не менее важного вопроса о чрезвычайно распространенном в современном мире ощущении общей потери смысла. Большинство людей сами не знают, что именно важно для них в жизни. Может быть, нам удастся пролить свет и на этот вопрос?

Позвольте для начала спросить следующее: что именно является важным в том, чем мы занимаемся прямо сейчас, то есть в диалоге? Мне представляется, что ключевым моментом любого диалога, более важным, чем любые техники по индуцированию в людях определенного умонастроения, является необходимость позаботиться о том, чтобы все участники знали, о чем говорят остальные. Без этого диалог не является диалогом. Они должны также признавать важность обсуждения того, о чем идет речь, — признавать необходимость понять нечто, что еще не получило должного понимания. Необходимо, чтобы каждому участнику было важнее выслушать чужую точку зрения, нежели отстоять свою. Если вы способны преодолеть потребность в утверждении своего эго и понять, что диалог это средство достижения чего-то нового, вы проявите больше открытости, больше готовности отложить в сторону мелочную озабоченность тем, «кому в конечном счете все это на руку», и сконцентрироваться на предмете обсуждения.

Рассел: Этот подход применим ко всей нашей жизни. Что, на самом деле, важно в моей жизни? Сама постановка вопроса — «Чего я в действительности хочу?» — может оказаться поучительным упражнением. В первую очередь, конечно, чаще всего приходят на ум ответы, обусловленные нашим биографическим и социальным опытом. Кроме того, им свойственна ограниченность нашим представлением о возможном и невозможном. Но если продолжать задавать этот вопрос снова и снова, каждый раз проникая все глубже, размышляя на тему: «Почему я этого хочу?», то многие в результате приходят к очень похожим выводам. Оказывается, в конечном счете мы все стремимся чувствовать внутренний комфорт, ощущение внутреннего мира, свободу от страдания. Нам только кажется, что мы хотим чего-то внешнего — денег, продвижения по службе, улучшения взаимоотношений, отпуска, — но все это не служит нашей подлинной цели. В пределе мы все желаем улучшить свое состояние сознания. Это не означает, что надо бросить работу и приняться за внутренние поиски. Однако важно сохранять осознание того, что ни работа, ни деньги не являются целями сами по себе, это лишь средства для достижения более глубокой, духовной цели.

Ласло: Работа, выполняемая человеком, может находиться на разных уровнях осмысленности. На самом низком уровне человек работает только ради получения платы, и ему совершенно неважно, чем именно заниматься. Разумеется, существуют некоторые виды деятельности, которые необходимо совершать, несмотря на то, что они полностью лишены какой-либо осмысленности. Будем надеяться, что когда-нибудь часть таких работ будут выполнять машины, и люди освободятся для совершения более осмысленных действий.

Ко второму уровню относятся виды деятельности, которые мы выполняем, потому что для нас это интересно и увлекательно. Обычно такого рода деятельностью является хобби. Особенно хорошо, когда человек, занимаясь своим хобби, тем самым еще и зарабатывает деньги. Но и это еще не самый высокий уровень, поскольку он не поднимается выше развлечения и приятного времяпрепровождения.

На следующем уровне человек задается вопросом, является ли его работа по-настоящему осмысленной, служит ли она какой-то цели, ведет ли она к личной реализации. Если ему удастся найти ответы на эти вопросы, или если он может заниматься чем-то, что приносит ему и доход, и удовлетворение, и чувство свершения, то, значит, ему очень повезло. Разумеется, достижение целей самого высокого уровня, как правило, нелегко. Иногда они требуют жертв. Пример тому — мученики. Не думаю, что они стали бы добровольно жертвовать собой, если бы не были убеждены в важности своих целей. Или великие артисты, живущие на чердаках, жертвуя материальным благополучием ради своего искусства. Уровень, которого достигает человек, зависит от того, насколько он амбициозен. Обычно, если только его экономическая ситуация не находится ниже всяких допустимых норм, ему требуется подняться выше первого уровня. Когда он выполняет работу только ради заработка, он забывает ее, как только она завершена. Закрывая дверь офиса или магазина, он тут же выбрасывает ее из головы и начинает смотреть по сторонам, думая о том, как потратить заработанные деньги.

Мне кажется, что самое лучшее — уметь сочетать свою частную жизнь и общественную деятельность увлекательным и осмысленным образом. В этом случае удастся достигать свершений, сохраняя гармонию тела и души. Важно не бояться следовать своим наклонностям, придерживаясь ощущения, что вы идете именно к тому, что вы действительно хотите совершить в своей жизни.

Правда, в жизни многих людей на Западе — хотя, конечно, не всех — есть определенная ловушка: это свойственный им скептицизм в отношении их собственного желания или даже самой их способности действовать во благо общества и жить в ладу с природой. Многие придерживаются такой точки зрения, что весь этот разговор о целях и смысле есть лишь самообман, и вообще, дескать, люди работают потому, что им нужны деньги. Все, от посыльного и дворника до президента крупной компании и президента государства, просто зарабатывают деньги и, если могут, становятся богаче. Такой вид мышления игнорирует все, связанное с осмысленной работой и свершениями сверх ежемесячной платежной ведомости.

Рассел: В этой связи напрашивается вопрос о том, почему люди так привязаны к деньгам. Сами по себе деньги не делают нас счастливыми; обладание грудой зеленой бумаги, кусков желтого металла или отпечатанных на банковском бланке цифр счастья не приносит. Ценность денег в том, что мы можем на них приобретать. Их можно использовать для того, чтобы покупать разнообразные предметы, которые, как нам кажется, сделают нас более довольными, более защищенными и более уравновешенными. Значит, мы опять возвращаемся к выводу, что внутренние чувства и переживания человека находятся в зависимости от того, чем он обладает и что он делает во внешнем мире, от доступных ему видов переживаний. Мы думаем, что чем больше у нас будет денег, тем мы будем счастливее. Но на самом деле между финансовым

благополучием и счастьем очень низкая корреляция. Я знаю весьма обеспеченных и в то же время подавленных и беспокойных людей, отнюдь не чувствующих себя в безопасности. Но у меня же есть и друзья, являющиеся по западным меркам бедными людьми, с трудом сводящими концы с концами и живущими на случайные заработки, однако именно — самые счастливые, доброжелательные и любящие люди, которых я знаю.

Ласло: Они вырвались из-под власти всех этих свойственных обществу потребления стимулов и ловушек накопительства, всех этих убеждений, согласно которым, если у вас есть деньги, вы можете купить то, что даст вам покой, статус и престиж, и что чем больше вам принадлежит вещей, тем вы лучше.

Недавно в Индии я видел рекламу — кажется, холодильника, — в которой рекламируемый продукт открытым текстом назывался «гордостью владельца, предметом зависти соседа». Дескать, если вы купите его, вы будете гордиться, а ваш сосед — завидовать. И это соображение считается основным стимулом для совершения покупки. Согласно этому виду заблуждения, вы, как человек, лучше, если можете купить более дорогую вещь. В этом случае вы будете горды собой, а ваши соседи будут вам завидовать.

Рассел: Достаточно взглянуть на любую рекламу любого продукта или услуги, чтобы убедиться, что за всем этим стоит такое сообщение: купи это — и будешь чувствовать себя лучше. Такой призыв апеллирует к вере в то, что наша внутренняя гармония находится в зависимости от того, что мы делаем или чем обладаем. Именно эта вера и держит нас в зависимости, которую реклама старается всеми силами упрочить.

Гроф: Психология рекламы представляется мне крайне интересным явлением. Всем известно, как часто работники рекламы ради продажи своих продуктов эксплуатируют человеческую гордость, жадность, сексуальность. Использование сексуальности распознать легче — по крайней мере тем из потребителей, у которых более высокий уровень образованности и знакомства с фрейдовским психоанализом, способным заметить не только открытое использование темы секса в целях продвижения товаров или услуг, но и более тонкий, скрытый сексуальный символизм.

Кристина в своем исследовании взаимосвязи между наркотической зависимостью и духовностью обнаружила, что рекламная индустрия все чаще пытается соблазнять потребителей, прибегая к духовной символике. У Кристины уже накопилась солидная коллекция образцов рекламы, в которых различные продукты привязываются к образам золота, драгоценных камней, божественного света, звездного неба, радуг, павлиньих перьев, горных пиков и к другим символам, которые широко используются в различных духовных традициях. Все это достаточно ясно иллюстрирует тот факт, что гонка за материальными благами и рыночным рогом изобилия является для западной индустриальной цивилизации суррогатом давно утраченной духовности.

Рассел: Очень важной особенностью революции сознания, о которой мы говорим, является постепенное пробуждение людей к распознаванию лежащей глубоко в каждом из нас истины: нет, это не так, я могу самостоятельно определять свои чувства, я не обязан быть жертвой внешних обстоятельств. Люди находят в себе мужество посмотреть в лицо этой внутренней истине. И в чем большей степени мы это делаем для себя, тем больше мы даем силы и другим для того, чтобы они могли отстаивать то, что чувствуют правильным. Пробуждение и есть избавление от своей привязанности к материальному миру.

Ласло: Если бы таким образом пробудились многие, то не было бы этих реклам. По крайней мере, их не было бы в таком количестве. Это порочный круг, своего рода циклический механизм. Люди нуждаются в чем-то, поэтому они приобретают определенные продукты или услуги, затем их убеждают в том, что они совершили замечательный поступок, и поэтому они покупают снова то же самое или что-то похожее, независимо от того, нужно ли это им на самом деле. Воздействие этого цикла можно преодолеть в том случае, когда люди начинают понимать, что неограниченные приобретения, не соответствующие их подлинным потребностям, не делают их ни лучше, ни счастливее.

Тождественность материального стандарта качеству жизни — ложна. Можно иметь замечательное качество жизни при относительно низком материальном стандарте. Можно вести очень высококачественное существование, не тратя кучу денег и не потребляя неумеренное количество энергии и ресурсов. Речь идет о выборе стиля жизни, и сюда входит все — от выбора профессии и мебели до выбора друзей. Вы можете вести простую и качественную жизнь или жить дорого, хвастливо и напоказ. Всегда есть выбор.

В западном мире мы живем в агрессивной и соревновательной культуре. Однако в том же самом западном мире, как уже говорилось, есть и свой передовой край, свой авангард, есть те, кто все больше входит в контакт с собой и со всем миром через трансформирующие переживания. Большинство людей пока не имеет опыта такого переживания, большинство ведет банальное существование, предаваясь непрекращающемуся соревнованию друг с другом в рамках непреодолимых систем, стараясь не потерять работу, удержаться на плаву. Люди главным образом питаются информацией из СМИ, рекламы и общественной образовательной системы. Большинству все еще трудно подняться выше этого уровня.

Конечно, в традиционных обществах люди, как правило, находятся в более тесном контакте с разворачивающейся вокруг них реальностью. Но многие уже и там устремлены к прогрессу по западному образцу. А это означает, что из шести миллиардов человек в сегодняшнем мире лишь несколько миллионов готовы встать на путь, ведущий к трансформирующим переживаниям. Огромная масса все еще шагает под бой иного барабана.

Если новое сознание не сумеет достичь сознания значительного количества наших современников, ситуация сложится очень тяжелая. Совершенно недостаточно перемен в сознании нескольких человек в Калифорнии; если жители Китая не пойдут по пути трансформации, то они будут имитировать то, что по их представлениям является западными ценностями, и повторять наши ошибки. А если при этом не будет меняться сознание западного мейнстрима, то это будет лишь еще больше убеждать китайцев в состоятельности их убеждений. Мы должны не только проповедовать другим; мы и сами должны жить в соответствии с тем, что проповедуем. Поэтому, я думаю, эволюция сознания во всем мире абсолютно необходима.

Гроф: Несколько лет назад президент Чехии Вацлав Гавел выступил с интересной речью в Стэнфордском университете на церемонии вручения ему премии Джексона Х. Ралстона. Он подверг критике форму, которую западная демократия приняла за несколько последних десятилетий. Хотя первоначально она основывалась на глубоких духовных принципах, отмечал Гавел, с тех пор она выродилась в своего рода стратегию потребительства. Влияние западного мира на развивающиеся страны выражается в основном в экспорте технологии и товаров потребления. Очень часто это происходит ценой подавления и уничтожения аутентичной ритуальной и духовной жизни этих стран и подмены ее материализмом и атеизмом. Во многих случаях демократические страны использовали ради удовлетворения своих интересов аморальные и антидемократические средства. Гавел подчеркнул, что такая форма «демократии», лишенная возвышенных духовных принципов, никак не может больше быть

надеждой для нашего страждущего мира.

Ласло: Люди в менее индустриализированных частях света жаждут учиться на нашем примере так называемому правильному стилю жизни, узнавать от нас, что такое хорошо жить, и зачастую получают совершенно неверные знаки.

Гроф: Современная технология способна предлагать людям в традиционных обществах невероятные соблазны. Она демонстрирует множество приспособлений и увлекательных игрушек, могущих сделать жизнь более комфортабельной и легкой — по крайней мере, на поверхностном уровне. В то же время на культурную жизнь в так называемых «развивающихся» странах она оказывает поистине разрушительное воздействие. Везде, куда ввозится западная технология, она стремится уничтожить традиционные ценности, ритуальную и духовную жизнь, творческие достижения в ремеслах и искусствах.

Рассел: Самая опасная статья нашего экспорта — это наши ценности. С помощью товаров мы соблазняем жителей развивающихся стран покупать, а с помощью средств информации — особенно телевидения — поощряем их усваивать нашу автоцентрическую систему ценностей. Именно такая установка сознания и породила нашу коллективную невменяемость.

Поэтому я думаю, главная наша цель не в том, чтобы влиять на остальную часть мира, а в том, чтобы способствовать сдвигу в сознании людей на Западе. Здесь это особенно необходимо. И именно здесь мы можем явить собой пример для остального мира.

Гроф: Полностью с вами согласен. Экспортирование в развивающиеся страны нашей системы ценностей и нашего стиля жизни в их нынешней форме представляет собой рецепт глобального самоубийства. Подумайте о численности населения в Китае, в Индии, в Африке и в Южной Америке! Вместо этого мы должны больше интересоваться ростом числа тех, кто уже стал меняться, в нашем собственном обществе. Нам должно быть важно, чтобы они стали большинством.

Ласло: В нашей собственной части мира уже идет революция в сознании людей. Но все еще остается это сверлящее сомнение: достаточно ли быстро она развивается?

Рассел: Думаю, что нет. Поэтому мы должны постоянно думать о том, что мы можем сделать для ускорения перемен. Я часто слышу, как люди говорят, что другие должны меняться — этот политик должен измениться, эти деятели бизнеса должны измениться, или эти обычные люди на улице должны измениться. Но, перекладывая бремя изменения на других, мы пренебрегаем самими собою. Легко говорить о том, что «им» надо измениться, однако не стоит забывать, что каждый из нас тоже один из них. Я — один из миллиардов людей, которые нуждаются в повышении своего уровня сознания. Более того, я единственная личность на этой планете, за которую я в состоянии отвечать в полной мере. Никто, кроме меня, не изменит меня. Поэтому главный вопрос состоит в том, что я могу предпринять, чтобы ускорить темпы своей собственной эволюции? Что еще я могу сделать ради изменения своего собственного сознания?

Это означает не то, что моя ответственность заканчивается на мне, но то, что она должна начинаться с меня самого. Ответственность каждого человека распространяется на то, что я называю его сферой влияния. Наша сфера влияния — это все те люди, с которыми мы тем или иным образом взаимодействуем. Она может включать нашу семью, людей, с которыми мы работаем, наших соседей, тех, с кем мы находимся в социальном контакте. Для нас троих,

поскольку мы все писатели и взаимодействуем с другими людьми на более широкой арене, эта сфера включает и тех, кто читает наши книги, приходит на наши выступления и семинары, слушает нас по радио и по телевидению. Однако она не включает всех обитателей планеты. Например, в мою сферу влияния не попадают президенты большинства крупнейших стран мира, разве что они прочтут какие-нибудь мои книги.

Поэтому, в связи с вопросом о том, что мы можем предпринять для того, чтобы помочь другим меняться, я полагаю, что мы должны начать ориентироваться на тех, кто находится в нашей сфере влияния. Итак, вопрос в том, что я могу предпринять, чтобы помочь именно этим людям в их личном внутреннем путешествии.

Гроф: Вне всякого сомнения, крайне важно начать с самих себя. Слишком легко подпасть под власть иллюзии, что мы уже прибыли в пункт назначения, и теперь нас может заботить лишь изменение остального мира. Однако вопрос, на котором настаивает Эрвин, — как мы можем наиболее оптимальным образом ускорить трансформацию в окружающем нас мире? — тоже требует ответа.

Мы уже говорили о важности смены парадигм, пересмотра ряда основополагающих аспектов мировоззрения западной индустриальной цивилизации и превращения существующих технологий трансформации в более известные и доступные. Я полагаю, что столь же важная задача — обнаружение оптимальных возможностей поддержать те изменения, которые уже происходят. Ранее я упоминал о том, что мы с Кристиной интересуемся спонтанными переживаниями необычных состояний сознания — мистическим опытом и психодуховными кризисами. К ним относятся, в частности, такие явления, как пробуждение кундалини, последовательность смерти-возрождения, временное растворение границ и переживание космического единства, драматические случаи психического самораскрытия, опыт прошлых жизней и тому подобные переживания. Современная психиатрия привычно вешает на них ярлыки психозов, считает их симптомами душевной болезни. По нашему мнению, в действительности это — кризисы трансформации. Если предоставить им правильное понимание и уход, они могут стать исцеляющими, преображающими и даже эволюционными процессами изменения.

Еще один злободневный вопрос — алкоголизм и наркозависимость. Как вы знаете, в настоящее время мы переживаем настоящую эпидемию этой проблемы. Исследователи надличностных областей все чаще склоняются к тому, что наркомания является выражением неудовлетворенного стремления к духовности и происходит из неверно понимаемого и идущего в неправильном направлении поиска трансценденции. Люди с сильной потребностью в духовности, которые не в состоянии обрести путь, действительно к ней ведущий, очень легко впадают в наркотическую зависимость. Таким образом она становится несчастливым суррогатом духовности. Как нам известно, единственные программы, имеющие какие-то шансы на успех в преодолении таких зависимостей — это те, которые ориентируются на духовную перспективу.

Сохранилась переписка Билла Уилсона, одного из основателей организации Анонимных Алкоголиков, с К.Г. Юнгом. Уилсон утверждает, что подлинным отцом идеи двенадцатиступенчатых программ является Юнг. Он ссылается на историю, в которой Юнг отказался продолжать терапию. При временном улучшении состояния его пациента он сказал ему, что единственным шансом на исцеление для него является вступление в духовную общину и надежда на духовный опыт. Пациент вступил в Оксфордскую Группу, где у него действительно было сильное трансформирующее переживание. Именно этот случай и вдохновил Билла Уилсона выступить с программой Анонимных Алкоголиков.

Юнг исходил из предположения, что тяга пациента к алкоголю на более глубоком уровне является его стремлением к трансценденции или, выражаясь средневековыми терминами, к Богу. Правильной формулой было, следовательно, *spiritus contra spiritum* — противопоставить разрушительному действию алкоголя духовный поиск. Вероятно, в более широком масштабе правильная стратегия лечения алкоголизма и наркомании способна внести свой вклад в психодуховную трансформацию человечества.

Рассел: Мы должны задаться вопросом, почему люди с самого начала обращаются к той или иной форме наркомании. Слишком легко сетовать на доступность наркотиков, но это ведь не объясняет то, почему люди их применяют. Наркозависимость является симптомом более глубокого недостатка в нашем обществе. Если человек ради внутреннего облегчения обращается к наркотику, это признак того, что его нынешняя жизнь не дает ему того удовлетворения, которое он ищет. Это голод по чему-то иному: по более глубокому смыслу, по внутреннему миру, по свершению, по облегчению от стресса. Однако, поскольку наше общество не обеспечивает средств для утоления этого голода, люди обращаются к алкоголю, героину и т. п. как к временному способу облегчить свою потребность.

Гроф: В определенном смысле алкоголик и наркоман являются лишь внешней формой среднего западного человека, карикатурой на него, подменяющей поиск трансценденции широким ассортиментом материальных суррогатов и разнообразными видами зависимости.

Ласло: Для некоторых предметом зависимости является алкоголь, для других — секс, для третьих — быстрая езда или модный стиль жизни. В конечном счете многие начинают искать нечто другое, что могло бы принести им чувство удовлетворения, поскольку все эти вещи сделать это неспособны.

Сценарий конца света и выход за его пределы

Ласло: Многие из того, что мы здесь говорили, рисует одновременно весьма мрачную картину жизни в современных обществах и перспективы ее улучшения. В то же время многие обеспеченные люди в западных и в равняющихся на Запад странах чувствуют пресыщенность, осознав, что в действительности им не нужны материальные ценности сверх того, что у них уже есть; им не приходится беспокоиться о хлебе насущном, у них есть весь основной ассортимент потребительских товаров. Многие такие люди находятся в процессе поиска чего-то иного. Зачастую это находит выражение в алкоголизме и наркомании, а в последнее время — и в побеге в виртуальную реальность. Но этот же процесс может принять и иные формы — интерес к эзотерике, поиск духовного наставничества со стороны гуру, медиумов или бестелесных духов. Что же касается тех, кто не находится в ситуации такого материального благополучия, то они скорее склонны к поиску материальных вещей, на этой стадии они в меньшей степени способны на трансформационные переживания и развитие более высокого типа сознания.

Итак, когда человеку обеспечен определенный уровень материального благополучия, он склонен пробовать новые переживания. В худшем случае речь идет об употреблении алкоголя и наркотиков, в лучшем, если человек достаточно мудр, — о трансформации сознания. Однако

остальные — те, кто не достиг такого уровня обеспеченности, — стремятся лишь к более высокой степени владения материальными благами, а это означает, что подавляющее большинство человечества находится практически в безнадежной ситуации. Современная экономическая и технологическая инфраструктура не располагает необходимыми ресурсами для того, чтобы обеспечить всем без исключения жизнь на уровне достигнутого в индустриальном мире материального стандарта. Однако развивать сознание должны все; совершенно недостаточно, чтобы этим занимались только жители благополучных стран. Если все остальные будут лишь подражать западному материалистическому стилю жизни, мы все окажемся в беде.

Рассел: Возможно, нам следует оказать им помощь, используя эту стадию их развития. Материализм и преклонение перед деньгами может оказаться для общества фазой развития. Примерно двести лет назад западные страны встали на этот путь в результате промышленной революции. На сегодняшний день мы начинаем пробуждаться к пониманию того, что у нас уже есть практически все нам необходимое, поэтому у нас нет больше потребности продолжать следовать этому пути. Более того, это может оказаться для нас самоубийством. Итак, мы подходим к новой стадии. Возможно, наша задача как раз в том, чтобы помочь развивающимся странам пройти через материалистическую стадию как можно быстрее.

Ласло: Проблема в том, что, учитывая проблемы экологии и ресурсов этой планеты, на то, чтобы каждый отдельный человек и каждое отдельное общество успели пройти через все те стадии развития, которые прошли мы, просто нет времени.

Рассел: Я согласен. Именно по этой причине мы и должны помочь им ускорить темпы эволюции. Возможно, они смогут пройти материалистическую стадию всего за пару десятков лет, а не за пару столетий. Налицо признаки того, что такое ускорение возможно. Пример тому — скорость, с которой развивающиеся страны движутся из эры агрокультурной в эру индустриальную, и еще дальше — в эру информационную. Индия осуществила свою промышленную эволюцию за каких-то двадцать лет или около того, Китай прямо сейчас совершает скачок от сельскохозяйственного уклада к информационному обществу.

В отличие от Запада, который учился всему с нуля, эти страны используют развитые нами технологии и навыки. Им не надо заново изобретать паровые двигатели, аэропланы и компьютеры; мы это уже сделали, и теперь они учатся на нашем опыте. Мы можем также помочь им разглядеть, что, помимо погони за материальными благами, в жизни есть еще что-то. Может быть, мы способны помочь им быстрее выйти за пределы этой фазы развития.

Ласло: Или даже перескочить через некоторые из этих фаз. Есть немалая опасность в стадии энергоемких и расточительных стилей жизни и способов производства, которые мы развили на Западе. Если развивающиеся страны не поторопятся с преодолением этой стадии, то, даже с учетом инфраструктур следующей стадии, это может привести к перерасходу ресурсов планеты и необратимому загрязнению ее окружающей среды.

Гроф: Мы определяем будущие направления развития теми технологическими идеями, которые мы вынашиваем в настоящий момент. Перспектива могла бы измениться самым радикальным образом, если бы мы сумели переориентироваться на другие источники энергии, главным образом — солнечной. Насколько мне известно, уже сейчас можно водить машины и пилотировать самолеты, используя вместо бензина водород.

Ласло: Да, несомненно, мы могли бы перейти на вождение машин с применением жидкого водорода. Я сам видел недавно БМВ, которая выглядела и вела себя точно так же, как обычный автомобиль, за исключением того, что у нее есть изолированные топливные трубы и отдельная цистерна сзади. Из выхлопной трубы выпускается тонкий пар, конденсирующийся затем в чистую воду. Однако разработчики этого автомобиля сказали мне, что для внедрения его в широкомасштабное использование потребуется пятьдесят лет — именно столько времени, по их расчетам, необходимо для того чтобы жидкий водород стал так же доступен на автотрассах, как сегодня бензин. У меня не было ощущения, что они понимают, что к тому времени, даже если эта новая технология уже будет использоваться повсеместно, будет слишком поздно: мы уже слишком загрязним воздух и породим слишком большое число кризисов. А ведь многих из них можно избежать своевременным переходом к возобновляемым технологиям использования чистой энергии.

Гроф: Ходят слухи, что разработки в сфере применения альтернативных видов энергии намеренно срываются нефтяными компаниями, которые уже приобрели целый ряд многообещающих патентов и запрятали их в свои сейфы. Трудно оценить, что могло бы получиться, если бы этим проектам были предоставлены первый приоритет и серьезная поддержка. В этом случае без особых усилий можно было бы разработать рентабельные способы использования солнечной энергии для превращения воды в водород и кислород, а также безопасные методы хранения этих видов топлива.

Ласло: В нашем распоряжении, безусловно, уже имеется немало практических решений, и можно было бы разработать и множество других, однако, судя по всему, нам не хватает воли для их использования и развития.

Гроф: Именно это я и имею в виду. Немыслимые затраты, с которыми связана патологическая гонка вооружения в глобальном масштабе, в сочетании с привычными для нас линейными стратегиями, такими как расхищение возобновляемых ресурсов и превращение их в отходы, — все это в крайней степени усугубляет ситуацию. Будь у нас иная система ценностей и иные приоритеты, все могло бы сложиться по-другому. Например, если бы мы прибегали к циклическим стратегиям, как это происходит в природе, Земля могла бы прокормить большее число населения с меньшим количеством трудностей. Способности нашей планеты и ее солнца обеспечивать пищу огромны; к примеру, мы могли бы собирать водоросли в Саргассовом море и перерабатывать их в широкий ассортимент пищевых продуктов.

Ласло: Меня беспокоит вопрос о том, существует ли реалистический шанс на то, что вид сознания, необходимый для такого преобразования, может распространиться достаточно широко, чтобы изменить ведущие тенденции экономического, политического и общественного развития в мире.

Рассел: Иными словами, вы спрашиваете, можем ли мы реформировать общество.

Ласло: Или может ли наше общество реформироваться само...

Рассел: Я не уверен, что оно на это способно. Не исключено, что оно уже упустило такую возможность. Я говорил ранее, что мы, возможно, переживем крушение западной цивилизации. Ни одна из прошлых цивилизаций не длилась вечно. Почему наша должна отличаться от них?

Скорее, есть все основания полагать обратное. Она уже доказала свою нежизнеспособность в долгосрочной перспективе, и теперь мы постепенно подходим к тому, чтобы оказаться перед лицом этого факта.

С планетарной точки зрения это безумная и хищная цивилизация. Вряд ли нам удалось бы доказать, что мы производим благотворное воздействие на биосферу. Если бы каждый из видов на планете получил один голос и состоялось всеобщее голосование по вопросу, следует ли допустить продолжение существования западной цивилизации, — я подозреваю, что все виды, за исключением, быть может, тараканов и крыс, проголосовали бы против нас. Результатом такого референдума было бы 99.9 процентов голосов «против»: западная цивилизация нехороша для планеты Земля, она должна погибнуть.

Ласло: Под гибелью вы, вероятно, подразумеваете, что люди, живущие сейчас в западной цивилизации, прекратили бы мыслить и действовать так, как они это делают в настоящее время, и выработали бы нечто иное.

Рассел: Конечно. Я вовсе не имею в виду, что мы должны умереть физически. Умереть должен наш нынешний способ бытия. Должна вырасти новая цивилизация.

Ласло: Из самой западной цивилизации или вместо нее?

Рассел: Когда что-то гибнет, рождается нечто новое...

Гроф: Подобно Фениксу.

Рассел: Да. Думаю, нам не избежать катаклизма в той или иной форме. Уже поздно. Мы зашли слишком далеко, а для реформ необходимо слишком много времени. Мы находимся в ситуации манекена, который используют при тестировании устойчивости автомобилей в авариях. Машина мчится прямо на стену. В замедленной съемке видно, как сминается ее передняя часть, а сидящий внутри манекен говорит: «Похоже, я сейчас во что-то врежусь. Надо бы что-то предпринять. Может, мне выйти? Или лучше перевести машину на задний ход?»

Но для всего этого уже нет времени. Мы пожинаем сейчас плоды многих лет неправильного мышления. В одночасье теперь этого уже не изменить. Сейчас нам надо задуматься о том, как нам проложить себе путь через то, что наверняка станет самым бедственным периодом в человеческой истории. Нас ждут нелегкие времена. Нам будет очень и очень трудно. Однако вряд ли на сегодняшний день осталась хоть какая-то возможность избежать этого.

Гроф: Много лет назад в Москве я долго обсуждал вопросы экологии со своим другом Василием Налимовым, блестящим ученым, который провел восемнадцать лет в сталинских лагерях в Сибири. Я нахожу время, проведенное в его обществе, захватывающе интересным. Ядерная проблема не была его первоочередной заботой. Он предвидел возможность того, что Соединенные Штаты и Россия сумеют достичь мирного соглашения и демонтировать ядерные бомбы. Более всего его беспокоила химия. Он считал, что многие аспекты нашей жизни находятся в критической зависимости от химической индустрии, и не верил, что мы сможем предотвратить такое явление, как выпадение ядерных осадков, которые необратимо погубят наши реки, моря, почву и воздух. Он опасался, что время для этого уже упущено.

Ласло: Это глобальная проблема: мы нарушаем химический баланс на уровне всей

биосферы.

Гроф: И делаем это самыми разными способами, однако Василий считал, что самую большую опасность представляет химическое загрязнение. Масштабы его гигантские, а обратить его последствия вспять крайне трудно.

Ласло: Как мы говорили, жизнь в любом случае будет продолжаться, возникнут новые мутации и разовьются новые виды. Однако виды с относительно коротким репродуктивным циклом будут мутировать и приспособляться к изменяющимся условиям быстрее нас. Мы окажемся на медленной стороне эволюции.

Гроф: Много лет назад мое воображение поразил фильм «Хроники Хелстедта». Высказанная вами мысль была его лейтмотивом: если мы причиним серьезный вред окружающей среде, Землю унаследуют насекомые с их короткими репродуктивными циклами и огромной приспособляемостью.

Рассел: Есть еще один сценарий конца света — не экологическая катастрофа, а эпидемия. Мы слишком ослабили свою естественную сопротивляемость болезням. Наша иммунная система подорвана потреблением полуфабрикатов, наркотиками, неумеренным приемом антибиотиков, химическим загрязнением и другими факторами. В то же самое время растет сопротивляемость бактерий к разрабатываемым нами лекарствам. И приспособляются они быстрее, чем мы открываем новые антибиотики. Некоторые бактерии уже способны сопротивляться практически всем существующим антибиотикам, и когда наш арсенал полностью исчерпается, мы мало что сможем сделать, чтобы остановить их нашествие.

К тому же в созданных нами жизненных условиях болезни способны распространяться чрезвычайно быстро. Если сегодня в Сан-Паулу разразится новая эпидемия, в ту же ночь ее кто-нибудь доставит самолетом в Нью-Йорк, а через несколько дней будут заражены все крупные урбанистические зоны мира. Возникни новое заболевание, которое к тому же окажется очень заразным, оно сможет в кратчайшие сроки поразить все человечество. Даже если эпидемия не уничтожит всех людей, каждый десятый наверняка погибнет. Впрочем, с планетарной точки зрения, это может оказаться не так уж и плохо. Природа зачастую прибегает к эпидемиям для того, чтобы справиться с видами, вышедшими из-под контроля.

Ласло: Именно так природа решает эту проблему. Вид, ставший сам по себе эпидемией, разросшейся раковой опухолью, достигает критического порога, после чего прекращается его воспроизводство, или же он совершает коллективное самоубийство, подобно леммингам. Человечество научилось применять так много краткосрочных корректирующих мер, что естественные способы адаптации сработать не могут. Если мы близоруки, мы одеваем очки, если мы не можем достаточно быстро куда-то добраться, мы используем автомобили, поезда и самолеты, и т. д. Мы готовы обречь себя на экологическую катастрофу в долгосрочной перспективе, лишь бы не отказываться от временных облегчающих мер, надеясь при этом, что проблема решена.

Гроф: Разумеется, причин для оптимизма не слишком много, однако иногда события развиваются самым неожиданным образом. Все обсуждаемые нами мрачные сценарии основаны на экстраполяции нынешнего направления развития. И мне снова приходит на ум то, что произошло с Берлинской стеной и Советским Союзом. Происшедшие перемены были

позитивны, и при этом совершенно неожиданны и непредсказуемы. Возможно, существуют какие-то скрытые факторы, действующие в иных направлениях. К примеру, уже есть разновидности бактерий, питающиеся отходами нефти. Не исключено, что нас ждут явления в духе научной фантастики, которые мы не в состоянии предвидеть, — новые штаммы бактерий, использующих в пищу пластик; растения, восстанавливающие природный баланс и устраняющие загрязнение окружающей среды; генетические мутации, поощряющие терпимость и синергию, и т. д.

Ласло: Ну, как уже говорилось ранее, если пути развития человечества будут определяться слепой случайностью, то наши шансы окажутся весьма невысокими. Биологам хорошо известно, что в случайных мутациях карты обычно выпадают не в выигрышных комбинациях. Реальная вероятность выживания может быть обусловлена чем-то отличным от серии случайных попаданий и промахов, обычно определяющих эволюцию биологических видов. Возможно, такой фактор уже действует и в случае нашего вида. Он вполне может иметь не биологический, а культурный характер. Его воздействие можно видеть в революции в сознании и в нарастающем в разных частях мира сдвиге в системе ценностей. Однако, возможно, сами по себе эти процессы не разворачиваются достаточно быстро. Поэтому нам необходимо накопить силу трансформирующих переживаний, способных ускорить эволюцию нашего собственного сознания, а посредством ее — и эволюцию наших ценностей, нашей этики и нашего поведения.

Гроф: Я хотел бы упомянуть одно наблюдение, которое я нахожу интересным и имеющим отношение к обсуждаемой теме. Люди, переживающие в необычных состояниях сознания опыт психодуховной смерти и возрождения, обычно проходят через конкретные стадии, связанные с характерными темами. В этих переживаниях часто фигурируют сцены крайнего насилия, разнузданных сексуальных излишеств, включая самые разные извращения, сатанинские ритуалы и мессианские эпизоды. В процессе внутренней трансформации подобные элементы являются временными, в конечном счете они разрешаются в мощном духовном самораскрытии и преображении. В индивидуальной эмпирической работе самой большой опасностью является экстернализация процесса, проигрывание его разрушительным или саморазрушительным образом. В самом крайнем случае, это настоящее самоубийство вместо убийства эго, то есть переживания смерти эго и последующего возрождения.

Люди, переживающие такие эпизоды, часто замечают их сходство с тем, что происходит во внешнем мире, — с ростом преступности и насилия, с террором, сексуальным освобождением как в его позитивных, так и в извращенных формах, с растущим интересом к сатанинским практикам и плодящимся как грибы мессианским культам. Из этого сходства напрашивается предположение, что человечество в целом претерпевает похожий процесс трансформации. К сожалению, в целом он экстернализован. Если бы можно было интернализировать его, вместо того чтобы проигрывать вовне разрушительным и саморазрушительным образом, мы сумели бы подняться на более высокий уровень сознания.

Ласло: Это обнадеживающая возможность. Но как нам увеличить вероятность такого развития событий?

Рассел: Позвольте мне упомянуть о двух моментах, кажущихся мне важными. Во-первых, необходимо распространять техники и технологии, помогающие нам достигать большего мира с собой. Бессмысленно добиваться мира во всем мире, если внутри себя мы все еще находимся в состоянии войны. Продолжая пребывать во власти внутренних страхов и враждебности, мы не

сможем быть в ладу с миром. Можно ограничиться отговорками, но они не станут реальностью. Обретение внутреннего мира считается необходимым во всех духовных традициях. Оно станет еще важнее по мере того, как события в мире происходят на все более высоких скоростях, каждый раз требуя принятия огромного числа решений. Истощая свою энергию, мы не будем способны на правильные решения, способные служить нам самим и другим. И вряд ли при этом мы будем здоровы.

Таким образом, один из критических моментов состоит в развитии способов, позволяющих людям пребывать в большем мире с собой. И нам отнюдь не придется развивать их с нуля. Многие такие техники уже разработаны в различных мировых духовных традициях. Нам необходимо исследовать их, выбрать наиболее эффективные для современного мира и сделать их как можно более доступными.

Второй ключевой момент касается человеческих взаимоотношений. Сущностью здоровых отношений является недвусмысленное проявление взаимной заботы. Однако мало кто из нас обучался этому в школе или колледже. Мы овладеваем этим искусством через процесс проб и ошибок, и зачастую это происходит к закату жизни. В отношениях между двумя людьми — и дома, и на работе — каждый хочет чувствовать себя любимым и быть в ладу с собой. Но, как правило, устанавливается порочный круг, в котором никто из них не получает желаемого. Когда кто-то чувствует себя уязвленным, когда ему кажется, что его тем или иным образом осуждают, чаще всего он защищается, прибегая к какой-нибудь форме нападения. Зачастую этот переход к агрессивности бывает очень тонким — смена интонации, неуловимое изменение на языке тела. Иногда он сказывается в выборе слов, и тогда он заметнее. Скрытое намерение при этом всегда одно и то же: сделать так, чтобы другому стало хуже, чтобы он почувствовал себя уязвленным, чтобы он ощутил, что его осуждают, на него нападают. За исключением тех случаев, когда второй человек либо не осознаёт этой динамики, либо осознанно отказывается вступать в эту игру, он, как правило, реагирует точно таким же образом, посылая столь же враждебные сообщения первому, в результате чего оба чувствуют себя атакованными. Так возникает порочный круг. Хотя на поверхности все выглядит идиллично и мило, на глубине происходят взаимные нападения. Каждый хочет, чтобы его любили, каждый желает мира с собой, но каждый делает все, чтобы другой почувствовал себя виноватым и лишился внутреннего покоя.

Поэтому очень важно учить людей общаться так, чтобы не возникал этот порочный круг, а также вырваться из него, если он уже сложился. Основой любого здорового общения должен быть вопрос, обращенный к самому себе: как я должен вести себя, чтобы другой почувствовал себя любимым, чтобы он пребывал в ладу с собой? Когда я руководствовался этим вопросом в своих собственных взаимоотношениях, результат бывал просто волшебным.

Гроф: У нас с Кристиной был как-то исключительно интересный опыт в институте Эсален, в Биг-Суре, в Калифорнии. Мы организовали экспериментальную образовательную программу с ярко выраженным эмпирическим компонентом. Она представляла собой серию из тридцати месячных курсов, которые проходили дважды в году. Как правило, для каждого курса мы выбирали какую-нибудь интересную для нас тему, например: картография сознания, буддизм и западная психология, холистическая медицина и целительство, наркозависимость и мистический поиск, и т. д. На каждый месячный курс мы приглашали нескольких выдающихся учителей, являющихся экспертами по выбранному предмету. Кроме того, в ходе каждого курса мы проводили регулярные сеансы холотропного дыхания, гештальт-практики, юнгианской игры в песок, группового процесса, массажа, йоги, ритуалы, медитации, танцы самовыражения, путешествия в необитаемые места, и т. д. Широко использовались специально отобранные фильмы и видеозаписи.

Список гостей, приглашавшихся на эти курсы, был весьма широк: там были и пионеры новой парадигмы мышления, такие, как Фритьоф Капра, Руперт Шелдрейк, Карл Прибрам и Джозеф Кэмпбелл, и мексиканские и североамериканские шаманы, и физики, и спириты, и христианские монахи, и суфии, и мастера йоги, а также буддисты Тибета, дзена и випассаны. Это богатое сочетание интеллекта и опыта оказалось в высшей степени преображающим для участников курсов.

Мы обнаружили, что в тех случаях, когда люди длительное время посвящают какой-то одной конкретной модальности, они в конце концов овладевают правилами игры, в результате чего снова вырастает их психологическая защита, и зачастую они преуспевают именно в том, чтобы несколько не измениться. Но когда на людей с самых разных сторон, направлений и уровней обрушивается новая информация и новые эмпирические стратегии, в них происходит невероятное ускорение трансформационных процессов. В течение многих лет к нам продолжают поступать письма от людей, участвовавших в эсаленских курсах. Обычно их авторы рассказывают в них, что месяц, проведенный в Эсалене, оказался в их жизни поворотным. Я верю, что похожая модель может доказать свою полезность в качестве инструмента трансформации и в более широком масштабе.

Ласло: Мы возвращаемся к теме революции в сознании, ставшей лейтмотивом нашей беседы. Итак, возникает впечатление, что возможность выйти за пределы сценария конца света лежит в преображающих переживаниях, в результате которых эволюционирует наше сознание, и мы начинаем иначе относиться друг к другу и к природе. У этой возможности много измерений и много последствий. Может быть, мы обсудим некоторые из них сегодня во второй половине дня.

Второй день

Полдень

Мир и личность

О рождении и развитии — вращение в новый мир

Ласло: В начале этого века Герберт Уэллс сказал, что облик будущего определится исходом гонки между ростом просвещения и надвигающейся катастрофой. Нечто похожее мы видим и сегодня в гонке между ростом нового сознания и грозящим нам катаклизмом. Такая ситуация значительным образом сказывается на просвещении. Как можно приспособить воспитание детей от самого рождения к миру, в котором мы живем? Как заставить истеблишмент системы просвещения осознать, что мы практически подошли к критической точке, к порогу в нашей коллективной эволюции, и что у нас есть потенциальные способности влиять на ход этой революции или по крайней мере на ее общее направление? В большей части мира истеблишмент системы образования отличается невероятным консерватизмом и инерцией.

Гроф: В сфере воспитания детей и просвещения можно сделать очень много всего, помимо внедрения технологий трансформации и усилий по изменению парадигм. Проводимые в последние десятилетия исследования сознания показали, что наши паттерны мышления, эмоциональной жизни и поведения программируются нашей собственной ранней историей — причем не только младенчеством и детством, что хорошо известно из фрейдистского психоанализа, но и обстоятельствами нашего биологического рождения и даже пренатальной стадией. Улучшение физической и эмоциональной гигиены периода беременности и изменение постнатальных практик могло бы оказать далеко идущее влияние на человечество.

Есть убедительные основания для того, чтобы полагать, что обстоятельства рождения играют важную роль в становлении будущих склонностей к насилию или саморазрушению, либо, напротив, к проявлению заботы и здоровым межличностным взаимоотношениям.

Французский акушер Мишель Одэн отстаивает в своей книге точку зрения, согласно которой этот перинатальный импринтинг способен ориентировать нашу эмоциональную жизнь в направлении любви или ненависти. Одэн иллюстрирует состоятельность такого предположения с помощью истории развития нашего биологического вида.

Процесс рождения имеет два разных аспекта, связанных с конкретными гормонами, и оба очень важны для выживания. Стрессовые переживания матери во время родов управляются главным образом адреналиновой системой. Механизмы адреналина и норадреналина сыграли важную роль и в эволюции всего нашего вида, будучи медиаторами агрессивных и защитных инстинктов роженицы в те времена, когда роды проходили в естественной среде. Благодаря им женщина сразу после родов могла быстро перейти к борьбе или к бегству, если этого требовала ситуация, например, нападение хищника. Однако необходимость в этом механизме отпала с тех пор, как созданы безопасные условия для родов. На сегодняшний день это эволюционный анахронизм.

Второй связанной с рождением задачей, равным образом важной с эволюционной точки

зрения, является формирование связи между матерью и новорожденным. В этом процессе участвуют гормон окситоцин, ответственный за материнское поведение у животных и людей, и эндорфины, культивирующие привязанность и эмоциональную зависимость. Сходное воздействие оказывает гормон пролактин, играющий вспомогательную роль при кормлении грудью. Суматошная, шумная и хаотичная обстановка, царящая во многих больницах, вызывает ассоциации с опасностью, смертью, угрозой выживанию, порождая тревожность и без всякой необходимости запуская механизмы адреналиновой системы. Подобно ситуации в джунглях в доисторические времена, это провоцирует агрессивность, впечатывая в сознание картину потенциально опасного мира, и негативно влияет на процесс формирования связей между матерью и младенцем.

С другой стороны, тихая, безопасная и огражденная от вмешательств обстановка во время родов порождает атмосферу безопасности, способствующую формированию паттернов заботы и доверия. Она закладывает предпосылки для заботливого поведения, проявлений любви, сотрудничества и синергии. Радикальное улучшение обстоятельств, при которых проходят роды, способно оказать чрезвычайно важное позитивное воздействие на эмоциональное и физическое благополучие человеческого вида в целом и смягчить патологические формы поведения, угрожающие в наши дни уничтожить саму основу жизни на планете. Было бы весьма уместно начать именно с этих изменений.

Рассел: Стэн, ранее вы говорили о том, насколько важны влияния, оказываемые на нас в раннем детстве. Это еще одна сфера, в которой можно было бы инициировать глубокие изменения в человечестве. Тот факт, что раннее детство оказывает сильнейшее воздействие на становление личности, известен уже столетие; он лежит в основе многих видов психотерапии. Мы можем не только помогать людям справляться с воздействием детских переживаний на их жизнь и освобождаться от некоторых нежелательных влияний этого рода, но и во многом изменить воспитание детей, с тем чтобы они становились психологически здоровыми взрослыми.

Так же как и идея родов в естественной обстановке, изменение подхода к воспитанию уже имеет своих сторонников. Некоторые мои друзья в конце шестидесятых и начале семидесятых применяли свои изменившиеся взгляды на этот вопрос к воспитанию собственных детей. В частности, они не наказывали их, когда те совершали ошибки, но старались помочь им достичь понимания; обеспечивали им возможность большей эмоциональной близости; общались с ними как с юными людьми, а не как с безмозглыми младенцами. Сегодня их дети стали уравновешенными и здоровыми в умственном отношении взрослыми людьми. У них есть собственные семьи, и они обращаются со своими детьми в том же духе и даже еще лучше, поскольку в целом у них гораздо больше понимания важности этих вопросов, чем у их родителей. Могу сказать, что речь идет о самых замечательных, светлых, добрых, заботливых и осознающих молодых людях, которых я когда-либо встречал.

Это пример того, как начинает разрываться порочный круг. Дети, вырастающие в несостоятельной семье, усваивают несостоятельную модель поведения и легко становятся несостоятельными родителями. Если учить людей воспитывать своих детей с большей заботой, этот круг можно разорвать, тем самым оказав на общество серьезное и долгосрочное воздействие. Порой мне кажется, что это, возможно, самое важное, что мы можем сделать для общества.

Гроф: Но образование является лишь частью проблемы. Недостаточно лишь знать, что надо сделать. Требуется нечто гораздо большее — суметь это сделать. А это предполагает подлинную

эмоциональную трансформацию родителей.

Ласло: Этот порочный круг особенно сильно сказывается в формальном школьном обучении. Преподаватели учат детей тому, чему учили их самих, когда они были учениками, и что вызывает у них ощущение комфорта. Истеблишмент системы просвещения очень трудно довести до восприятия новых знаний. Этим должны были бы заниматься сами первопроходцы этих знаний, но они очень редко оказываются в положении, в котором могли бы стать влиятельными педагогами. Как правило, те, у кого возникают новаторские идеи, не слишком хорошо справляются с разъяснением и передачей этих идей. Очень важно, чтобы система просвещения стала намного более гибкой, чем сейчас, намного более открытой к усвоению новых и состоятельных идей, от кого бы они ни исходили.

Гроф: Это верно, наши институты просвещения ориентированы неправильным образом и обучают устаревшему мировоззрению, что поддерживает и усугубляет царящую в мире ситуацию. Вот вам пример: в том, как преподают историю, учеников никак не учат ценить духовные, надличностные ценности. В качестве важных фигур им преподносят Чингисхана, Наполеона, Гитлера и Сталина. На школьных уроках истории нечасто услышишь о Будде. Огромный акцент делается на конфликте, борьбе и конкуренции, на том, кто выигрывает и кто проигрывает. Причем в целом больше всего совершенно необоснованного внимания получают негативные персонажи.

Рассел: Да, очень многое из того, что мы здесь обсудили, не было бы с воодушевлением принято в системе просвещения, где принято смотреть на мистические переживания как на нечто совершенно оторванное от этого мира. Призыв к передаче школьникам знаний об измененных состояниях сознания, скорее всего, наткнулся бы на стену враждебности.

Гроф: При попытке обучать трансперсональным, подлинно духовным знаниям вы бы натолкнулись на сопротивление со стороны не только материалистически настроенных ученых, но и организованных религий.

Ласло: И тем не менее, сам факт, что мы можем провести подобную дискуссию, а затем и опубликовать ее, указывает на существование интереса к этим темам. Не исключено, что лет пять-десять тому назад у нас не было бы даже такой возможности.

Гроф: Я настроен оптимистично — по крайней мере, сдержанно оптимистично — особенно учитывая то, что какие-то мощные, хоть и не очевидные, факторы, возможно, действуют где-то за кулисами.

Ласло: О, в меня это вселяет по-настоящему большую надежду. Если такие факторы действительно есть, они будут проявляться все больше и больше!

Однако в настоящий момент меня заботит более непосредственный и срочный вопрос: как нам добраться не только до системы просвещения, но и до всей общественной информационной структуры, особенно до печатных и электронных средств массовой информации? В наши дни СМИ жаждут в первую очередь сенсационных сообщений, поскольку их особенно легко продать широкой публике. «Настоящими» новостями для них являются те, в которых содержится агрессия или катаклизм, или те, что проистекают из высказываний и поступков небольшого числа общественных фигур. Что же касается процессов, лежащих в основе мира и определяющих

его форму, то они просто не достигают общественного сознания, поскольку деятели средств информации не считают, что они достойны быть освещенными в новостях.

Разумеется, если сосредоточить свое внимание на положительных сторонах ситуации, можно указать на тот факт, что уже несколько лет существуют телевизионные программы и новостные сообщения, касающиеся проблем окружающей среды и ресурсов, демографии, развития и т. д. Подлинный рост осознанности, несомненно, имеет место, но темпы его слишком низки для того, чтобы привести к существенным и эффективным переменам.

Гроф: В нашей культуре СМИ обладают колоссальной силой в распространении информации и формировании общественного мнения. Я чувствую, что в этом отношении мы приближаемся к критическому поворотному пункту. Еще в недавнем прошлом они решительно и единодушно дискредитировали и высмеивали все, что касалось «новой эры», понимая под этим практически любой вызов привычному для истеблишмента способу мышления и поведения — от предложенной Дэвидом Бомом голографической модели вселенной до марафонов нудистов, созерцания кристаллов и исследования магической силы пирамид. В последнее время ситуация стала значительным образом меняться. Все чаще в списке бестселлеров появляются книги на трансперсональные темы, быстро растет количество кассовых фильмов с трансперсональной направленностью. Издатели начинают осознавать, что людей очень волнуют эти вопросы, и поэтому на них можно делать деньги. Работников медиа изумляют растущие рейтинги таких трансперсонально-ориентированных программ, как диалоги Билла Мойера с Джозефом Кэмпбеллом. Рейтинги говорят на языке, который понятен деятелям средств информации и на который они охотно откликаются. А когда они начинают осознавать, что те или иные темы действительно живо интересуют многих людей, в обществе начинают происходить очень быстрые перемены.

Ласло: Но как можно запустить быстрое и своевременное разворачивание этого процесса?

Гроф: Огромные изменения уже произошли.

К примеру, озабоченность проблемами окружающей среды и интерес к натуральным продуктам питания, которые еще совсем недавно воспринимались как смехотворные причуды хиппи, сейчас практически вошли в состав идеологии мейнстрима. И это произошло не оттого, что кто-то взял и составил блестящую стратегию оказания воздействия на общественное мнение и в отношении средств информации. К этому привели изменения, происходившие посредством самых различных механизмов в десятках, сотнях и тысячах людей, таких, как вы и я. Каждый из нас по отдельности — лишь песчинка в пустыне, но вместе мы оказываем существенное влияние.

Рассел: Многие тысячи людей делают то, что, по их ощущению, является правильным. И правильных действий тоже много разных. Вот вы, Стэн, выполняете свою работу и чувствуете, что для вас правильно ею заниматься и стараться осуществлять ее наилучшим образом. Это же верно и в вашем случае, Эрвин, как и в моем собственном. Все мы вносим свой вклад по мере своих сил, и нас поддерживают сотни и тысячи других людей, также вносящих свой вклад, делающих то, что каждый из них считает для себя правильным.

Критически важно понять, как каждый из нас мог бы выполнять то, чем он занимается, с большей эффективностью, большим воздействием на других. Чем эффективнее я справляюсь со своей собственной работой, тем больше она ускоряет изменения, происходящие в других людях. И чем эффективнее другие делают свою работу, тем в большей степени она влияет на меня.

Для меня, как писателя, одна из самых больших радостей — слышать от людей, что нечто, написанное в моих книгах, произвело на них глубокое воздействие, что это было для них чем-то вроде частички мозаики, попавшей на свое место. Я уверен, что вы, Стэн, чувствуете то же самое, получая обратную связь от людей, прошедших ваши дыхательные семинары. Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой, наполнить ее большей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению.

Если бы мы полагали, что наша задача — менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы — части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?

Ласло: Фактически, Пит, вы утверждаете, что если каждый из нас будет наилучшим образом справляться со своей частицей целого, то в результате мы получим мощный и действенный процесс.

Гроф: Я согласен с этим, но хотел бы добавить, что наблюдать ситуацию со стороны, полагаясь исключительно на внешнее воздействие, недостаточно. К этому необходимо подключить и внутреннюю работу. К.Г. Юнг, и не он один, подчеркивал необходимость дополнять любую нашу внешнюю деятельность систематическим самоисследованием и зондированием бессознательной области своей психики. Он говорил о потребности подсоединиться к более высокому аспекту себя, своей самости, подключаясь к мудрости коллективного бессознательного и доступным нам духовным ресурсам. Получаемые нами в этом процессе глубокая информация и энергия помогают выработать правильные жизненные стратегии в мире.

Ласло: Как было сказано здесь вчера, то, что мы совершаем «внутри», воздействует на «внешнее». Однако, как мы уже отмечали, если бы люди больше ценили взаимосвязь между внутренним и внешним, они бы проявляли больше ответственности во внутренней работе, тем самым увеличивая свои шансы на успех в деятельности внешней.

Рассел: Я, как и вы оба, Эрвин и Стэн, верю, что бывают чудеса. Но мы не можем *заставить* их случаться, мы можем лишь учиться *позволять* им происходить. Судя по всему, это можно делать, развивая правильное внутреннее умонастроение, правильное состояние сознания.

Ранее мы говорили о синхронистичности, и я высказал предположение о высокой степени соотнесенности между внутренним состоянием и синхронистичными проявлениями во внешнем мире. Я не могу по своей воле вызывать синхронизмы — они по самой своей природе случайны и находятся за пределами моего контроля и влияния. Но я могу ввести себя в такое состояние сознания, которое позволяет им происходить.

Может быть, это верно и на коллективном уровне. Чем выше наш общий уровень сознания, тем больше возможность различных неожиданных чудес. Мы можем не иметь ни малейшего представления о том, какими именно они будут и когда именно произойдут, но, заботясь о своем внутреннем благополучии, мы сможем увеличивать шансы на их проявление.

Ласло: Ваши слова напомнили мне связанное с музыкой переживание, которое бывало у меня в мои юные годы. Когда вы исполняете музыкальное произведение — обязательно на публику, можно делать это и для самого себя, — если все идет правильно, то произведение разворачивается так, как оно должно разворачиваться, а не так, как вы этого сознательно хотите. Музыка спонтанно выстраивается в некий паттерн, и вам трудно избавиться от ощущения, что вы являетесь частью ее движения, что вы подключены к ней. Это изумительное чувство. Его невозможно вызывать по желанию, но можно делать что-то для того, чтобы подготовиться к нему. Потому что, если вы не подготовлены, этого не произойдет. Но когда это происходит, вам надо «оставаться в потоке силы». Возможно, такая сила действительно существует и мы должны учиться двигаться вместе с ее течением. Можно ли научить людей этому?

Рассел: Думаю, да. Я знаю из собственного опыта, что именно мешает мне быть в ладу с силой, как бы мы ее ни называли. Это мое собственное сопротивление, моя зажатость, проистекающая из моих страхов. Страх бывает полезен, когда что-то угрожает биологическому благополучию, но в современном западном мире мы избавились от большей части физических опасностей. На нас нечасто нападают дикие животные; нам редко приходится убегать, спасая свою жизнь. В большинстве случаев переживаемые нами страхи являются психологическими, причины которых — наша обусловленность своими концепциями и следы переживаний наших ранних лет. Мы боимся того, что другие могут подумать о нас, мы боимся лишиться ощущения безопасности, утратить контроль и т. д. Эти и им подобные страхи мешают нам жить полной жизнью, быть в потоке. Глубоко внутри себя мы все время находимся начеку, на случай, что наше чувство психологического благополучия окажется под угрозой.

Нечто чрезвычайно важное, что мы можем сделать ради себя, это обнаружить эти страхи, увидеть их такими, какие они есть, и научиться жить без них. Я знаю из опыта, что чем отчетливее я вижу беспочвенность своих страхов, отсутствие у них реальной субстанции, тем реже они вмешиваются в мои взаимоотношения с внешним миром, мое общение с людьми, мое реагирование на их поступки. Чем больше я способен отпустить страх, тем полнее я могу жить, пребывая «в потоке».

Гроф: Самым значительным препятствием этому виду открытости является история травматических переживаний, ведущих к формированию эмоциональных и физических блоков, к возникновению отделяющего нас от остального мира панциря, о котором говорил Райх. Есть способы растворять этот панцирь, освобождаясь от травматических отпечатков в своем сознании и становясь более открытым по отношению к другим людям, природе и космосу.

Ласло: Становятся ли люди, прошедшие через надличностные переживания, лучше в качестве членов сообщества?

Гроф: Не обязательно после одной сессии переживаний, хотя иногда случается и такое. Мне доводилось видеть, как жизнь человека полностью менялась после одного-единственного мощного психоделического или холотропного переживания. Но это, разумеется, нельзя считать правилом. Вероятность позитивной трансформации значительно возрастает, когда индивид занят последовательным и систематическим личным поиском.

Ласло: Не хотите ли вы сказать, что людям необходимы целые серии надличностных переживаний, которые длятся неделями, месяцами или даже годами?

Гроф: Именно так. Я сам открыл существование трансперсональной сферы, благодаря своей клинической работе. И я неоднократно видел, что люди приступают к этому процессу как к терапии после того, как пережили ситуацию, связанную с эмоциональным и психосоматическим дискомфортом, но в результате последовательности сессий неожиданно открывают нуминозные измерения собственной психики. После этого их главной заботой в процессе становится уже философский и духовный поиск смысла, а не просто терапия. Зачастую поиск приводил их к полной переориентации отношения к себе, другим, природе и к жизни в целом.

Новая карта реальности?

Ласло: Сознание изменяется, способствуя появлению новых прозрений. В связи с этим я хотел бы предложить вам обоим обсудить вопрос, кажущийся мне особенно интересным и важным, — вопрос о нашем представлении о мире. На данном этапе оно выглядит весьма фрагментарным, полным расколотости и зазоров между разумом и телом, между внутренним и внешним, между человеком и миром...

Гроф: Эрвин, мне кажется, вы клоните к тому, что нам необходима исчерпывающая парадигма, способная интегрировать, свести воедино все наши расколотые представления.

Ласло: Мы уже говорили о смене парадигм в науке. Теперь мы можем пойти дальше. Что это за парадигма, возникновение которой мы можем ожидать?

В какой парадигме мы на самом деле нуждаемся? Очевидно, новой парадигме придется интегрировать нашу нынешнюю фрагментированную карту реальности. Она должна вобрать в себя все знание, накопленное естественными науками, особенно новой физикой, и внести его в контекст гуманитарных и общественных наук. Подобный парадигматический сдвиг может оказаться критически необходимым, поскольку мы живем во времена нестабильные и чрезвычайно чувствительные к любой «флуктуации», к любым новым идеям, мировоззрениям и ценностям, какими бы незначительными они ни казались сами по себе. В такой ситуации может появиться и новый Гитлер и новый Мессия. Мы должны осознавать силу, лежащую как в самих идеях, так и в деятельности по их распространению, особенно если они соответствуют величайшим нуждам нашего времени. Речь идет о распространении парадигм, способных оказать позитивное воздействие на человечество и на мир в целом.

Гроф: Я усматриваю проблему в том, что базовые элементы и концептуальные строительные блоки старой парадигмы выглядят весьма логичными и очевидными, и для большинства людей они гораздо понятнее. Фундаментальные принципы ньютоновской механики легко воспринимаются и кажутся согласующимися со здравым смыслом, поскольку они конгруэнтны нашему повседневному мировосприятию. Понимание же новой парадигмы, как следует ожидать, может потребовать разносторонней осведомленности в широком диапазоне дисциплин, включая высшую математику, квантовую физику и физику относительности. Кроме того, ее основополагающие принципы противоречат интуиции, по крайней мере пока мы находимся в обычном состоянии сознания.

Примером может служить ваша собственная работа, Эрвин. Вас отличает экстраординарное

владение научными знаниями и способность творчески соотносить друг с другом данные из самых разных дисциплин. Но то, что вы пытаетесь объяснить, среднему читателю крайне трудно понять без обязательной предварительной подготовки. Вопрос в том, как перевести эти концепции на обычный язык и представить их таким образом, чтобы они могли обогатить среднего человека.

Ласло: В отношении способности новой парадигмы к распространению я настроен несколько более оптимистично, чем вы, Стэн. Мне она не представляется более сложной, чем старая: в основе своей она очень проста. Мы уже упоминали здесь Альфреда Норта Уайтхеда. Недавно один из его учеников и сам по себе тоже великий философ Стивен Пеппер написал книгу о «мировых гипотезах», где он показывает, что в общей сложности существует лишь с полдюжины основных мировых гипотез, то есть способов последовательно мыслить о себе и о мире. Та, которая зарождается в настоящее время, представляет собой гипотезу органичности, уподобляющую мир живому организму. Организмами являются не только отдельные люди, но и вся биосфера, и даже вся вселенная. Это весьма естественный способ мышления. Как только вы начинаете проникаться им, все становится на свое место. Я часто сталкивался с этим явлением: вы делаете некое открытие, которое на первый взгляд лишено всякого смысла, но как только вы меняете ракурс и смотрите на него под другим углом, оно внезапно оказывается частью более широкого контекста — того, который Грегори Бейтсон называл «объединяющим паттерном».

Органичная гипотеза выглядит новой, но в действительности это очень старая идея. Она лишь возвращается к нам в новом облике — более конкретном и убедительном, подкрепленном современными науками. Однако понять ее совсем не трудно. Просто наше образование было основано не на этой идее, а на ньютоновском механистическом мировоззрении.

Гроф: И вы не видите проблемы в том, что ньютоновская картина мира в большей степени согласуется с повседневным восприятием действительности и выглядит очевидным и логичным способом мироописания?

Ласло: Оно кажется таковым лишь людям, воспитанным в западном или вестернизированном мире.

Гроф: Я неоднократно сталкивался с тем, что в мистических состояниях люди обретают непосредственный эмпирический доступ к альтернативному восприятию и пониманию мира. Надличностные переживания способны пробуждать нас от того, что Вильям Блейк — не вполне справедливо по отношению к Ньютону — называл «сном Ньютона». Тем не менее, у меня нет никакой уверенности в том, что новую органичную модель вселенной на самом деле можно, используя одни лишь интеллектуальные средства, довести до понимания людей, не имевших непосредственных переживаний, которые указали бы им такое направление. В особенности, когда они так глубоко запрограммированы гипотезой противоположного характера.

Если новые способы мышления удастся соотнести с присущим западной культуре мифологическим видением, ситуация, конечно, будет выглядеть иначе. Этим вопросом особенно сильно интересовался Джозеф Кэмпбелл. Изучая культуры прошлого, он пришел к выводу, что все они поддерживались и стимулировались мощными мифологическими видениями. Он пытался найти ответ на вопрос, возможно ли прямо сейчас идентифицировать доминирующий мир нашей культуры или же это будет сделано лишь тогда, когда она уже отойдет в прошлое. Что это за миф, в котором мы живем? — спрашивал Кэмпбелл. Можем ли мы его распознать? Можно ли как-то вынести на поверхность, чтобы можно было сознательно черпать из него

вдохновение?

Рассел: Ориентированный на механистичность западный ум при восприятии органичной модели сталкивается еще с одной проблемой, которая состоит в том, что она сопрячена, что она побуждает нас ощущать себя частью живой вселенной. Наши редукционистские модели и так называемый здравый смысл ведут нас в противоположном направлении, отделяя от целого.

Гроф: Многие культуры успешно существовали в сопряченной вселенной, воспринимая себя частью всего остального, которая связана со всем остальным. При этом их ритуалы перехода, мистерии и духовные практики обеспечивали доступ к надличностным переживаниям. В таких культурах переживания этого рода были несравнимо более доступными, чем в нашей.

Ласло: Источником проблемы являются наши фрагментарные институты и способы существования, не дающие доступа к интегрированным, холистическим, соучастным переживаниям. Подступающий к нам кризис станет преобразующим тиглем для западного образа восприятия себя и мира. Он продемонстрирует взаимосвязанность и взаимозависимость всего и утвердит новое мировоззрение. Однако вопрос вопросов в том, как донести до сознания широкой общественности это органичное мировосприятие без того, чтобы ей пришлось учиться ему трудным способом.

Рассел: Большинство не желает посмотреть в упор на недостатки нынешней модели. Они не отпускают взлелеянные убеждения и поведенческие паттерны, если их не вынуждает к этому ситуация, но тогда может быть слишком поздно.

Нечто подобное происходит и на индивидуальном уровне. Врач может сказать человеку, ведущему нездоровый образ жизни, что он должен меньше курить, изменить питание, больше заниматься физическими упражнениями и т. п. Но люди, если они не видят никаких внешних знаков неблагополучия, склонны игнорировать эти рекомендации. До тех пор, пока не происходит какая-нибудь неприятность, они не видят никакой необходимости в изменениях. Потом может случиться сердечный приступ, развиться рак или другое заболевание, и это заставит их прислушаться к тому, что им говорили в течение последних десяти лет. А пока жизнь наша комфортабельна, мы не желаем делать ничего из того, что кажется нам чересчур неудобным. Необходимость в переменах доходит до нас лишь тогда, когда все уже очень плохо. Поэтому, судя по всему, нам остается лишь уповать на то, что кризис разразится как можно раньше и что он будет достаточно мощным, чтобы пробудить нас, но недостаточно — для того чтобы нас уничтожить.

Ласло: Это трудно осуществить в реальном мире.

Рассел: Я не утверждаю, что мы должны осуществить это. Я хотел лишь отметить, что обычно мы не беремся за ум до тех пор, пока ситуация не станет слишком скверной. Разумеется, не каждому необходимо заболеть для того, чтобы начать меняться; есть и такие люди, которые прислушиваются к советам и меняются заблаговременно. Именно такое отношение мы и должны поощрять на глобальном уровне.

Ласло: Я согласен с вами. Но это лишь подчеркивает настоятельную потребность в новом взгляде на себя и на мир, то есть на новой карте реальности. Стэн, вы в своих книгах пишете о новой картографии сознания. Не следует ли из этого и новая картография космоса? Если в

сознании есть поразительные аспекты, и если сознание связано с космосом, то вполне можно предположить наличие необычных аспектов и в космосе. Это должна быть картография, отличная от общепринятой.

Гроф: Новая, существенная расширенная карта психики, о которой я говорил и писал, в то же время является и новой картой реальности, поскольку две категории переживаний, которыми она обогащает традиционную картографию, рассматриваются в ней не как патологические нарушения, а как аутентичные аспекты существования как такового. Содержание переживаний, относящихся к первой из этих категорий, описывает привычный нам из повседневной жизни мир, но воспринимаемый с радикально иной точки зрения. Вместо того чтобы переживать его разнообразные элементы как объекты, мы *становимся* ими. И, как это ни странно, становясь ими, мы получаем доступ к новой и совершенно незнакомой ранее информации о них. Это радикально иной способ приобретения знаний о вселенной — мы не регистрируем различные качества внешних объектов посредством своего сенсорного аппарата с дальнейшим анализом и синтезом полученной информации, но становимся самими этими объектами.

Переживания второй категории еще более удивительны. В них фигурируют измерения реальности, существование которых отрицается западной индустриальной цивилизацией. Я говорю о мифологическом измерении существования, архетипических существах и областях, к которым древние и туземные культуры относились как к божественным. В момент переживания они столь же реальны или даже более реальны, чем наш повседневный опыт материального мира. И они тоже способны поставлять новую и точную, неизвестную прежде информацию.

Ласло: Складывается впечатление, что посредством таких переживаний мы обретаем совершенно иную картографию реальности.

Гроф: Совершенно верно. Ведь, в сущности, мы говорим о коллективном бессознательном Юнга или, как минимум, об одном из его важных аспектов. Другой интересный его аспект — это область, содержащая запись полной истории человечества. Взгляды Юнга на архетипические области не всегда отличаются ясностью. Первоначально он считал их чем-то изначально встроенным в «аппаратное обеспечение» мозга. Это в какой-то мере напоминает предрасположенность к инстинктивному поведению. В других случаях он ссылается на нее как на общее культурное наследие человечества. Еще позже Юнг стал рассматривать архетипы в качестве космических паттернов, превосходящих реальность консенсуса.

Данные, полученные при изучении неординарных состояний сознания, значительно подкрепляют третью точку зрения. Они дают основания предполагать, что область архетипов расположена между реальностью консенсуса и недифференцированным сознанием космического творческого принципа. К примеру, архетип Великой Матери-Богини подобен универсальному трафарету, находящему свое конкретное выражение в конкретных матерях.

В этой связи вспоминаются проходящие в наши дни философские дебаты между номиналистами и реалистами вокруг платоновской концепции идей. Номиналисты считают их абстрактным прообразом широкого диапазона конкретных объектов, и лишь последние для них являются реальными. Между тем, реалисты убеждены, что где-то на самом деле есть область, в которой платоновские идеи ведут реальное самостоятельное существование. Так или иначе, в измененных состояниях мир архетипов переживается весьма убедительным образом. Мы можем посещать множество различных архетипических областей, населенных мифологическими существами, точно так же, как материальный мир населен людьми, животными и растениями. Архетипические существа пребывают, по-видимому, на гораздо более высоких энергетических

уровнях и окружены отчетливой аурой нуминозности. Представляется очевидным, что они принадлежат к более высокому порядку, однако влияют на события на нашем уровне. Поэтому древние и туземные культуры считали их божествами. Такое отношение к архетипам очень легко понять.

Ласло: Стэн, могли бы вы привести примеры из более близких к нам времен?

Гроф: Много лет назад вышел очень интересный фильм о Ясоне, аргонавтах и поисках золотого руна. Сюжет его разворачивался на двух различных уровнях. На материальном уровне с Ясоном и его путниками случались разнообразные приключения. На другом уровне — в мире олимпийских богов — происходили свои события: конфликты, напряжения, любовные истории и т. п. Между уровнями существовала отчетливая взаимная связь. У каждого божества была своя сфера влияния на земле, свои любимцы и свои враги среди людей. События мира богов проецировались на материальный уровень, сталкивая человеческие персонажи с бурями, свирепыми животными и другими опасностями либо принося им различные подарки судьбы.

Сходная концепция лежит в основе представлений лучших представителей астрологии. Согласно их идеям, события, происходящие как в нашей психике, так и во внешнем мире, являются выражением архетипической динамики, которая, в свою очередь, соотносится с движением и положением планет. Поскольку планеты наблюдаемы, мы можем извлекать из этого наблюдения выводы о происходящем в мире архетипов, а также получать косвенную информацию о том, чего можно ожидать в материальной сфере. Эти связи по природе своей синхронистичны и не имеют ничего общего со случайностью. Поэтому материалистическим ученым, жестко ограниченным мышлением в терминах причины и следствия, так трудно допустить возможность, что в астрологии может быть какая-то ценность.

Ласло: Идеям Юнга присущ элемент, сходный с такими представлениями. Как хорошо известно, Юнг сформулировал свою концепцию архетипа в сотрудничестве с Вольфгангом Паули. Юнгу не давал покоя тот факт, что в то время как его собственное исследование человеческой психики ведет к встрече с такими «неприличными» объектами, как архетипы, исследование в области квантовой физики точно так же приводят к «неприличным» микрочастицам физической вселенной — к сущностям, которые, по всей видимости, полностью объяснить невозможно. Юнг пришел к заключению, что существование двух «неприличностей» вполне допускает возможность того, что в действительности речь идет не о двух различных явлениях, а об одном и том же. Согласно Юнгу, этим общим и единственным фактором, лежащим в основе всего и объединяющим мир физики и психологии, является *unus mundus*, единый мир. Это значит, что области разума и материи — *psyche* и *physis* — являются дополняющими друг друга аспектами одной и той же трансцендентальной реальности всеохватного *unus mundus*. Архетипы представляют собой фундаментальные динамические паттерны, разнообразные проявления которых характеризуют и ментальный, и психический процессы. В ментальной сфере они организуют образы и идеи; в физической — структуры и преобразования материи и энергии. Однако фундаментальная реальность — это *unus mundus*, не являющийся сам по себе ни психическим, ни физическим. Он лежит за пределами обеих этих сфер. В данном контексте нетрудно вспомнить выдвинутую в более поздние времена идею имплицитного порядка, также подразумевающую трансцендентную область за пределами пространства и времени, где все сведено воедино. Их разделяет лишь наше взаимодействие с эксплицитным порядком, который «разворачивается» в пространстве и времени.

Гроф: Сходные представления фигурируют и в процессуальной философии Уайтхеда, согласно которой все прошлое вселенной присутствует в каждом новом мгновении, в каждом конкретном «сейчас», как часть причинно-следственной действительности. Уайтхед находит место и для Бога, а также для иных так называемых вечных объектов. Читали ли вы недавно вышедшую книгу Рика Тарнаса «Страсть западного ума»?

Ласло: Я читал. Рик описывает там историю европейской мысли, обсуждая взаимоотношения между двумя уровнями реальности: общеизвестной, эмпирической — и архетипической, платоновской, или высшей, реальности. Кстати, он показывает, что ход европейской истории систематически обнаруживает корреляцию с положением планет. Например, Уран всегда фигурирует в ситуациях, когда великие, прометеевские личности, вроде Ньютона, Декарта, Фрейда, Юнга или Дарвина, совершают прорывы.

Рассел: Позволяет ли эта корреляция делать астрологические предсказания о времени свершения следующего прорыва?

Гроф: Она делает возможными архетипические прогнозы о качествах действующих энергий, но не конкретные предсказания. В таком прогнозировании остается место для определенной степени творчества и игры в пределах конкретной природы архетипов. Например, сейчас мы движемся в тройной связке с участием Урана, Нептуна и Юпитера. В астрологических терминах Уран, помимо прочего, соотносится с прорывами и революционными преобразованиями прометеевской природы. Нептун связан с растворением границ и с мистическим сознанием. Юпитер, в свою очередь, расширяет и увеличивает все, что вступает с ним в контакт. Поэтому мы можем прогнозировать, например, что такая комбинация астрологических архетипических энергий выразится в крупномасштабной духовной революции океанической природы с растворением и трансценденцией границ. Первыми симптомами этого архетипического влияния были падение Берлинской стены, объединение Германии, освобождение Восточной Европы и распад советской сверхдержавы.

Все это сильно отличается от революционного процесса шестидесятых годов. Он тоже происходил во время тройной связки — но с Плутоном вместо Нептуна. Плутон выражает дионисийскую энергию, связанную с сексом, смертью и возрождением, он приводит в действие динамические силы. Революционный импульс тех лет характеризовался иным качеством и привел к кровавым столкновениям с полицией и властями.

Следует добавить, что Рик Тарнас написал также небольшую книжку «Прометей пробуждающий» о роли Урана в научных, артистических и общественных революциях. Там приводится, в частности, пример прорыва в духе Урана, когда за один год Эйнштейн написал три брошюры, которые полностью перевернули физику. Тарнас сравнивает этот период с другим, уже под влиянием Сатурна, когда Эйнштейн вел теоретические споры с Нильсом Бором и отстаивал весьма консервативное отношение к развитию квантовой физики. Подобный же урановский прорыв совершил Дарвин, когда на его судне «Бигль», достигшем Галапагосских островов, его посетило внезапное озарение об эволюции видов.

Ласло: В мире природы существуют связи, перед пониманием которых разум бессилён. Видимо, в природе действуют какие-то тонкие силы и энергии, о которых у нас нет пока эмпирического знания, хотя может быть знание символическое.

Гроф: Астрологическое мировоззрение само по себе не относится к конкретным силам; оно

рассматривает реальность в терминах синхронистичного порядка, а не причинных связей. Оно рассматривает космос как единую, высокоорганизованную и взаимосвязанную систему, отражающую некий грандиозный проект, разработанный высшим разумом.

Рассел: В том, как астрология практикуется в наши дни, я не слишком разбираюсь, но мне интересны ее исторические корни, то, как древние видели этот мир. Мне выпала удача прожить многие годы в такой части Англии, куда не слишком доходит освещение от главных дорог и городов, и поэтому ночью там можно беспрепятственно наблюдать небо. В результате я стал хорошо понимать, как движутся планеты относительно положения звезд.

Могу сказать, что мое видение неба в основе своей совпадает с тем, которое было у людей тысячи лет назад, если не считать того факта, что их небеса были гораздо темнее, чем наши. Во время заката никакого искусственного освещения у них не было вообще, да и воздух был намного чище, чем сейчас, поэтому звезды, очевидно, выглядели куда ярче. К тому же у людей было больше времени и причин для того, чтобы смотреть на них, ведь их внимание не отвлекали телевидение, кино, компьютеры и даже книги. Половину их времени занимало одно лишь ночное небо — сверкающее и поглощающее все внимание.

Наблюдая движения планет, я заметил, что, похоже, и в моей собственной жизни все значимые события как-то соотносились с небесными конфигурациями. Одно такое событие произошло недавно, когда Луна находилась на полпути между Юпитером на одной стороне и Марсом с Венерой в связке — на другой, в то время как на востоке поднимался Сатурн. Не знаю, есть ли причинная связь между паттернами в небесах и моей жизнью; мне кажется, что эта связь скорее синхронистичная, непричинная, и тем не менее — осмысленная.

Интересно, откуда взялась астрология? Вероятно, древние время от времени смотрели на небо и видели, как планеты выстраиваются там, создавая любопытные конфигурации. Наблюдали ли и они соотнесенность между небесными рисунками и событиями их собственной жизни? Если да, то вполне естественно, что они стали вычерчивать эти рисунки для того, чтобы предсказывать будущие конфигурации и связи.

Гроф: Мне трудно поверить в то, что астрология на самом деле развивалась путем постепенного накопления данных в результате индивидуальных астрономических наблюдений и попыток соотнести их с историческими событиями и личными переживаниями. Мне это представляется маловероятным. Подозреваю, что открытие пришло сразу, во всей своей тотальности, как просветляющее видение высшего порядка, связывающее движения планет с архетипами, а также внешними и внутренними событиями. В истории творчества есть много примеров таких откровений.

Коль скоро мы уже говорим о небе и небесных телах — думали ли вы когда-нибудь о поразительном сочетании размеров Солнца и Луны и их расстояний до Земли, благодаря которому они кажутся нам примерно одинакового размера? Ведь именно это обстоятельство делает возможным такое зрелищное и незабываемое событие, как полное солнечное затмение. Доводилось ли вам это видеть? На мое шестидесятилетие Кристина подарила мне круиз на Гавайские острова, даты которого были специально подобраны так, чтобы участники круиза смогли наблюдать полное затмение. Это было потрясающе!

Прежде я уже не раз видел частичные солнечные затмения, смотрел на Солнце через пленку или закопченную стеклянную пластинку и видел, что часть Солнца отсутствует, словно его откусили. Признаться, это не производит особенного впечатления. Полное солнечное затмение отнюдь не является еще одним шагом в том же континууме. Это совершенно отдельное, уникальное явление. Даже когда затмение достигает восьмидесяти процентов, у вас еще нет

никакого представления о том, что вас ожидает. Но когда появляется так называемое «бриллиантовое кольцо» и затмение становится полным, вас словно швыряет в совершенно иную реальность. Я оказался неспособен отнестись к этому как к природному явлению, это была чистейшая магия. Было семь часов утра. Мы находились на теплоходе вместе с несколькими сотнями людей. Многие в ожидании затмения пили «кровоавую Мэри» и проводили время на палубе в самых разных формах пустых развлечений. Но когда началось затмение, все были захвачены этим явлением.

Мы часто слышим, что древние и примитивные культуры так чувствительно реагировали на затмения потому, что не знали природы происходящего. Но мы на этой палубе прекрасно понимали, что именно происходит, как, когда и почему, профессиональный астроном прочитал нам лекцию, тщательно подготовив нас к предстоящему событию. И тем не менее оно оказалось для нас потрясающим и невероятным.

Ласло: Мне кажется поразительным, что обычно люди не способны откликаться на достаточно часто происходящие природные явления. Например, на багровые закаты и потрясающий вид луны. Это фантастически прекрасные явления, однако люди их не замечают. Только подумайте: совершенно неожиданно наше Солнце словно проваливается за горизонт. Если смотреть на это таким образом, а не думать о том, что это всего лишь солнце и оно делает одно и то же ежедневно, нельзя не испытать изумления. Как могут люди так всецело быть поглощены своими делами, когда природа являет им столь величественные виды! Разумеется, люди искусства замечают их, но большинство людей — нет.

Гроф: В нашей психоделической работе мы часто наблюдали явление, которое мы называем «послесвечением». Мы встречаемся с ним и после мощных сессий холотропного дыхания. Оно может длиться несколько часов, дней или даже недель. Все это время восприятие мира резко изменено — обстановка кажется более живописной, цвета богаче и ярче, музыка звучит более чарующе, и заниматься любовью приятнее, чем обычно. Прикосновения, запахи и вкусы — все дарит массу живых ощущений, жизнь становится богатой и интересной. Блейк и впоследствии Олдос Хаксли говорили об этом явлении как об «очищении врат восприятия».

О потенциале искусства и ответственности артистов

Ласло: Мы заговорили сейчас о способности, характерной для людей искусства и других чувствительных и творческих людей. В этой связи возникает интригующий вопрос: может ли артист — поэт, живописец или музыкант — внести вклад в раскрытие того вида сенситивности, который так необходим сейчас для ускорения эволюции в сознании людей? Если это действительно так, то отсюда, как мне кажется, следует, что создание произведения искусства сопряжено с общественной и человеческой ответственностью. Разумеется, эта дилемма обсуждается уже многие столетия. С одной стороны, есть принцип *“l’art pour l’art”* — искусство ради самого себя, а с другой — соображение о том, что различные виды искусства способны делать для отдельного человека и даже ради человечества в целом.

Гроф: Последнее соображение безусловно предполагает ответственность артиста, однако не следует забывать, что для того чтобы оценить то, что может предложить артист, и

поддерживать искусство в целом, требуется весьма определенная аудитория. Артист — лишь одна часть уравнения; другой его частью являются чувствительность и восприимчивость аудитории, и их необходимо культивировать. Меня очень тревожит то, как низко в этой стране ценится гуманитарная деятельность и особенно искусство. Это то, что первым приносится в жертву всякий раз, когда возникает нехватка денег. Необходимо изменить приоритеты в нашей системе просвещения в сторону большего развития и воспитания аудитории и возвращения индивидуальных творческих способностей.

Рассел: В нашем обществе не учат ценить искусство или слушать музыку. Вам просто предлагают искусство, и оно либо вам нравится, либо нет. Вы не учитесь на тщательно продуманных курсах художественной оценки, которые помогли бы вам понимать то, что делают артисты, и осознавать важность их работы. Люди искусства вкладывают в свои творения сердце и душу, что-то, что имеет для них глубочайшее значение, но мы не умеем ни понять, ни оценить то, чем они пытаются с нами поделиться.

Ласло: Всегда есть отправитель, и есть получатель, даже если в конкретном опыте они могут быть в одном лице. Получатель, «воссоздающий» произведение искусства через собственное восприятие, в каком-то смысле тоже является артистом. Однако в современном мире существует тенденция отчуждать искусство и весь его мир от публики. Таким образом, искусство фактически хранится лишь для узкого круга избранных и посвященных.

Гроф: Эрвин, в своей книге «Творческий космос» вы цитируете высказывание композитора Шенберга о том, что подлинное произведение искусства предназначено не для всех, а такое произведение, которое действительно создано для всех и каждого, не является искусством.

Ласло: Действительно, Шенберг и многие другие артисты мыслили в терминах *l'art pour l'art*. Многие из них, хотя и не все, склонны к интровертности и не признают никаких обязательств, кроме как по отношению к своей деятельности. Они утверждают, что у искусства собственные законы и что оно несет ответственность лишь по отношению к самому себе. Тем не менее, искусство является и элементом человеческой культуры и, как таковое, способно служить компонентой культурной трансформации. Я считаю, что сообщество артистов должно вносить в нее свой вклад, так же как и сообщество ученых и просветителей.

Рассел: Артисты уже вносят свой вклад.

Ласло: Но относятся ли они к нему достаточно серьезно?

Рассел: Полагаю, большинство артистов относятся к своей работе чрезвычайно серьезно. По какой еще причине столь многие из них избирают образ жизни, в котором так мало финансового вознаграждения?

Ласло: Я говорю о серьезном отношении не к тому, что они делают, а к их роли в решении грандиозных задач, о которых мы здесь говорим, к их потенциальной способности ускорить культурную эволюцию.

Рассел: Я уверен, что некоторые относятся к этому вполне серьезно, но я также уверен и в том, что многие отнюдь не рассматривают свою работу в контексте изменения сознания на

глобальном уровне. В целом же, как я полагаю, артисты очень серьезно относятся к своим обязательствам по отношению к собственной работе, и мне не кажется так уж важным, осуществляют ли они свою деятельность в контексте культурной трансформации. Важно, что они делают именно то, к чему испытывают сильное влечение. Таким образом, каждый по-своему способствует развитию сознания.

Ласло: В принципе, великое искусство, почти по определению, постигает и доносит до других какие-то формы прозрения, и это необязательно должны быть рациональные открытия, как в науке. Обычно это прозрения, для которых необходима художественная чувствительность. Благодаря ей артисты способны вытягивать свою «антенну» и воспринимать настроение и дух окружающего мира — его лейтмотив, а также значительные отклонения от него. Но артисты не только эмпирические исследователи, они и коммуникаторы. А это значит, что их ответственность выходит за рамки лишь их собственного внутреннего мира и распространяется и на более широкий мир, разделяемый другими. Их аудиторией потенциально является любое созревшее человеческое существо, поскольку каждый человек способен извлекать пользу из эстетического видения, посредством которого люди искусства воспринимают свое время.

Гроф: Внимательный взгляд на историю человечества в целом и особенно на самые замечательные ее эпизоды убеждает в том, какую важную роль играют в ней визионерские состояния. Это верно не только в области искусства и религии, но также и в таких «жестких» науках, как химия, физика и даже математика. В своей замечательной книге «Высшее творчество» Уиллис Харман приводит множество примеров, иллюстрирующих это утверждение. Подлинное искусство не является продуктом человеческой деятельности в обычном смысле этого выражения, оно происходит из более глубоких духовных источников.

Рассел: Утверждаете ли вы, что искусство происходит из трансцендентального уровня сознания?

Гроф: Да, по крайней мере лучшие его образцы. Именно поэтому артисты и способны создавать своим искусством мост, с помощью которого другие люди могут достичь трансцендентальных областей. Этот механизм напоминает тот, который используется в коанах дзена или в тибетских мандалах. Для создания коана или мандалы учитель должен находиться в особом состоянии сознания. А будучи созданными, они, в свою очередь, предоставляют доступ к этому состоянию и другим.

Ласло: Мне кажется, артистам важно начать осознавать потенциал своего искусства.

Рассел: Зачем? Разве без этого они займутся чем-то другим? Если артист выражает свою душу, меняется ли что-то оттого, осознает он воздействие своей деятельности на других или нет? Он в любом случае будет стремиться к самовыражению.

Ласло: Я имею в виду не совсем эту сторону вопроса. Если артисты начнут осознавать, насколько в критической ситуации находятся они сами и их современники, и признавать способность искусства ускорить столь необходимую в наши дни эволюцию сознания, то из их гуманизма, чувства солидарности и ответственности вырастет новый вид искусства, более сконцентрированный и ориентированный на направления, благотворные для индивидуального и коллективного благополучия и развития.

Рассел: Вот только будет ли это великое искусство?

Ласло: Это зависит от определения «великого». Я не призываю к искусству, создаваемому по команде «сверху», вроде социалистического реализма или пропагандистских плакатов. Я призываю к тому, чтобы сами артисты осознавали свою ответственность. Именно ее демонстрировали такие великие художники, как Бальзак, Дюренматт, Ионеско, Пикассо и другие. Многие артисты не идут дальше ответственности перед своим искусством, но сегодня этого мало. Как мы только что сказали, искусство является элементом культуры, культура — элементом человеческого сообщества, а человеческое сообщество нуждается в новом сознании. Таким образом, в том, что касается эволюции нынешнего сознания, общество нуждается в искусстве.

Рассел: Это утверждение возвращает нас к одной из основных тем этого обсуждения. Изменения происходят в результате личного переживания — будь то определенные неординарные состояния сознания, личный опыт или какие-либо другие факторы. Это верно для артиста в той же мере, как и для любого другого человека. Артисты, как и все остальные, вовлечены во внутренний процесс, ведущий к большей зрелости и мудрости. И по мере того, как они продвигаются вперед в своем собственном внутреннем путешествии, они делят свой прогресс с другими. Я думаю, мы должны положиться на них в том, что на своем пути они делают то, что кажется им самым правильным. Нашей задачей является наша собственная внутренняя работа, которую мы стараемся сделать наилучшим образом. Как я уже говорил, легко указывать другим на то, что им следует делать лучше, чем они делают сейчас, но мы должны помнить, что в чужих глазах и мы сами являемся «другими».

Гроф: В этом отношении я хотел бы в качестве примера ситуаций, обеспечивающих благоприятный контекст как для обмена информацией, так и для переживаний, сослаться на семинары, которые проводит Международная Трансперсональная Ассоциация. Они регулярно проводятся в разных частях света, сводя вместе представителей самых разнообразных дисциплин, придерживающихся трансперсональной ориентации или по крайней мере питающих интерес к трансперсональной области. Среди участников семинаров есть психиатры, психологи, ученые, педагоги, священнослужители, духовные учителя, экономисты и даже политики. Пятидневная программа семинара включает в себя лекции, дискуссии, ритуалы, эмпирические сессии, дансинг и различные культурные мероприятия. В них принимают участие многие деятели искусств; кроме того, что они получают доступ к широкому диапазону трансперсональных идей, из которых могут черпать вдохновения, у них появляется уникальная возможность получить мощные личные переживания. Никто никого не старается убедить в чем-то или наставить. Семинары осуществляются благодаря личной заинтересованности участников, а не рекламе.

Ласло: В искусстве общение тоже не должно основываться на наставлениях. В конце концов, артист — это человек, переживающий свою жизнь и вносящий в это переживание особенно обостренную чувствительность. Это естественно находит свое выражение в произведениях искусства, порождаемых его эстетическим опытом.

Моя идея заключается в том, что если у артиста действительно есть такая чувствительность, то он несет ответственность за ее воплощение в жизнь. Речь идет не только о его личном спасении или индивидуальном эго — на чашу весов поставлено также благополучие других

людей и развитие общества.

Гроф: Искусство не обязано делать однозначные и всеобъемлющие высказывания для того, чтобы апеллировать к своему времени. Вспомните поразительный успех фильма «Звездные войны», в котором отнюдь не рассматривались актуальные вопросы нашей эпохи. Это была научная фантастика с глубоко архетипическими мотивами: борьба добра со злом, сообщество людей с высокими идеалами, защищающее свою свободу от посягательств со стороны империи зла, духовные ценности против дегуманизированного технократического общества, использование Силы... Все это происходит «когда-то, в некоей отдельной галактике», и тем не менее, как нетрудно видеть, все это актуально и для нашей нынешней ситуации.

Ласло: Таких примеров немало. Например, серия фильмов о Планете Обезьян. Публика живо откликнулась на них, потому что они рассказывают о том, как над человеческим семейством в целом нависает угроза. Совершенно неожиданно наш биологический вид из-за собственной недалекости оказывается поработан другим. Через этот сюжет создатели фильма смогли передать ощущение принадлежности ко всему человечеству. Есть и другие захватывающие образцы научной фантастики, но я не вижу их непосредственной уместности по отношению к конкретным проблемам нашей планеты. Существуют темы, куда более актуальные и отнюдь не менее интересные, чем межпланетные путешествия.

Рассел: Конкретный сюжет таких фильмов, как «Звездные войны», возможно, и не касается злободневных вопросов современности, но лежащие в их основе идеи весьма злободневны. Не только идея «Да будет с тобой Сила», но и многие другие: «гнев бесполезен», «ты должен преодолеть свои страхи». Эти идеи универсальны и актуальны для любых времен. Сходные серьезные сообщения, приложимые не только для персонажей в их вымышленной ситуации, но и для нас в нашем сегодняшнем дне, можно найти и во многих других удачных научно-фантастических фильмах. Возможно, это одна из причин их ошеломляющего успеха: в них сказывается глубокое постижение человеческой души.

Значимо и то, почему вообще такие идеи просачиваются в кинематограф. Люди, пишущие сценарии и ставящие фильмы, тоже являются человеческими существами, находящимися на своем личном пути самораскрытия. Когда они обнаруживают какую-то жизненную мудрость, они, естественно, стремятся сообщить ее остальному миру и стараются сделать это в таком формате, который в наибольшей степени способен донести их идеи до самой широкой аудитории. Этот вид коммуникации весьма тонок — если вы будете слишком явно проповедовать, люди не станут вас слушать. Сообщение должно быть оформлено правильным образом, и для этого требуется изрядное мастерство.

Однако, возвращаясь к вашему, Эрвин, вопросу о том, следует ли убеждать артистов, я думаю, что многие из них уже убеждены.

Ласло: Мой вопрос состоял в том, можно ли как-то убедить артистов настроить правильным образом свою сенситивность, вытянуть свои антенны и взять на себя сознательную ответственность по отношению к нашему времени.

Рассел: В постановке вопроса таится допущение, что они пока этого не делают.

Ласло: Я не думаю, что никто из них этого не делает. Разумеется, некоторые делают. Но я совершенно уверен, что люди искусства могли бы делать намного больше, чем сейчас, и что

число тех, кто берет на себя ответственность, может быть намного шире, чем теперь.

Рассел: Я все-таки слышу в этих словах предположение, что мы неким образом лучше их или знаем больше, чем они.

Ласло: Такой вывод не является неизбежным. Как сказал Бернард Шоу, для того чтобы судить о качестве омлета, необязательно уметь снести яйцо. Мы в состоянии ценить художественную продукцию, не умея производить ее самостоятельно. Мы можем взглянуть на то, что предлагает нам искусство, и сказать: Боже мой, если бы такая творческая способность в большей степени была направлена на переживаемые нами проблемы, как это могло бы помочь людям яснее понимать свои неприятности и свои задачи, а также справляться с ними. В этом отношении есть что улучшать.

Гроф: Мы говорим о том, что могли бы и должны были бы делать различные группы — ученые, экономисты, политики, а также артисты, и о том, как можно ускорить их деятельность. Я верю, что многого можно достичь, просто способствуя обмену информацией и поощряя открытый диалог как внутри каждой из этих групп, так и между ними. Кроме того, настоятельно необходимо системное мышление, сводящее мозаику разрозненных открытий и прозрений во всеобъемлющее целое.

Ласло: Возможно, существует не только научение, но и самообучение. Разве артисты не могли бы совместно обсудить свою роль в искусстве и цивилизации, в упадке нынешней фазы западной культуры и зарождении на ее месте чего-то нового? Это была бы величайшая задача, которую когда-либо решали люди искусства и не только они.

Гроф: Я действительно считаю, что очень многого можно было бы достичь с помощью той разновидности диалога, которую рекомендовал Дэвид Бом. В нем приняли бы участие разные категории артистов, исследующих свою позицию по отношению к ситуации. Люди искусства стали бы более сознательными, стали бы лучше осознавать наши общие проблемы и в конечном счете определили бы собственный способ отношения к ним и выражения их в своем искусстве.

Рассел: Думаю, что это ключевой момент. Как мы можем вдохновлять друг друга? Как можем служить друг для друга катализаторами?

Гроф: Согласно моему опыту, одним из таких мощных катализаторов является ответственная работа с неординарными состояниями сознания. В те годы, когда я проводил психоделическое исследование в Чехословакии, там не было жестких ограничений на профессиональное использование соответствующих препаратов. Многие артисты в Праге, услышав или прочитав про нашу работу, вступали с нами в контакт и просили провести с ними психоделические сессии. Мы соглашались, поскольку нам казался очень интересным вопрос о воздействии изменяющих сознание веществ на художественное выражение.

После своей эмиграции в США я в течение двадцати лет не мог посетить родную страну, поскольку мое пребывание в Америке расценивалось чешскими властями как противозаконное. По прошествии этого времени я наконец посетил Прагу, и там у меня появилась возможность побывать на выставках художников, которые некогда участвовали в психоделических сессиях по нашей программе. Картины располагались в хронологическом порядке, поэтому сразу можно было определить, когда именно у них были эти переживания. С того момента в их искусстве

происходил квантовый скачок.

Мы сами никак не пытались повлиять на их искусство; они были заинтригованы нашей работой и спонтанно выражали свой интерес к ней, а затем по-своему использовали приобретенный опыт.

Ласло: Похожий опыт был у нас в Будапештском Клубе. Одним из наших творческих членов была английская леди Маргарет Смитуайт. У нее были белоснежные волосы и прекрасные голубые глаза. Много лет она работала с детьми, уча их медитировать. Сначала она показывала им, как входить в медитативное состояние, затем давала задание нарисовать картину безмятежного мира, в котором дети и все остальные прекрасно ладят друг с другом, мира, в котором они хотели бы жить. Она работала с ними примерно неделю, снова и снова проводя медитации и занятия по рисованию. В конце этой недели она наблюдала огромную разницу, которую претерпевали рисунки детей. Мы пригласили ее провести такую неделю в одной из будапештских школ, а затем устроили выставку детских рисунков. Посетившие ее родители были потрясены.

Сегодня у нас несколько сот таких рисунков, выполненных детьми, которые живут в разных частях света и принадлежат к разным культурам. Маргарет занималась медитацией и рисованием с детьми австралийских аборигенов, американских индейцев, с детьми людей, уцелевших в чернобыльской аварии, с детьми из самых разных мест — близких и далеких. Несмотря на то, что каждому ребенку и каждой культуре свойственно собственное видение, в картинах проявлялись общие архетипические элементы. А в эволюции картин явно прослеживалось огромное влияние опыта медитации.

Еще одним членом Будапештского Клуба является Нато Фраска, художник, преподающий изобразительное искусство в римской Академии Изыщных Искусств.

В течение последних двадцати лет он дает своим студентам одно и то же задание: сделайте несколько автоматических набросков, находясь в легком медитативном состоянии; вообразите, что вы находитесь в материнской матке, просил он своих студентов, и позвольте своей руке двигаться по бумаге по собственной воле. На сегодняшний день у него набралось много тысяч таких набросков, которые он систематически анализирует. В результате Фраска разработал систему, позволяющую извлекать смысл из этих переплетений линий и пятен. Они сообщают ему сведения о том, когда именно произошло травматическое событие в период созревания в материнской утробе. (Добавлю, что травматическими для плода событиями считаются те периоды, когда он может быть оторгнут материнским организмом). Как обнаружили и вы, Стэн, оказывается, источник страха сохраняется в подсознании индивида в течение всей его жизни. Согласно опыту Нато, на набросках присутствие этого страха выражается в резких вертикальных линиях, словно падающих в пространство рисунка, что соответствует конкретным периодам созревания. Нато анализирует наброски и затем опрашивает мать студента, чтобы выяснить, на самом ли деле она переживала что-то необычное и травматическое в указанный период своей беременности. Более девяноста процентов опрошенных матерей подтверждают его интерпретацию.

Пересмотренные ценности и этика

Ласло: Теперь я предлагаю вернуться к вопросу о ценностях, поскольку в конечном счете

он имеет огромное значение для нашей жизни и нашего будущего.

Гроф: Имеете ли вы в виду ценности, возникающие у людей в результате неординарные переживаний, или ценности вообще?

Ласло: И то, и другое. Но давайте сначала рассмотрим собственно природу ценностей. Существует традиция, по крайней мере в западных философских школах, считать ценности чисто субъективным явлением. Но что из этого следует? Каков статус ценностей?

В этом случае они становятся игрой непостижимых личностных факторов, чисто субъективным капризом. Однако ценности — это нечто большее. Они объективно участвуют в жизни мира, управляют поведением людей, служат фактором их взаимодействия. Ценности представляют собой и личное, и общественное явление, они влияют на ход эволюции сообщества и на то, как люди относятся к своему окружению. Но если ценности являются частью объективного мира, то их надо принимать всерьез, так же как мы принимаем всерьез здоровье, болезнь или любое другое явление, от которого зависят наша жизнь и благополучие.

Гроф: Это безусловно так. Я верю, что существует система наиболее сущностных ценностей трансперсонального характера, которые выходят за пределы ценностей конкретных культур. Это этическая система, спонтанно зарождающаяся из глубоких мистических переживаний. Она содержит ценности, в отношении которых могут прийти к согласию люди из самых разных культур, если у них был опыт таких переживаний. Я неоднократно сталкивался с этим явлением в нашей работе. Один из родоначальников гуманистической психологии, Эйбрахам Маслоу, описывал его в связи с наблюдениями за людьми, имевшими опыт спонтанных мистических, или, согласно его терминологии, «пиковых переживаний». Маслоу называет эти ценности «мета-ценностями», а импульсы, заставляющие действовать в согласии с ними, — «метамотивациями».

Ласло: Говоря о надличностных ценностях, имеете ли вы в виду ценности, отличные от универсальных или транскультурных ценностей?

Гроф: Хороший вопрос. Предположительно, некоторые ценности могут быть одновременно и надличностными, и специфичными для определенных культур. Возможно, их лучше называть «универсальными» или «транскультурными». В частности, это относится к почитанию жизни как чего-то священного, к ощущению, что убийство является дурным действием, к состраданию к другим чувствующим существам и т. д.

Ласло: Что может служить примером надличностной, или универсальной, ценности, которая присутствует в уме у большинство людей?

Рассел: Думаю, Стэн только что привел такой пример: ощущение того, что убивать неправильно. Для нас эта ценность уже ассоциируется с более высоким состоянием сознания. Ведь вы не ждете, что святой станет оправдывать лишение людей жизни. Вы удивитесь даже если он будет выступать за убийство животных для нашего пропитания. Люди, чувствующие, что в убийстве нет ничего запретного, скорее всего рассуждают, исходя из непросветленного состояния, которым все еще правит эгоистический способ мышления: «мои потребности важнее всего». Любое оправдание лишения другого существа жизни всегда зиждется на некой автоцентричной системе ценностей. Когда люди учатся избавляться от своего эгоцентрического

способа бытия, они естественным образом начинают больше почитать жизнь. Для них отказ от убийства уже не требует никакого рационального обоснования — просто убийство ощущается как нечто неправильное.

Ласло: В философии мейнстрима наша моральная ответственность распространяется лишь на людей. Мы ответственны за свое поведение по отношению к другим человеческим существам на том основании, что люди, дескать, обладают неким «внутренним» измерением — они страдают, когда с ними плохо обращаются. Принципом «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой» философы сообщают нам, что мы должны принимать на себя ответственность в отношении других людей. Но в действительности это ограничение области моральной ответственности лишь человеческими существами весьма произвольно: оно слишком узко. Есть веские основания полагать, что внутреннее измерение — разновидность чувствования или субъективности — имеется у всех форм жизни. Если мы в это верим, то область нашей моральной ответственности должна распространяться на все формы жизни в биосфере.

Рассел: Давайте ненадолго вернемся на шаг назад и рассмотрим используемые нами термины. Для меня есть различие между ценностями и моралью. Ценности у каждого свои — это то, что мы «ценим», что считаем важным для себя. Они могут очень значительно варьироваться от человека к человеку. Кроме того, как мы уже говорили, по мере того как меняется способ мышления личности, меняются и ее ценности. Что же касается морали, то это, как я полагаю, свод кодов, разделяемых обществом и определяющих поведение личности. Это набор правил, которые связывают сообщество воедино и позволяют его членам сосуществовать друг с другом.

Многие из этих нравственных правил являются попытками сдерживать нашу автоцентричность, и все же они сами по себе не приходят из более высоких состояний сознания. В большинстве обществ существуют моральные предписания, запрещающие убийство, воровство и изнасилование, но это совсем необязательно происходит по причине того, что речь идет о глубоких ценностях. Обычно причина в том, что общество заинтересовано, чтобы его члены придерживались таких принципов. Нравственные правила нужны, чтобы люди могли сосуществовать, несмотря на свой эгоцентризм.

По мере повышения человеческой осознанности потребность в этих нравственных правилах уменьшается, и обществу в меньшей степени приходится навязывать свой набор ценностей. Чем больше у людей опыта переживаний, о которых говорит Стэн, тем меньше они обусловлены старым эгоцентрическим состоянием сознания. Они вступают в более тесный контакт со своими собственными глубочайшими ценностями и проживают их спонтанно. Их ценности происходят из их внутреннего мира, а не из социального кода.

Ласло: Тем не менее, потребность в ощущении нравственного сохраняется. Нам все еще необходима способность отличать моральные действия от аморальных.

Рассел: Я не уверен, что такое различие может стать универсальным. Моральные предписания очень относительны и сильно варьируются в зависимости от конкретного общества. То, что аморально для одной группы людей, может оказаться вполне моральным для другой. Люди, пребывающие в контакте с собой и своими глубочайшими ценностями, естественно, будут действовать так, чтобы причинять другим как можно меньше вреда. Но не исключено, что в терминах того или иного конкретного набора кодов их действия все равно будут классифицированы как аморальные.

Ласло: Иными словами, вы утверждаете, что мораль зависит от ожиданий, принятых в данной конкретной культуре.

Рассел: Совершенно верно.

Гроф: До тех пор, пока мы остаемся в сфере конкретных культур, мы находим этические ценности весьма идиосинкразическими, непоследовательными и капризными. То, что шокирует одну человеческую группу, вполне приемлемо и нормально для другой. То, что одно общество считает обязательным и неоспоримым императивом, вообще не находится в фокусе внимания другого общества. Это верно и в отношении различных субкультур — социальных, религиозных и политических — в одной и той же культуре.

Рассмотрим в качестве примера отношение к сексуальности. Если нам удастся освободиться от оков своих собственных культурных предубеждений и взглянуть на вопрос с транскультурной, универсальной точки зрения, мы сразу убеждаемся в том, насколько относительно и произвольны любые ценностные суждения на эту тему. В Новой Каледонии в одном племени было принято убивать новорожденных близнецов, если один из них был мальчиком, а другой — девочкой, поскольку они, разделяя пространство одной и той же матки, нарушили табу на инцест. Зато в аристократических кругах древних обществ Египта и Перу брак между братом и сестрой был священной обязанностью. В некоторых культурах супружеская неверность карается смертью, но эскимосский обычай гостеприимства предписывает хозяину предлагать гостю-мужчине свою жену. В некоторых культурах обнаженное тело считается совершенно естественным для представителей обоих полов, в других женщины обязаны покрывать все свое тело, включая некоторые части лица. Для одних культур полигамия, как и полиандрия, считается совершенно естественным и понятным явлением. В то время как в одних культурах гомосексуализм воспринимается как богохульство, преступление, наказуемое смертной казнью, форма морального увечья или болезнь, в других он считается вполне нормальным и приемлемым, а порой — даже превосходящим гетеросексуальность.

Однако есть и постконвенциональная мораль, преодолевающая границы предписаний и ограничений, которые накладывает на нас наша культура. Это нечто совсем иное, то, что личность переживает очень глубоко, почти на клеточном уровне, нечто, основанное на неотразимом личном опыте надличностной природы.

Ласло: Стэн, мне кажется, что необычайные переживания ваших пациентов, в которых они отождествляются даже с неживыми объектами, со всей планетой или со всем космосом, соотносятся с иной, неординарной ценностной системой.

До сих пор ценностные системы отличались высоким уровнем эгоистичности. Мы привыкли к высказыванию:

«Я не хочу, чтобы меня обижали, поэтому я сам не обижаю других». В значительной степени на этом же основана и христианская мораль, и вообще любая западная мораль.

В отличие от нее, буддистская система ценностей преодолевает ограничения эгоцентричной ориентации, поскольку ее заботой является все сущее. Люди, о которых вы рассказываете, тоже выходят в своих переживаниях за рамки эгоистичных интересов и начинают ценить мир в целом таким, какой он есть. Вероятно, это происходит потому, что те, у кого есть опыт таких переживаний, ощущают мир как продолжение самих себя: они — часть мира, и мир — часть их. Поэтому они движутся к внесоциальным и даже внечеловеческим ценностям, лежащим далеко за пределами тех ценностей, которые обычно ассоциируются с моралью.

Гроф: Да, вы абсолютно правы! Это становится очевидным в результате систематической духовной практики с личными переживаниями, когда часто наблюдаются этическое развитие и эволюция человека.

В этом процессе можно выделить несколько стадий. Сначала человек отказывается от определенных действий в силу примитивного страха быть схваченным и наказанным. На следующем уровне его поведение уже диктуется глубоко усвоенной системой заповедей или предписаний. Это то, что Фрейд называет супер-эго. Следующая стадия связана с осознанием закона кармы. Человек начинает понимать, что конкретные поступки влекут за собой конкретные последствия. Высшая форма нравственности проявляется в эмпирическом признании единства, объемлющего все мироздание, ощущении идентичности с другими чувствующими существами и осознании собственной божественности. В такой психодуховной эволюции изменение нашей морали отражает изменение в нашем понимании себя, мира и собственного места и роли в этом мире.

Ласло: Расширяются ли ценностные горизонты людей во время таких переживаний? Что говорит об этом ваш опыт, Стэн? Растут ли при этом люди? Эволюционируют ли они?

Гроф: Да. В некоторых формах эмпатии все еще присутствует элемент отдельности, различие между мной, как наблюдателем, и другим, тем, кто страдает. Есть разница между этой обычной жалостью и искренним состраданием, которое порождается чувством единства и тождественности с другими.

Ласло: Последнее, вероятно, глубже, нежели рациональное понимание. Видимо, это интуитивное переживание своей сопричастности.

Рассел: Я согласен с этим. Рассмотрим, к примеру, отказ от причинения страдания другим. Эту идею можно обнаружить в большинстве духовных традиций. По мере эволюции своего сознания люди начинают спонтанно тяготеть к ней. Вы знаете, что сами не хотите страдать, и теперь вы уже не желаете причинять страдание другим.

Это один из аспектов сострадания — сопереживать другому так же, как переживаем из-за самих себя, заботиться о другом, как если бы это был я сам. Эта способность возникает спонтанно, когда мы освобождаем свой ум от различных убеждений и концепций, отделяющих нас от других, и начинаем испытывать более глубокое сопереживание с ними.

Гроф: В необычных состояниях мы можем осознанно переживать отождествление со всем, что является частью мироздания, — с людьми, с животными, с растениями, с архетипическими существами. Возможно, для всего, что мы способны воспринимать как внешний объект, существует соответствующее субъективное переживание. Вы можете почувствовать, например, что стали секвойей. Вы ощущаете свое тело как дерево вместе с его корнями, с процессами движения микроэлементов и воды в корневой системе, даже с переживанием фотосинтеза в хвое. Это не просто гипотетический пример, я рассказываю о том, что произошло с одним из тех, с кем я работал. Да и у меня самого бывало такое. Это что-то невероятное!

Ласло: Как по-вашему, до какой разделительной черты доходит подлинная способность переживать страдание, радость и другие эмоции? Ограничена ли возможность испытывать чувства и эмоции только человеком, или же на это способны и другие существа — животные,

растения, может быть, вся биосфера?...

Рассел: Я не знаю насчет растений; вроде бы у них нет нервной системы, как у животных. И мне неизвестно, зависит ли способность к страданию от наличия нервной системы, означает ли ее отсутствие, что они не могут испытывать боль? Не знаю. Но я без колебаний опустил бы эту черту ниже уровня позвоночных. У меня нет сомнений в том, что касается насекомых. Мне бы не пришло в голову оторвать пауку конечности, потому что, как мне кажется, ему это причинит боль.

Ласло: Любопытно, не служит ли связь между листьями и ветками дерева с его стволом для фиксации каких-то ощущений, вроде боли. Возникает ли в растении некое качественное ощущение, когда отрывают его листья или ветви?

Рассел: Я на самом деле этого не знаю, ведь опираться я могу лишь на собственный опыт. Отрывание ног у паука я ощущаю как нечто неправильное, но сорвать лист с дерева могу без особых терзаний. Вероятно, я провожу некую умозрительную границу между пауком и деревом.

Ласло: Пожалуй, у меня это не так. Я склонен полагать, что даже атом кислорода, когда его бомбардируют лучами, «чувствует» нечто качественное, подобное самым элементарным формам боли.

Гроф: Возможно, существует бесконечное разнообразие проявлений дискомфорта, связанных с процессами, которые протекают на всех уровнях бытия. Мы говорили здесь об Уайтхеде. Я считаю, что его открытия не покрывают сколь-либо полного диапазона надличностных переживаний. В частности, потому что он считает сознание самой последней стадией в процессе биологического сращения.

Рассел: Пожалуй. Но, с другой стороны, разве Уйтхед не считал, что некая внутренняя жизнь — не обязательно сознание в той форме, в которой оно нам знакомо, а некий внутренний мир — простирается по всему эволюционному древу, достигая самых базовых элементов материи?

Ласло: В его воззрении есть место для так называемых «сообществ истинной сущности», имеющих собственное внутреннее измерение, и в их число входят даже молекулы.

Гроф: Он писал также, что каждая истинная сущность содержит в себе всю историю вселенной вплоть до настоящего момента. На обычном уровне восприятия мы, как правило, не осознаем всего, что составляет настоящий момент, все то, что втекает в его. Мы вполне могли бы воспользоваться его моделью, допустив, однако, что в измененных состояниях некоторые конкретные аспекты этой истории могут неожиданно всплыть наверх, становясь полностью осознаваемыми. Они могут проявляться как образы людей, животных, растений, неорганических объектов и даже архетипов, или, следуя терминологии Уайтхеда, «вечных объектов».

Ласло: В столь обширном диапазоне идентификации ценностная система человека способна стать менее эгоцентричной, менее ограниченной. Переживания отождествления в подобных измененных состояниях сознания могли бы стать мощным социализирующим фактором в нашем мире.

Гроф: Да, так оно и есть.

Второй день

Вечер

Предельные вопросы: Заключительные размышления

Карма

Ласло: Мы затронули целый ряд фундаментальных, возможно даже — предельных вопросов. Не стоит ли обратиться к некоторым из них снова? Что мы можем из них извлечь? Возьмем, к примеру, поразительные способности, возникающие в людях, когда они входят в измененные состояния сознания.

Гроф: Когда люди занимаются самоисследованием, используя необычные состояния сознания, нет необходимости преподавать им экологию или этику. В результате надличностных переживаний их система ценностей автоматически претерпевает изменение, и в них развивается глубокая экологическая осознанность, терпимость и сострадание. Сходное воздействие оказывает опыт психодуховной смерти и возрождения: ваше переживание идентичности начинает распространяться и на других существ. Опыт смерти это ведет к значительному расширению самоидентификации.

У этого процесса бывают весьма важные практические последствия. Мы проводили программу психоделической терапии для онкологических больных на необратимой стадии заболевания, находящихся на пороге неминуемой смерти. Переживания такого типа помогали им преодолевать страх смерти и глубочайшим образом меняли все их внутренние установки, качество оставшихся дней жизни и само переживание умирания.

Рассел: Ранее я говорил о своей недавно умершей близкой подруге. В последние дни с ней произошло нечто весьма примечательное: она приняла идею собственной смерти. До этого она целый год боролась с ней. Все время повторяла: я не готова уходить, мне еще рано, я не хочу, я не готова. Но за неделю перед смертью она вдруг заговорила по-другому. Как ты думаешь, — спрашивала она, — мне уже пора уйти? Или надо еще немного повременить? Она вдруг совершенно расслабилась, похоже было, что все страхи внезапно покинули ее. Это было удивительно.

Я иногда думаю о том, что рано или поздно мы все должны пройти через это. Я имею в виду не собственно умирание, а это отпускаяние страха смерти. В идеале оно должно стать частью нашего образования. Желательно, чтобы нам помогли выйти за границы этого страха, и тогда мы сможем прожить остаток своей взрослой жизни без этой висящей на нашей шее гигантской, хоть и невидимой, тяжести. Если бы такое воплотилось в жизнь, мир бы очень изменился.

Гроф: Как я понимаю, древние мистерии смерти и возрождения и ритуалы перехода в туземных культурах как раз и помогали людям пережить умирание задолго до биологической смерти. Немецкий монах-августинец 17 века Абрахам из Санта-Клары сформулировал эту идею

в очень лаконичной форме: тот, кто умрет до того, как умрет, не умрет, когда умрет. Когда у вас есть такой опыт, вы уже воспринимаете смерть не как конец того, кем вы являетесь, а как фантастическое путешествие, переход в иную форму и на иной уровень существования. Независимо от того, соответствует ли такое восприятие глубокой вселенской истине или представляет собой утешительное заблуждение, как считают некоторые материалистически настроенные критики трансперсональной психологии, оно, безусловно, способно преобразить человеческую жизнь.

Ласло: Некоторым прозрениям о смерти и возрождении уже тысячи лет, но они все еще не имеют себе равных по глубине. В «Тибетской книге мертвых» прекрасно то, что она дает наставления духу или душе человека после его смерти. С другой стороны, нам очень трудно принять идею о том, что возрождение является не освобождением, а узам. Дух умершего до самого последнего мгновения борется ради того, чтобы освободиться в нирване, а не родиться заново.

На последней стадии этой борьбы предпринимается попытка запереть вход в лоно матери, которая, если попытка не увенчается успехом, его родит. Согласно нашей системе ценностей, было бы хорошо вновь родиться в условиях здоровья и материального благополучия.

Гроф: На этот счет есть различные мнения в разных духовных системах, в том числе и в разных направлениях в самом буддизме. Конечно, ранние буддисты Хинаяны не видели особой ценности в воплощенном существовании. Материальная сфера была для них трясинной смерти и повторного рождения, юдолью страданий. Они предлагали в качестве решения изжить «жажду плоти и крови», вырваться из воплощенного бытия и достичь нирваны. Санскритское слово «нирвана» происходит от того же корня, что «ветер» (*vatah*), и буквально означает «исчезновение». Однако более поздний буддизм Махаяны учит, что нирваны можно достичь в миру, устранив из нашей жизни три «яда»: невежество, вожделение и агрессивность.

Некоторые духовные системы считают целью достижение единства с Богом, с недифференцированным божественным. Я писал об этом в своей последней книге «Космическая игра», посвященной философским и метафизическим прозрениям, сделанным в необычных состояниях. В таком определении цели есть своя серьезная трудность. Люди, действительно переживающие союз с божественным, понимают, что это не только цель и конечный пункт духовного путешествия, но и источник творения. Если бы это состояние было абсолютно самодостаточным и совершенно полным в своей изначальной недифференцированной форме, то мир никогда бы не был сотворен. Творение феноменальных миров раздельности является, таким образом, неизбежным аспектом Бога, а, значит, в мире, в котором мы обитаем, есть нечто очень ценное.

Едва ли существует удовлетворительное, окончательное решение этой дилеммы. Недифференцированное божественное нуждается в акте творения, а расколотые единицы сознания в этом мире страстно стремятся вернуться к первоначальному единству. Поэтому возникает следующий вопрос: можно ли как-то разумно приспособиться к этому динамическому напряжению в космической системе, и если да, то как? Очевидно, решение не состоит в том, чтобы отвергнуть телесное существование как низшее и лишенное ценности и попытаться вырваться из него. Любое удовлетворительное решение должно будет вобрать в себя и земное, и трансцендентальное измерение, и мир форм, и область бесформенного.

Материальная вселенная в том виде, в каком мы ее знаем, предлагает бесчисленные возможности для необычных приключений в сфере сознания. Лишь в физической форме и на материальном плане мы можем влюбляться, наслаждаться экстазом секса, растить детей,

слушать музыку Бетховена или восхищаться картинами Рембрандта. Только на земле мы можем слушать пение соловья или вкушать вуаябез и другие деликатесы. Но когда мы полностью отождествляемся с телом-эго и свято верим в то, что материальный мир является единственной реальностью, мы не можем в полной мере наслаждаться своим участием в творении. Мы одержимы ощущением своей личной незначительности, непостоянства всего и неизбежности смерти.

Для того чтобы разрешить дилемму, необходимо обратиться внутрь себя. Когда мы в достаточной мере располагаем эмпирическим знанием надличностных аспектов существования, включая нашу собственную подлинную идентичность и наш космический статус, повседневная жизнь становится более легкой и вознаграждающей. По мере продолжения своего внутреннего поиска, мы рано или поздно открываем за пределами всех форм сущностную пустоту. Как утверждают буддистские учения, знание виртуальной природы феноменального мира и его пустотности способно помочь нам достичь свободы от страданий. Это предполагает также признание того факта, что вера в реальность отдельной личности, включая нашу собственную, в конечном счете является заблуждением.

Ласло: Идея кармы полна смысла и привлекательности. Это идея продолжающегося не только всю жизнь, но и после смерти, процесса роста и развития. Вы можете улучшать состояние каждой своей жизни до тех пор, пока не достигнете более высокого измерения. Это очень осмысленный взгляд на жизнь — и на смерть.

Гроф: Много лет назад меня пригласили в Вашингтон для участия в конференции, организованной по инициативе сенатора Клейборна Пелла. Ее темой была возможность продолжения сознательного существования после смерти.

Там собрались представители академического мира с впечатляющим списком заслуг, а также ряд выдающихся духовных учителей. Мы взялись за предложенную тему со всей серьезностью и научной строгостью. Руперт Шелдрейк выступил с докладом о возможности сохранения памяти после смерти; Чарльз Тарт представил соответствующие данные парапсихологических исследований, а я вынес на обсуждение результаты наблюдений в области исследования сознания, которые поддерживали предположение о жизни после смерти. Взглядами своих религий на эту тему поделились тибетский лама Согьял Ринпоче и архиепископ Джон Спондж.

По общему впечатлению, которое сложилось в ходе этих выступлений, по обсуждаемому вопросу накопилось достаточно много материала, заслуживающего серьезного отношения и систематического исследования. Захватывающе интересны, к примеру, рассказы из жизни Тибета об использовании специальных тестов для проверки предположения о том, что тот или иной ребенок является перерождением конкретного ламы. Это же можно сказать и о допускающих фактологическую проверку рассказах о внетелесных переживаниях в околосмертных ситуациях.

Ласло: У меня был интересный обмен идеями с Ианом Стивенсоном об интерпретации феноменов реинкарнации. Я не считаю, что феномены так называемых воспоминаний о предыдущих жизнях следует интерпретировать исключительно как доказательство перевоплощения души. Их можно толковать и как проявление паранормального доступа к надличностной информации, которая, возможно, приходит к нам из разумов и переживаний других людей и лишь переживается как наши собственные, весьма необычные воспоминания.

Гроф: В любом случае вопросы реинкарнации и продолжения сознательного существования после смерти представляют не только теоретический интерес. Они имеют весьма серьезное практическое значение. То, как мы отвечаем для себя на эти вопросы, очень глубоко воздействует на наше поведение. На переживаемом нами глобальном кризисе это может сказаться самым значимым образом. Из представлений о том, что живем мы только один раз, следует, что если мы способны избежать мирского правосудия и возмездия за свои прегрешения и ошибки, то никакой иной ответственности за них мы брать на себя не должны.

Ласло: Люди борются за обладание всеми возможными привилегиями и удовольствиями в своей, как им кажется, одной-единственной жизни. Как говорит популярная реклама: «Живешь лишь раз». Такая установка усиливает потребительское отношение и гедонизм. Вы хотите получить лучшее, что только можно получить в этой жизни, поскольку это единственное, что она может дать.

Гроф: Наши убеждения в отношении реинкарнации оказывают на нас серьезное воздействие в нравственной сфере. Как сказал Платон: вера в то, что после смерти ничего нет, является «благом для порочных».

Рассел: С другой стороны, общества, которые верят в ту или иную форму жизни после смерти, могут использовать эту веру для контроля и манипуляций. Дескать, если вы не придерживаетесь в своем нынешнем поведении нашего конкретного набора представлений о праведности, вы будете наказаны в будущем.

Гроф: Но концепция кармы не предполагает возмездия или наказания. Это вселенский закон, согласно которому наши действия автоматически влекут за собой последствия. Мы можем познакомиться с ним, понять его и использовать это знание как ведущий принцип своего поведения. Это похоже на наше знание о том, что если подойти к огню слишком близко, он обожжет, ибо такова его природа, или что вещи падают, если не имеют опоры. Когда мы действуем в неведении этого закона, относясь к другим так, как будто они в фундаментальном смысле отличны от нас, мы всё глубже погружаемся в мир материи, иллюзии и страдания. В чем большей степени мы видим в них самих себя, тем дальше мы движемся к миру единства и духа.

Рассел: Идея кармы в том виде, в каком она знакома нам сегодня, возможно, отличается от ее первоначального смысла. По всей видимости, сама идея сначала возникла из какого-то очень простого прозрения, как и многие другие духовные открытия, а затем модифицировалась и приукрашивалась по мере того, как ее передавали из поколения в поколение. Слово *карма* на санскрите буквально означает «действие», и, скорее всего, оно означало простое, но имеющее глубокий смысл, понимание того, что все мы обусловлены действием и его последствием. Мы действуем не в пустом пространстве; наши поступки неизбежно порождают в нашей среде волнение, которое воздействует затем и на нас самих, и на все остальное. В христианстве об этом говорят: «что посеешь, то и пожнешь». Для этого необязательно должна существовать некая вселенская система подсчета наших действий и воздаяния за них. Скорее, это общий принцип, действия которого мы не можем избежать.

Ласло: Первоначальное воззрение предусматривало и цикл перевоплощений. Что бы вы ни делали в этой жизни, она является лишь частью вашего существования, поскольку существование и было до нее, и будет после нее.

Гроф: В своей работе с необычными состояниями сознания я часто наблюдал характерный сдвиг в отношении людей нашей культуры к теме реинкарнации. Средний западный человек приходит на наши семинары, разделяя веру в одну-единственную жизнь. Идею перевоплощения он или она считает абсурдом. То, что продолжительность нашего существования ограничена периодом от зачатия до биологической смерти, представляется слишком очевидным. Я и есть мое тело, а сознание — продукт моего мозга. Гибель тела является абсолютным и бесспорным концом того, кем я являюсь, включая и мое сознание.

Однако переживания, связанные с памятью о прошлых жизнях, носят столь убедительный и всеохватный характер, что у людей обычно самым драматичным образом меняются убеждения. Мы вспоминаем нечто, что происходило в другом веке, в другой стране, и переживается это как бесспорно подлинное воспоминание (*deja vue, deja vecu* — прежде виденное, прежде пережитое). В ходе этого процесса мы часто осознаём некоторые свои эмоциональные и психосоматические проблемы как наследие прошлого опыта. Более того, когда ситуация, породившая проблему, проживается полностью, мы можем даже освободиться от нее. Подобные переживания могут обеспечить доступ к радикально новой информации об иных исторических периодах и цивилизациях.

В свете всего этого становится ясно, что у человека с надличностным опытом имеются веские основания для того, чтобы относиться к идее реинкарнации весьма серьезно и даже быть озабоченным чем-то еще более важным, чем события этой жизни. Как известно, травматические переживания младенчества и детства способны оказывать пагубное и искажающее влияние на последующие годы жизни; поиск таких событий составляет важную часть большинства видов конвенциональной психотерапии. Но вот — травматическое событие найдено, и неожиданно выясняется, что оно пагубным образом повлияло не на одну жизнь, а на целую серию последовательных воплощений. Осознав это, люди могут превратиться в своего рода «охотников на карму».

Что же произошло? Люди, которые прежде воспринимали себя сущностями, ограниченными во времени и пространстве, сочетаниями эго-тело, живущими всего один раз, внезапно преодолели в своем переживании границы линейного времени. Теперь они убеждены, что уже жили в прошлом и, судя по всему, будут снова воплощаться в будущем. Но для того чтобы прийти к такому убеждению, они должны быть уверены в том, что они существуют в пространстве отдельно от других людей. Потому что без действующих лиц не может быть никакой кармы.

По мере продолжения их поиска у них могут возникнуть другие виды переживаний, которые, в свою очередь, убедят их в том, что их ощущение своей отдельной сущности — иллюзорно, что они являются частью единого поля космического сознания, включающего все и всех. С этого момента они перестают верить в карму, поскольку начинают рассматривать и кармические сюжеты как продукт майи, вселенской иллюзии. Однако это новое неверие в карму радикально отличается от их первоначального скептицизма, так как теперь они знают, что человек бывает в разных состояниях сознания и что в некоторых из них идея перевоплощения воспринимается как абсурд, а другие убеждают его во всеобъемлющей значимости кармы. На вопрос о карме нет единого и недвусмысленного ответа. Все зависит от эволюционной стадии сознания, на которой вы находитесь.

Ласло: Выходит, что на самой высокой стадии, доступ к которой осуществляется в зависимости от уровня, достигнутого в течение жизни, могут существовать разные кармы. В определенном смысле, мы влияем на выбор собственной будущей жизни.

Гроф: В тибетской Ваджраяне есть истории о продвинутых ламах, которые способны полностью сохранять сознание при переходе через три бардо — промежуточных состояния, которые личность переживает между смертью и следующим воплощением. О некоторых сообщается, что они могут предсказать и даже решить по своей воле, когда, где и в каком теле они воплотятся в следующей жизни.

В связи с перевоплощениями есть один момент, который я пока не акцентировал в достаточной степени, а сейчас хотел бы это сделать. Самой существенной характеристикой переживания опыта прошлой жизни является полное ощущение достоверности этого воспоминания: я понимаю, что это со мной происходит не впервые, я помню, что когда-то на самом деле был этой личностью. Бывают и другие переживания, где вы оказываетесь в других эпохах и других местах, но они лишены элемента такого личного воспоминания. К примеру, я могу отождествиться со священником-инком, с римским солдатом или пьяной мексиканкой, но не испытать чувства своей личной причастности к переживанию. Это лишь своего рода окно в юнгианское коллективное бессознательное.

Современная физика продемонстрировала, что в мире нет отдельных объектов, что вселенная представляет собой единую паутину субатомных процессов. И все же, в нашей повседневной жизни нам свойственно особое, собственническое отношение к своему индивидуальному существованию, к своему телу, к своему эго. Когда процесс самоисследования достигает коллективного бессознательного, все человеческие жизни, прожитые на протяжении истории человечества, становятся нашей жизнью. Как я уже уговорил, все они имеют лишь одно действующее лицо — Абсолютное Сознание, Брахман, Дао, можно воспользоваться любым из терминов, которым мы его называем. Однако в отношении некоторых из этих отдельных жизней мы испытываем такое же собственническое чувство, переживая их как «свои прошлые жизни». При этом мы еще не отпустили свое эго полностью, все еще держимся за остатки своей отдельной идентичности.

Ласло: Считаете ли вы переживания прошлой жизни доказательством того, что существует — скажем несколько упрощенно — узел сознания, который претерпевает физическую смерть и снова перевоплощается?

Гроф: Нет, не обязательно. Скажем, для индуистов учение о реинкарнации является не верой в обычном смысле этого слова — то есть необоснованным и неподтвержденным мнением, — а чрезвычайно прагматическим вопросом. Это попытка обеспечить каким-то концептуальным оформлением широкий диапазон необычных переживаний и наблюдений. Однако даже в индуистской традиции вера в непрерывность некой отдельной единицы сознания, неоднократно перевоплощающейся жизнь за жизнью, была бы воспринята как весьма примитивная, низкого уровня, интерпретация фактов.

Согласно более утонченным учениям индуизма, есть лишь одно-единственное существо, которое действительно перевоплощается, и это Брахман. До тех пор, пока в вашей истории есть более одного действующего лица, вы все еще пребываете под влиянием космической иллюзии, или майи. Существование представляет собой единое поле, и любые границы, которые мы переживаем внутри него, всегда относительны и в конечном счете могут быть преодолены. Мы можем переживать себя как отдельное тело-эго, отождествляться со всеми матерями в мире, со всем человечеством в целом, даже со всей биосферой. Но в окончательном смысле все эти границы произвольны и преодолимы.

Ласло: То, как люди в современных обществах воспринимают себя, то представление, которое у них есть о человеческом существе как таковом, претерпело значительное изменение — даже только в течение одного этого столетия. И тем не менее распространенный в обществе образ человека все еще не дотягивает до того, который был бы адекватен жизни на этой маленькой и взаимозависимой планете. Каков же именно сегодня образ человека? И, особенно интересно, каков превалирующий взгляд на природу его сознания? Ответы на эти вопросы могут играть решающую роль в поведении людей в конкретных обстоятельствах.

Рассел: Наш образ себя уже меняется. Согласно прежнему взгляду, люди неким образом отличны от остальных созданий, мы особые, поскольку у нас есть сознание, а у других существ его нет. Такое умонастроение характерно не только для части научного мейнстрима, но и для классического христианства. Однако рано или поздно оно порождает трудные вопросы: что такого есть в человеческих существах, что делает их сознательными? Каким образом сознание возникает из неодушевленной материи?

Согласно новому подходу, обретающему все больше сторонников, различие между нами и другими существами состоит не в наличии сознания, а в *степени* его наличия.

К примеру, собаки, по-видимому, чувствуют боль. Если бы мы так не считали, им бы не вводили анестетики, когда их оперируют. Кроме того, похоже, что во сне они видят сновидения. Они умеют узнавать людей и места и действовать, преследуя конкретные цели. Заявление о том, что собака лишена сознания, что ее опыт не имеет внутренней составляющей, было бы так же смешотворно, как утверждение, что сознания нет у моего соседа, живущего через дорогу. Нас отличает от собак не само сознание, а то, что в нем происходит. Мы, люди, способны думать словами, рассуждать, постигать мир, в котором живем, можем думать о будущем и принимать решения, и мы осознаём себя и сам тот факт, что у нас есть сознание.

То, что говорилось о собаках, верно и в отношении других млекопитающих — кошек, лошадей, дельфинов, — все они обладают внутренним переживанием мира. Я думаю, оно есть и у птиц, змей, лягушек, рыб. Все они позвоночные, у них есть мозг, позвоночник и органы чувств, принципиально схожие с нашими. Вопрос не в том, почему у нас есть сознание, а как далеко вниз по эволюционному древу распространяется осознанность.

Мне трудно решить, где провести эту черту. У насекомых есть простая нервная система. Почему бы и им не иметь сознание, пусть даже оно равняется лишь крошечной доле нашего? Может быть, нервная система не порождает сознание, а лишь усиливает его. Может быть, даже отдельная клетка обладает какой-то зачаточной формой сознания. Даже если по сравнению с богатством известных нам переживаний оно ничтожно, можно ли утверждать, что у нее нет вообще никакого сознания?

С этой точки зрения, сознание не эволюционирует, но является свойством, присущим жизни. Эволюционирует, как я сказал, лишь степень обладания сознанием.

Ласло: Именно это я и имел в виду, когда мы говорили о переживаниях боли и радости в контексте этики и морали. Я склонен подозревать, что даже молекулы и атомы обладают какой-то формой внутреннего измерения, неким элементом, напоминающим субъективное переживание. Эта мысль, конечно, не нова; она хорошо известна из истории философии — как на Востоке, так и на Западе.

Однако можете ли вы поподробнее разьяснить идею универсального сознания, степень выраженности которого составляет субъект эволюции?

Рассел: В понимании универсальной природы сознания полезной аналогией может послужить картина, написанная на холсте. Какова эта картина — зависит от красок, от качества кистей, от вдохновения художника. Но какая бы ни писалась на холсте картина, простая или сложная, холст — тот же, и он совершенно необходим. Без холста не было бы и картины. Точно так же обладание сознанием является необходимой предпосылкой любого переживания. Варьируются лишь образы, возникающие в сознании. Простейшие организмы переживают простейшие картины реальности. Существа с эволюционировавшими органами чувств могут более детально переживать мир в своем уме. Чем сложнее нервная система, тем глубже обработка сенсорных данных и целостнее картина реальности.

Главной причиной, по которой человеческое сознание разительно богаче, чем сознание других животных, является тот факт, что мы развили речевую способность. Используя слова, то есть в сущности — символы, мы можем сообщать друг другу различные аспекты своего опыта. Это означает, что мы умеем делиться друг с другом своими переживаниями. Собака обучается главным образом на собственном опыте, свое познание мира она вынуждена строить с самого нуля. Люди учатся не только на собственном опыте, но и на опыте других. В результате мы сформировали коллективный корпус знания, значительно превосходящий все, чего мог бы достичь в одиночку каждый отдельный индивид. Поэтому у нас есть образование. Мы стремимся передавать свое понимание другим, чтобы они могли извлекать пользу из чужого опыта.

Вероятно, самым важным следствием развития языка является способность мыслить. Мы используем язык не только для общения друг с другом, мы пользуемся им и во внутреннем измерении, мысля словами. Из этого развилась способность рассуждать, думать о прошлом, воображать будущее, делать выбор, думать о своих переживаниях. Из этого возникло и самосознание: мы сознаем, что мы сознаем; мы осознаём тот факт, что у нас есть сознание.

Ласло: Способность осознавать свою способность осознавать — так называемое «рефлексивное сознание» — открывает тому, кто им обладает, воистину новое измерение.

Рассел: Само-рефлексирующая природа нашего сознания открывает нас для восприятия божественного. Та или иная форма чувствительности, которую разделяют все чувствующие существа, близка к мистическим представлениям о Боге. На протяжении всей человеческой истории, в самых разных культурах, мистики неоднократно заявляли о единстве своей личной идентичности и Бога. В индуистской философии это находит свое отражение в концепции единства Атмана, то есть сущности нашего сознания, и Брахмана — сущности и источника всего бытия. В христианской традиции именно это прозрение, судя по всему, стояло за фразой, как «Я есмь Бог», хотя для многих мистиков такие высказывания оканчивались неприятностями с церковью, считавшей их еретическими.

Сегодняшняя наука не слишком много внимания обращает на эту универсальную природу сознания. Она все еще находится в плену старой модели, согласно которой пространство, время и материя составляют первичную реальность, а сознание каким-то образом возникает из них. Но по мере того как наука будет относиться к теме сознания все более серьезно, ей постепенно придется разработать иную парадигму, в которой сознание рассматривается как столь же первичное качество реальности, как пространство, время и материя. И тогда она откроется для нового понимания того, о чем тысячелетиями говорила религия. Это будет уже не классический Бог — этаким старик на небесах, — а представление о Боге, прекрасно согласующееся с

научным пониманием мира. Именно тогда начнут происходить по-настоящему интересные перемены. Сейчас они еще не начались, но я верю, что мы к ним идем.

Гроф: Пит, многие представители основной части научно-материалистического мейнстрима категорически не согласились бы ни с чем из того, что вы говорите. Например, с тем, что способность к осознанности пронизывает все живое и все сущее, что наша глубочайшая сущность божественна. Я помню ряд экстремистских заявлений, сделанных после того, как Норберт Винер сформулировал основы кибернетики. Например, когда была сконструирована механическая лиса, способная преследовать кролика, не имея никакого субъективного представления о его существовании, было всерьез высказано предположение, что все животные на самом деле таковы, что они всего лишь механические системы, лишённые всякого субъективного осознания и ведомые лишь сложными последовательностями стимулов и реакций. Отказать в сознании людям было труднее, ведь мы все переживаем его.

То, о чем вы говорите, не является всего лишь метафизическим теоретизированием или псевдофилософской спекуляцией. Материалистические критики не в состоянии принять в расчет факт наличия эмпирических свидетельств, подтверждающих этот постулат. Как я ранее говорил, в неординарных состояниях сознания очень часто переживается осознаваемое отождествление с другими формами жизни, включая вирусы, растения и даже различные неорганические аспекты космоса. Можно возразить, что все это не является прямым доказательством того, что все вокруг нас наделено сознанием. Но, в любом случае, существование подобных надличностных переживаний позволяет предположить такую возможность. Столь же неоспорима и наша способность переживать свою идентичность с божественным. Она неоднократно подтверждалась современными исследованиями сознания.

Я не в состоянии вообразить какую-либо убедительную теорию, которая могла бы предложить трезвое материалистическое объяснение существования, природы и содержания всех таких переживаний. Поэтому вопрос, к которому вы, Эрвин, несколько раз возвращались в ходе этих двух дней, — каково происхождение таких переживаний и их соотносённость с реальностью, — носит критический характер. Открывают ли они какую-то глубочайшую истину о природе реальности, или же это всего лишь фантазии и галлюцинации? Сорок лет исследования этих захватывающих феноменов убедили меня в том, что их следует воспринимать всерьёз.

Традиционная академическая наука описывает людей как животных и биологических мыслящих машин. Наши переживания и наблюдения в повседневном состоянии сознания заставляют нас считать себя ньютоновскими объектами из атомов, молекул, клеток, тканей и органов. Но надличностные переживания явственно демонстрируют, что каждый из нас может также проявлять качества бесконечного поля сознания, выходящего за пределы пространства, времени и линейной причинности. Некая новая универсальная формула, в духе корпускулярно-волнового парадокса современной физики, возможно, будет описывать человека как существо парадоксальное, имеющее два дополняющих друг друга аспекта: с одной стороны, он способен проявлять качества ньютоновского объекта, с другой — характеристики бесконечного поля сознания. Каждое из этих описаний соответствует тому состоянию сознания, в котором ведётся наблюдение.

Ласло: Любопытно, что в последние два года термин «сознание» стал использоваться для того, что обычно принято было называть «разумом», либо просто чувствительностью или субъективностью, свойственной живым организмам. В большей части ранней литературы «сознание» приписывалось исключительно человеческому качеству самосознания. Если вы

обладаете сознанием, значит, вы осознаете свои собственные мысли и ощущения. В этом контексте можно говорить только лишь о сугубо человеческом свойстве, поскольку вместительность авторефлексивного сознания, судя по всему, является новой корой головного мозга, а она в достаточной степени развита лишь у человека, хотя, похоже, к этому идут в своей биологической эволюции и некоторые высшие приматы. Однако субъективность — не то же самое, что рефлексивное сознание; это лишь способность ощущать что-либо. Я полагаю, что она есть у любой существующей и эволюционирующей в природе системы.

Как отметил Пит, в нашем способе приписывать способность к субъективности в природе нет четкой границы. Если вы считаете, что ваша собака обладает субъективностью, то вы должны признать ее и за вашей мышкой — и так далее, вниз по эволюционному древу. Тогда следует признать эту способность и у простейших живых организмов, а в таком случае — почему не у их составляющих, то есть макромолекул, молекул и атомов? Семена сознания должны присутствовать во вселенной, они должны быть повсюду.

Рассел: Да, сознание — столь же фундаментальное качество вселенной, как материя, пространство и время.

Ласло: С течением времени и в ходе эволюции сознание становится все более конкретным. Замечательным достижением нашего биологического вида является тот факт, что наш мозг и наш организм развили вездесущие для природы семена сознания в способность авторефлексии. Это подобно добавлению устройства мониторинга, хоть и не настроенного в соответствии с картографией мира за пределами тела, но обладающего тем не менее своей картой описания карты мира.

Рассел: Именно это авторефлексивное сознание и делает людей особенными. Не думаю, что такая способность есть у других существ. По крайней мере, собаки и кошки не рассуждают подобно нам. Может быть, это умеют делать дельфины и киты, но на данный момент мы очень мало знаем о том, что происходит в их умах.

Ласло: Согласен. Потому у нас и есть персональная идентичность, что, осознавая самих себя, мы способны воспринимать себя частью мира. Разумеется, мы способны и впасть в заблуждение, полагая себя отдельными от мира или находящимися в оппозиции к нему. Мы можем говорить: это — я, это моя кожа, в которой заключено это «я», а все остальное — не я. Мы можем считать все, что «не я», радикально отличным от того, что есть «я». Мы можем увязнуть в этой эгоцентрической ловушке и во всех связанных с ней ограничениях и запретах. Но можем ли мы, по большому счету, на самом деле знать что-либо, что не является нашим собственным умом и сознанием? В материалистическом воззрении авторефлексивное эго становится радикально отделенным от мира.

Гроф: И все же люди, занимающиеся глубоким самоисследованием, используя необычные состояния сознания в медитации, эмпирической психотерапии или при ответственном употреблении психоделиков, способны развить четкий и единый взгляд на себя и реальность. Это же происходит в случае мощных спонтанных переживаний такого рода — духовных кризисов или околосмертного опыта. Для этого нового подхода к жизни особенно характерны чувство глубочайшей связи с другими людьми, с другими видами и природой, озабоченность планетарным будущим и духовностью вселенной и всеобъемлющей природы. Другие важные его составляющие — поворот к обновляемым источникам энергии, потребность очищать

окружающую среду и тенденция к возврату к естественным циклам. Иными словами — переориентация на такие виды деятельности, которые критически необходимы для жизнеспособного будущего.

Рассел: Язык и мышление, возможно, дали нам чувство себя. Однако в большинстве своем мы лишь наполовину пробуждены, лишь наполовину осознаем, кем мы на самом деле являемся. Здесь есть свои помехи. Как уже упоминалось, мы обычно выводим свое чувство идентичности из того, что мы делаем, чем мы обладаем, как нас воспринимают другие и какова наша роль в мире. Такая идентичность — выведенная из чего-то, не самодостаточная — очень хрупка и всегда зависит от воли обстоятельств. Усилия по ее поддержанию и укреплению то и дело ввергают нас в различные виды неадекватного и разрушительного поведения. Духовные традиции во всем мире единодушно утверждают, что мы должны в большей степени пробудиться к более глубокой самоидентичности и распознать, кем мы являемся на самом деле. Лишь в этом случае мы обнаружим подлинную свободу.

Если придерживаться такой точки зрения, духовную практику можно считать способом преодоления ущербности языка, возможностью реализовать свой подлинный потенциал разумных существ.

Гроф: Ваши слова, Пит, вызвали во мне воспоминание о разговоре, который был у меня много лет назад с одним человеком. Это было сразу после психоделической сессии, в которой ему пришлось глубоко пересмотреть взгляд на смысл своей жизни. Во время этого переживания он осознал, что многое из того, что он совершал в жизни, было лишено подлинности и не приносило ему удовлетворения и душевного мира. Его поведение в целом диктовалось его собственными неосуществленными мечтами, ожиданиями его родителей и попытками постоянно что-то доказывать им и себе. Он обнаружил также, насколько сильно программы его поведения были впечатаны в него его культурой, как много в нем было сформировано внешним давлением и обстоятельствами.

Делясь со мной, он сказал: «Знаете, мне кажется, самая главная задача в нашей жизни — открыть для себя сознание настурции». Я, разумеется, его не понял, поскольку он только что придумал этот термин — «сознание настурции», — и попросил разъяснить. «Это не обязательно должна быть именно настурция, — ответил он. — Может быть любой другой цветок или растение. Просто взгляните на них! Все они находятся в непосредственном контакте с землей, с солнцем, с дождем. Они просто делают свое дело. Настурция не стремится быть розой. Ее не волнует, как она окончит свои дни — в свадебном букете или в миске с салатом, съест ее кролик или наступит корова». Мы продолжали разговор. Он сказал, что, как ему кажется, за всеми этими неадекватными программами, которые навязывают нам обстоятельства нашей жизни, стоит некий конкретный космический сценарий — свой для каждого из нас. Именно это понимание и явилось для него открытием «сознания настурции». Когда мы обнаруживаем, что это такое, и делаем это ведущим принципом для себя, жизнь становится творческой, удовлетворяющей и легкой. Джозеф Кэмпбелл говорил об этом как о «следовании своему блаженству».

Ласло: Когда появляется рефлексивное сознание, возникает способность придавать жизненному опыту смысл, и он не обязательно должен совпадать с материалистическим здравым смыслом в духе западной цивилизации. Полагаю, что собака или другое животное воспринимает внешние объекты непосредственно, не размышляя о них. Такой способ восприятия влияет на многое. Ошибки, совершаемые животными, исправляются естественным

отбором. К примеру, если кролики регулярно будут принимать змею за палку, этот род кроликов быстро вымрет. Мы же, люди, то и дело заблуждаемся в своем восприятии себя и окружающей среды и отделяемся всего лишь компенсацией, которая не превращает ошибочного взгляда в правильный и к тому же затрудняет возможность обнаружить ошибку. В результате у нас есть возможность иметь различные взгляды на себя и на мир. Некоторые из этих взглядов более функциональны в плане нашей выживаемости, чем другие.

Разумеется, за функциональностью стоит философский или метафизический вопрос о конечной истине. Способность задавать такой вопрос, не умея с уверенностью ответить на него, является чисто человеческим испытанием. Вследствие того, что мы можем судить о мире лишь через призму своего восприятия и интерпретации, у нас есть доступ лишь к своим собственным картам мира, а не к реальности, как она есть. Однако совершенно очевидно, что некоторые мировоззрения и концепции не только больше способствуют выживанию и развитию, чем другие, но и с большей вероятностью соответствуют истине. И в наших же собственных интересах перейти к этим «лучшим» интерпретациям. Они дают нам самые последовательные и глубокие ответы на вечные вопросы, которые все мы рано или поздно задаем.

В то же время мы обнаружили, что возникновение сознания действительно является эволюционным шагом, приближающим нас к фундаментальным истинам о самих себе и о мире. Эти истины являются частью культурного наследия современного человечества, и тем не менее в ходе развития материалистической науки и основанной на ней технологической цивилизации, они систематически игнорировались или подавлялись. В настоящее время, когда перед наукой, так же как и перед обществом, стоит задача совершения следующего эволюционного скачка, перед нами открывается перспектива обнаружения и повторного открытия глубоких прозрений о жизни, космосе и сознании. В наши времена очень интересно жить, а также вступать в диалог и действовать.

Однако время позднее, и наш собственный диалог нам пора заканчивать. Мы провели два захватывающих дня, охватив в своем обсуждении широчайший спектр тем — от личного развития до эволюции всего человечества. Начав с вопросов о шансах на достижение мира во всем мире, мы вновь и вновь возвращались к выводу о том, что эволюция нашего сознания является ключом к достижению мира и к нашему индивидуальному и коллективному выживанию и развитию. Несмотря на крайне серьезный характер затронутых нами проблем, мы не погрязли в пассивном пессимизме, а обнаружили на горизонте светлую точку: перемены, происходящие в эти дни в человеческих ценностях, в мышлении, в мировоззрении — иными словами, в сознании людей. Мы назвали этот процесс «революцией в сознании» и справедливо усмотрели в этом явлении позитивный знак нашего времени, признак того, как человечество, как культурный и биологический вид, отвечает на угрозы и задачи, стоящие перед ним в эти решающие и интригующие времена.

Послесловие — дальнейшие размышления

Эрвин Ласло любезно попросил меня внести в эту весьма поучительную книгу свои размышления. Приступив к работе, я обнаружил, что мысли уносят меня к дням детства. «Революция в сознании» представляет собой запись обсуждений, которые вели в Сосалито и Сан-Франциско Эрвин Ласло, Питер Рассел и Станислав Гроф. Помню, что Сосалито находился на другом конце маршрута парома, который отправлялся с Маркет-стрит в Сан-Франциско. По выходным очередь к нему тянулась на несколько миль, и возможности попасть на паром приходилось ждать часами. В те относительно невинные времена десятки тысяч жителей Сан-Франциско, взяв в дорогу пакеты с едой, отправлялись в путь, чтобы исследовать леса Мюир-Вудс и гору Тамалпейс. Забавный локомотив с вертикальными клапанами тянул за собой небольшой поезд с открытыми вагончиками. Когда дорога шла под уклон, поезд скользил по рельсам, ведомый лишь силой гравитации. Эти воспоминания, вместе с чтением книги «Революция в сознании», с особой силой всколыхнули во мне вопросы, которые мучают меня всю жизнь.

Я считаю, что мы по сути *стали бессознательными*. Изменить такое положение вещей не означает только лишь пуститься в путь с целью обретения новых измерений сознания. От нас фактически требуется отказ от возведенной нами вокруг себя брони эгоцентризма и возврат к почти бессознательному состоянию, в котором только и можно обнаружить встроенное в нас родство со Всем, частью которого мы являемся.

Если мы хотим предотвратить то, что многие из нас воспринимают как почти неотвратимое коллективное самоубийство, мы должны научиться позволить существующему во всех нас потенциалу проявлять себя. Рождаясь, мы вносим в свою жизнь память своего вида, генетическую структуру, универсальное осознание бесконечности и способность слушать самих себя. Мы учимся использовать свои органы чувств, развивая способность ценить и творить искусство и музыку; мы развиваемся интеллектуально, приобретая знания и навыки, и живем, выражая себя в меру своих возможностей. И, несмотря на все это, мы не знаем, как выразить обитающее внутри нас чувство бесконечного. Мы стремимся превратить его в нечто невероятно осязаемое, вещественное и мощное, чтобы обрести всецелый контроль над собой и своим миром. По-видимому, дать выразиться этому чувству вечности, не исказив при этом своих стремлений, можно лишь через художественное и творческое выражение, через творение бесконечно прекрасных произведений, доказывающих, что творчество способно искупить плотские и неочищенные проявления жизни. Я бы сказал, что без искусства и без смирения наше чувство бесконечного обречено выразаться лишь в непрерывном стремлении к бесконечной власти, к обладанию, к доминированию, к полному контролю. Когда господствует эго, наша жажда власти практически неограниченна, и отдельного человека мы можем рассматривать лишь в качестве «винтика в машине». Но за пределами эго в каждом из нас есть самость с ее знанием тайны живых клеток, с верой в возможность мистического союза со Всем.

Пусть даже эта вера бессознательна, мы тоскуем по возврату к божественному опыту. Он требует определенных жертв, и акты самопожертвования с целью умиловить богов были хорошо известны во многих «примитивных» обществах. Однако в нашем обществе Богом является Маммона — деньги и коммерция. И жертва, которую мы ей приносим, глобальна. Например, национализм поощряет в людях убеждение, что их долг — жертвовать собой и другими для защиты священных символов и принципов, что придает национализму сакральную значимость. Чаще всего в жертву приносятся женщины и дети — это делается с той же

устрашающей частотой, как в прошлом, хотя, возможно, в менее ритуалистической манере. В некоторых местах мусульманские дети верят, что высшей наградой является смерть, и сотни тысяч их, мобилизованные для роли замечательных, надежных убийц, идут (или ведомы) к своей гибели. Да, всем нам присущи божественный зов, послушание, идеалы, но всё организовано для службы сознательному Дьяволу. Мы осознаем принцип универсального единства, но используем его в самых отвратительных, одержимых невежеством и узостью, самоубийственных целях.

Наша система правосудия, которая зиждется на наказании, а не на защите жертв и реабилитации и покаянии обидчиков, порочна в самой своей основе. В возмездии слишком мало шансов на перевоспитание или исправление. Законы, произвольным образом определяющие различные степени наказания, практически бесполезны — как и армия адвокатов, крючкотворствующих вокруг не поддающихся расшифровке правовых текстов, и судей, не имеющих никакого морального права судить каждый случай в меру собственных достоинств и недостатков. Со времен Нюрнберга предпринимались попытки создания всемирного суда, но на самом деле спасать жизни и улучшать свои шансы на защиту мировых цивилизаций и культур мы можем лишь превентивной деятельностью.

Наши природные ресурсы смогут поддерживать жизнедеятельность населения лишь до определенного предела. Даже при более развитой демократии с представительством преследуемых, слабых, больных, необразованных и уязвимых мы бы не смогли помешать более сильным и безжалостным захватывать пищу, землю, воду и другие ресурсы. У нас имеются обширные гуманитарные ресурсы — сострадание, вина, обязанность, этические кодексы и религии. Деньги представляют собой подлинно демократическую силу, поскольку доллар остается долларом, независимо от того, кому принадлежит рука, которая его держит, и, тем не менее, гнет денег так велик, что они способны покупать целые народы. Поэтому критически важно создание свободных от денег зон для поощрения активных и независимых взаимоотношений.

Есть большое сходство в методах убеждения, к которым прибегают реклама, политическая пропаганда и религия. Их поведение стало идентичным — манипулятивным и вводящим в заблуждение, чаще всего оно сводится к невыполнимым обещаниям. К примеру, и Китай, и США стремятся к накоплению мощи, необходимой для эксплуатации и контроля природных и человеческих ресурсов. Под давлением безжалостных обстоятельств такая ситуация может обернуться войной. Когда наши самые негативные наклонности получают теоретическое оправдание или благословляются некими идеалами, и когда нам не остается ничего иного, кроме как следовать им, мы оказываемся наедине со своей совестью.

Как вопреки, так и благодаря колоссальным достижениям медицины, психологии, сельского хозяйства, питания, технологии, средств коммуникации и индустрии досуга, люди сведены до положения «электрических батареек». В результате мы можем стать легкими жертвами катаклизма, масштабы которого будут напоминать эпидемии прошлого. Катастрофу могут вызвать самые разные причины. По сути, она уже началась: банкротство, безработица, заболевания, голод, социальный хаос — все это существует на сегодняшний день и в США, и в менее обеспеченных странах. Если мы хотим выжить на индивидуальном и глобальном уровне, нам на самом деле необходима новая система ценностей.

Вопрос в том, способны ли мы извлечь все необходимые уроки и избрать наиболее гуманный путь, не породив при этом таких негативных последствий, как радиация, мстительность, разрушения или психологический ущерб? Перефразируя знаменитое высказывание Вудро Вильсона, можем ли мы сделать мир «безопасным для доброты», а не только «для демократии»? Хорошие ценности — это те, которые воздействуют позитивно на самое большое число людей, — поощрение, понимание, терпение, спокойное мужество — это

ценности, заслуживающие доверия и мало подверженные коррозии и износу. Артисты, мечтатели и изобретатели играют ключевую роль в борьбе с предрассудками и насилием, особенно прививая идеи и ценности детям. К примеру, мой проект MUS-E, несущий музыку и искусство в европейские школы, продемонстрировал, как такое новшество может помочь изменить сознание.

Понятия, которые людям особенно трудно усвоить, это умеренность, чувство пропорции и понимание своих ограничений. Трудность состоит в расширении времени и пространства, необходимом для того, чтобы перейти от охоты на жертву к защите жертвы, от пребывания здесь и сейчас — к более широким измерениям, где сострадание преграждает путь жадности. Можем ли мы создать такую систему, которая поможет нам быть добрыми и смелыми, снисходительными и решительными, доверчивыми, но реалистами, мудрыми и щедрыми, а не неуёмными и эгоистичными? Можем ли мы позволить творческим, артистическим, эстетическим принципам руководить нашими ежедневными поступками и поведением? Можем ли мы прекратить пичкать своих детей предрассудками и страхом? Можем ли мы устранить насилие и жестокость из наших фильмов, книг, мыслей и стремлений, или же это наш способ готовиться к надвигающимся катастрофам?

Я верю в единство «внутреннего» и «внешнего». Как сказал великий немецкий философ Костантин Бруннер, все является степенью сознания. Из науки мы знаем, что радиация может распространяться в течение световых лет; возможно ли, что мы, как вибрирующий нейтрон, пронизываемся «сознанием»? Может быть, именно так мы можем добиться революции в сознании — порождая и поощряя новые установки и убеждения, постепенно просачивающиеся в наши мысли, в наши действия и в наши институты — медицинские, психологические, философские, научные, коммерческие, банковские, религиозные, художественные. Мы должны проживать свою жизнь, полностью осознавая других людей, животных, потенциал нашего собственного ума, красоту искусства и радость истинного общения, в котором равное значение имеет время и место сообщения, тот, от кого оно исходит, и тот, кто его получает. Именно так распространяется творение в разные ситуации и обстоятельства. Одним из результатов этого процесса является обесценивание идеи оригинальности: мы видим, как определенные идеи и изобретения возникают одновременно в удаленных друг от друга местах. Меня поражает то, как часто «подобное притягивает подобное», как хорошее (или плохое) накапливается, достигая совместного коллективного эффекта. Особенно радует, когда позитивный и благотворный взгляд на вещи начинает проникать в другие установки или просто распространяется на все сообщество. Бывают и противоположные примеры, например, когда мы оказываемся узниками собственной фракции, группы людей с узким, фундаменталистским кругозором, когда наш досуг узурпируется на основе разных деструктивных уловок, когда наши сны становятся кошмарами, лишенными внутреннего равновесия и покоя. Легко можно счесть террориста высоко мотивированным, экстатичным, бескорыстным мучеником, но если им руководит жажда мести, то он ничего не может дать ни себе, ни человечеству.

К счастью, мы идем к великим объединяющим принципам. Я верю в универсальную религию простых истин, соответствующую нашему времени. Главное направление научного исследования и его практических приложений сдвинулось от осязаемого к неосязаемому, от механического к электрическому, от силы угля к силе, заключенной в атоме. В медицине наше понимание охватывает сейчас разум и мозг; мы отчетливо осознаем прогресс от тела к разуму, а теперь и к живой клетке, к ее химии и электронике. Возникает некий общий смысл и цель жизни по мере того, как мы открываем его неизбежное возникновение в идеальных условиях. Мы начинаем понимать упорную волю жизни к существованию и в конечном счете — к переживанию божественного через рост сознания, коммуникации и признания хода жизни и

смерти, непрекращающейся последовательности и непрерывности жизни и смертей.

Мне необходимо быть окруженным любовью и доверием, и я должен уметь помогать и наставлять в той же мере, в какой нуждаюсь в том, чтобы помогли мне и наставляли меня. Возможности учиться, оказывать помощь, приносить пользу — бесконечны. Мы должны почитать эту священную часть жизни, которую составляют мечты, размышления, медитация, постижение, молитва — все эти способы использования свободного времени, которые умирят это и расширяют сознание. В том, что касается понимания другого человека и заботы о нем, это тоже ограничено. Нужен более высокий уровень. Цель жизни — учиться, давать, получать удовлетворение, быть довольным, знать, делиться, находить удовлетворение в любви и благодарности других, в собственном понимании, в собственном здоровье, в способности творить и пребывать в атмосфере потребности друг в друге. Доверие, дружба, изобилие, несдержанность и радость столь же необходимы для цивилизованного существования, как и юмор.

Способны ли мы начать двигаться вперед по-новому, в соответствии со «вспомогательной технологией», ради себя самих и, особенно, ради «третьего мира», как предлагает Э.Ф. Шумахер в своем прозрении «маленькое прекрасно»? Направление, которое мы должны избрать, очевидно; средства, понимание, даже руки, умы и сердца — все это уже есть. Чего же недостает? Нам надо отказаться от летаргии и дурной привычки, от менталитета козла отпущения, от предрассудков. Нам нужна определенная доля выдержки, а также добрая порция вдохновения. А еще нам надо как можно быстрее признать, какое глубокое удовлетворение мы испытываем, когда видим счастливых детей, когда по всему миру у нас есть друзья, которые нам доверяют, когда мы справляемся со своими страхами, когда нас захватывает радость творческого существования, когда мы узнаём новое, и какое воодушевление мы можем пережить, видя, сколь многого мы способны достичь для самих себя, благодаря самим себе, для других и для общего блага.

Иегуди Менухин^[2]

Книги авторов

Stanislav Grof

Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research, Viking Press, New York, 1975; Dutton, New York, 1976

The Human Encounter with Death, Dutton, New York, 1977 (with Joan Halifax)

LSD Psychotherapy, Hunter House, Pomona, CA, 1980

Beyond Death: Gates of Consciousness, Thames & Hudson, London, 1980 (with Christina Grof)

Ancient Wisdom and Modern Science, State University New York (SUNY) Press, Albany, NY, 1984 (ed.)

Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy, SUNY Press, Albany, NY, 1985

The Adventure of Self-Discovery, SUNY Press, Albany, NY, 1987

Human Survival and Consciousness Evolution, SUNY Press, Albany, NY, 1988 (ed.)

Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis, Tarcher, Los Angeles, 1989, (ed. with Christina Grof)

The Stormy Search for the Self: A Guide to Personal Growth Through Transformational Crises, Tarcher, Los Angeles, 1991 (with Christina Grof)

The Holotropic Mind: The Three Levels of Consciousness and How They Shape our Lives, HarperSanFrancisco, CA, (with Hal Zina Bennett), 1994

Books of the Dead: Manuals for Living and Dying, Thames & Hudson, London, 1994

The Cosmic Game: Exploration of the Frontiers of Human Consciousness, SUNY Press, Albany, NY, 1998

Ervin Laszlo

Essential Society: An Ontological Reconstruction, Martinus Nijhoff, The Hague, 1963

Individual, Collectivism, and Political Power, Martinus Nijhoff, The Hague, 1963

Beyond Scepticism and Realism, Martinus Nijhoff, The Hague, 1966

System, Structure, and Experience, Gordon & Breach, New York and London, 1969

La Metaphysique de Whitehead, Martinus Nijhoff, The Hague, 1970

Introduction to Systems Philosophy, Gordon & Breach, New York and London, 1972

The Systems View of the World, George Braziller, New York, 1972; 2nd ed. Hampton Press, Crestkill, NJ, 1996

A Strategy for the Future, George Braziller, New York, 1974

Goals for Mankind: Report to the Club of Rome, Dutton, New York, 1977

The Inner Limits of Mankind, Pergamon Press, Oxford and New York, 1978; 2nd ed., Oneworld Publications, Oxford, 1989

Systems Science and World Order, Pergamon Press, Oxford, 1983

Evolution: The Grand Synthesis, Shambhala New Science, Boston and London, 1987; 2nd ed., Hampton Press, Crestkill, NJ, 1996

The Age of Bifurcation, Gordon & Breach, New York and London, 1991

The Creative Cosmos, Floris Books, Edinburgh, 1993

Vision 2020, Gordon & Breach, New York, 1994

The Choice, Putnam/Tarcher, Los Angeles, 1994

The Interconnected Universe, World Scientific, London and Singapore, 1995

The Whispering Pond, Element Books, Shaftesbury and Rockport, 1996; revised ed. 1998

The Insight Edge, Quorum Books, Westport, CA, 1997

Third Millennium: The Challenge and the Vision, Gaia Books, London, 1997

Peter Russell

The TM Technique: A Skeptics Guide, Routledge & Kegan Paul, London and Boston, 1976; Arkana, London, 1990

The Upanishads, Mandala and HarperSanFrancisco, 1990 (ed.)

The Brain Book: Know Your Own Mind and How to Use It, Routledge & Kegan Paul, London; Dutton, New York, 1979

Meditation, BBC Publications, London, 1979

The Awakening Earth, William Morrow, New York, 1993

The Global Brain, Tarcher, Los Angeles, 1983

The Creative Manager: Finding Inner Wisdom in Uncertain Times, Unwin. Hyman, London, 1989; Jossey-Bass, San Francisco, 1992

The White Hole in Time: Our Future Evolution and the Meaning of Now, Aquarian, London; HarperSanFrancisco, 1992

The Global Brain Awakens: Our Next Evolutionary Leap, Global Brain, Palo Alto, CA, 1995

Waking Up in Time: Surviving Ever-Accelerating Change, Origin Press, Novato, 1998

Дополнительная литература

Aron, Elaine and Arthur, *The Maharishi Effect: A Revolution through Meditation*, Stillpoint Publishing, Walpole, NH, 1984

Artigiani, Robert, in Ervin Laszlo, Robert Artigiani, Allan Combs, and Vilmos Csanyi, *Changing Visions: Human Cognitive Maps Past, Present, and Future*, Adamantine Press, London, 1996

Benor, Daniel J., *Healing Research: Holistic Energy Medicine and Spiritual Healing*, Helix Verlag, Munich, 1993

Bohm, David, *Wholeness and the Implicate Order*, Routledge & Kegan Paul, London, 1980

Capra, Fitzjof and David Steindl-Rast, *Belonging to the Universe*, HarperSanFrancisco, 1983

Davies, P. C. W. and J. R. Brown (eds.). *The Ghost in the Atom*, Cambridge University Press, 1986

Davidson, John, *Subtle Energy*, C. W. Daniel, Saffron Walden, 1983

—. *The Secret of the Creative Vacuum*, C. W. Daniel, Saffron Walden, 1989

Davies, Paul, *God and the New Physics*, Simon & Schuster, New York, 1983

—. *The Mind of God*, Simon & Schuster, New York 1992

— and John Gribbin, *The Matter Myth*, Simon & Schuster, New York, 1992

Day, William, *Genesis on Planet Earth*, Yale University Press, New Haven, 1984

Dossey, Larry, *Recovering the Soul: A Scientific and Spiritual Search*, Bantam, New York, 1989

—. *Healing Words: The Power of Prayer and the Practice of Medicine*, HarperSanFrancisco,

- 1993
 Eccles, John and Daniel N. Robinson, *The Wonder of Being Human*, Shambhala, London, 1985
 Edelman, Gerald M., *Bright Air, Brilliant Fire: On the Matter of Mind*, Basic Books, New York, 1992
- 1992
 Eldredge, Niles, *Unfinished Synthesis. Biological Hierarchies and Modern Evolutionary Thought*, Oxford University Press, 1985
Time Frames: The Rethinking of Darwinian Evolution and the Theory of Punctuated Equilibria, Simon & Schuster, New York 1985
 Franz, Marie-Louise von, *Psyche and Matter*, Shambhala, Boston and London, 1992
 Gleick, James, *Chaos*, Viking, New York, 1987
 Goodwin, Brian, "Development and Evolution," *Journal of Theoretical Biology*, 97, 1982
 —. "Organisms and Minds as Organic Forms," *Leonardo*, 22, 1, 1989
 Gore, Al, *Earth in the Balance*, Houghton Mifflin, Boston, 1992
 Grinberg-Zylverbaum, Jacobo M. Delaflor, M. E. Sanchez-Arellano, M. A. Guevara, and M. Perez, "Human Communication and the Electrophysiological Activity of the Brain," *Subtle Energies*, Vol. 3.3, 1993
- 1993
 Goswami, Amit, *The Self-Aware Universe*, Putnam, New York, 1993
 Gray, J., "Consciousness on the Scientific Agenda," *Nature*, 358, 277, 1992
 Grosso, Michael, *The Millennium Myth: Love and Death at the End of Time*, Quest, Wheaton, IL, 1995
- 1995
 Hansen, G. M., M. Schlitz and C. Tart, "Summary of Remote Viewing Research," in Russell Targ and K. Harary, *The Mind Race, 1972–1982*, Villard, New York, 1984
 Harman, Willis, *Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insight*, Tarcher, Los Angeles, 1984
 Harris, Errol E., *Cosmos and Anthropos*, Humanities Press, New York, 1991
 Heisenberg, Werner, *Physics and Philosophy*, Harper & Row, New York, 1985
 Herbert, Nick, *Elemental Mind*, Dutton, New York, 1993
 Hiley, B. J., and David Peat, *Quantum Implications: Essays in Honour of David Bohm*. Routledge and Kegan Paul, London 1987
 Ho, Mae Wan, *The Rainbow and the Worm: The Physics of Organisms*, World Scientific, Singapore and London, 1993
 Honorton, C. R. Berger, M. Varvoglis, M. Quant., P. Derr, E. Schechter, and D. Ferrari, "Psi-Communication in the Ganzfeld: Experiments with an Automated Testing System and a Comparison with a Meta-Analysis of Earlier Studies," *Journal of Parapsychology*, 54, 1990
 Hoyle, Fred, *The Intelligent Universe*, Michael Joseph, London, 1983
 Hoyle, Fred, G. Burbidge and J. V. Narlikar, "A Quasi-Steady State Cosmology Model with Creation of Matter," *The Astrophysical journal*, 410, 20 June 1993
 Huxley, Aldous, *The Perennial Philosophy*, Harper & Row, New York, 1970
 Jacob, Francois, *The Logic of Life: A History of Heredity*, Pantheon, New York, 1970
 Jahn R. G., and B. J. Dunne, "On the Quantum Mechanics of Consciousness, with Application to Anomalous Phenomena," *Foundations of Physics*, 16, 8, 1986
 Jung, Carl G., "Commentary on *The Secret of the Golden Flower*," in R. Wilhelm, *The Secret of the Golden Flower*, Harcourt, Brace & World, New York, 1962
 Kauffman, Stuart, *The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution*, Oxford University Press, 1993
 Keen, Sam, *Hymns to an Unknown God*, Bantam, New York, 1994
 Krippner, S., W. Braud, I. L. Child, J. Palmer, K. R. Rao, M. Schlitz, R. A. White, and J. Utts,

- "Demonstration Research and Meta-Analysis in Parapsychology," *Journal of Parapsychology*, 57, 1993
- Lorimer, David, *Whole In One: The Near-Death Experience and the Ethic of Inter connectedness*, Arkana, London, 1990
- Loye, David (ed.), *The Evolutionary Outrider: The Impact of the Human Agent on Evolution. Essays Honoring Ervin Laszlo*, Fred Praeger, West-port, CN; Adamantine, London, 1998
- McKenna, Terence, Rupert Sheldrake and Ralph Abraham, *Dialogues at the Edge of the West*, Bear & Co., Santa Fe, NM, 1992
- Morin, Edgar and Anne Brigitte Kern, *Terre-Patrie*, Editions du Seuil, Paris, 1993
- Moody, Jr. Raymond A., *The Light Beyond*, Bantam Books, New York, 1988
- , *Life After Life*, Mockingbird Books, Covington, KY, 1975
- Nelson, John E., *Healing the Split*, State University of New York Press, Albany, NY, 1994
- Netherton, Morris and Nancy Shiffrin, *Past Lives Therapy*, William Morrow, New York, 1978
- Pagels, Heinz, *The Cosmic Code*, Bantam Books, New York, 1990
- Peat, F. David, *Einstein's Moon*, Contemporary Books, Chicago, 1990
- Penrose, Roger, *The Emperor's New Mind*, Oxford University Press, New York, 1989
- Persinger Michael A., and Stanley Krippner, "Dream ESP Experiments and Geomagnetic Activity," *The Journal of the American Society for Psychical Research*, 83, 1989
- Polkinghorne, John, *Reason and Reality*, Trinity Press, Philadelphia, 1991
- , *The Quantum World*, Longman, London, 1984
- Pribram, Karl, *Brain and Perception: Holonomy and Structure in Figural Processing*, The MacEachran Lectures, Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1991
- Prigogine, Ilya and Isabelle Stengers, *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*, Bantam Books, New York, 1984
- Ray, Paul H., "American Lives," *Noetics Sciences Review*, Spring 1996
- Rein, Glen, "Modulation of Neurotransmitter Function by Quantum Fields," *Planetary Association for Clean Energy*, 6, 4, 1993
- Requardt, Manfred, "From 'Matter-Energy' to 'Irreducible Information Processing' — Arguments for a Paradigm Shift in Fundamental Physics," *Evolution of Information Processing Systems*, K. Haefner (ed.), Springer Verlag, New York and Berlin, 1992
- Rosen, Joe, *The Capricious Cosmos*, MacMillan, New York, 1991
- Saunders, Peter T., "Evolution without Natural Selection," *Journal of Theoretical Biology*, 1993
- Schroeder, Gerald L., *Genesis and the Big Bang*, Bantam Books, New York, 1990
- Sheldrake, Rupert, *A New Science of Life*, Blond & Briggs, London, 1981
- , *The Presence of the Past*, Times Books, New York, 1988
- Stapp, Henry P., *Matter, Mind, and Quantum Mechanics*, Springer Verlag, New York, 1993
- Stevenson, Ian, *Unlearned Language: New Studies in Xenoglossy*, University Press of Virginia, Charlottesville, 1984
- *Children Who Remember Previous Lives*, University Press of Virginia, Charlottesville, 1987
- Stewart, Ian, *Does God Play Dice?* Blackwell, Cambridge, 1992
- Talbot, Michael, *The Holographic Universe*, HarperCollins, New York, 1991
- Targ, Russell and K. Harary, *The Mind Race*, Villard Books, New York, 1984
- Tarnas, Richard, *The Passion of the Western Mind*, Ballantine Books, New York, 1993
- Tart, Charles, *States of Consciousness*, Dutton, New York, 1975
- Tiller, William A., "Subtle Energies in Energy Medicine," *Frontier Perspectives*, 4, 2, Spring 1995
- Trefil, James, *Reading the Mind of God*, Anchor Books, New York, 1989
- Ullman, M., and S. Krippner, *Dream Studies and Telepathy: An Experimental Approach*, Parapsychology Foundation, New York, 1970

Varvoglis, Mario, "Goal-Directed and Observer-Dependent PK: An Evaluation of the Conformance-Behavior Model and the Observation Theories," *The Journal of the American Society for Psychical Research*, 80, 1986

Weinberg, Steven, *The First Three Minutes*, Basic Books, New York, 1988

—. *Dreams of a Final Theory*, Pantheon Books, New York, 1992

White, John, *The Meeting of Science and Spirit*, Paragon House, New York, 1990

Wigner, Eugene, *The Scientist Speculates*, I. J. Good (ed.), Heinemann, London, 1961

Wilber, Ken, *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*, Quest Books, Wheaton, 1980

—. *One Taste: The Journals of Ken Wilber, 1997*, Shambhala, Boston, 1999

—. *Quantum Questions*, Shambhala, Boston, 1985 (ed.)

—. *Sex, Ecology, Spirituality; The Spirit of Evolution*, Shambhala, Boston, 1995

Woolger, Roger, *Other Lives, Other Selves*, Doubleday, New York, 1987

Zohar, Danah, *The Quantum Self*, William Morrow, New York, 1990

Zukav, Gary, *The Dancing Wu Li Masters*, Bantam Books, New York, 1989

notes

Мыслью — значит, существую (*лат.*).

Иегуди Менухин — выдающийся американский скрипач. — *Прим. пер.*